

Посвящается участникам
Великой Отечественной войны.
Живым и погибшим

Какою страшною пропиской
Вошла война в нас навсегда.

Арсен Еремян

22 июня 1945г. Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»

АРСЕН ЕРЕМЯН
22 ИЮНЯ

Хроника военных событий

1941-2011

**ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
«РУССКИЙ КЛУБ»**

Тбилиси
2011

UDC(753) 49(479.22)"1941-1945"+355.48647922)
m-93

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»
и **ВТБ**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

Автор и составитель
АРСЕН ЕРЕМЯН
заслуженный журналист Грузии

Фотографии
Д.Бальтерманца, Евг.Волкова, М.Заргаряна,
М.Квирикашвили, А.Сватикова и др.,
из архива автора

На обложке – кадр из фильма «Отец солдата»

© Арсен Еремян. 2011
ISBN 978-9941-0-3252-3

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Наш сборник военных художественно-документальных рассказов «22 ИЮНЯ» посвящается трагическому и горькому дню в истории СССР, нашей когда-то общей родной страны, - дню начала Великой Отечественной войны, Дню памяти и скорби.

На страницах книги перед вами предстанут десятки человеческих судеб, реальных людских жизней, которые семьдесят лет тому назад, 22 июня 1941 года преломились и необратимо пошли по новым дорогам – тяжелым, беспощадным, военным. Для кого-то они оказались короткими, последними... Для кого-то – долгими. Но любая из них была исполнена настоящего мужества.

Великая Отечественная принесла такое невысказанно огромное количество потерь, что коснулась каждой – каждой! – семьи в стране, называвшейся Советским Союзом. Из маленькой республики Грузии на фронт ушло 700 000 ее жителей. 300 000 из них не вернулось...

Победа была завоевана дорогой ценой величайших жертв и лишений – наши деды, отцы, старшие братья воевали и в самом деле не ради славы, а ради нас с вами. Благодаря их подвигу жизнь продолжается.

День начала войны для всех был одинаково ошеломляющим. И в то же самое время – вы убедитесь в этом, прочитав книгу, – каким же разным он был для наших героев! 22 июня политрук роты 333 полка Александр Каландадзе нес службу на границе, в Брестской крепости. Заслуженный тренер СССР по борьбе Лев Капитанов привез на детские соревнования в Харьков своих воспитанников. Актриса Наталья Бурмистрова находилась на гастролях в Гродно. Художник Ираклий Тоидзе сидел у своего мольберта. А вчерашние ученики тбилисской 43-й школы, только-только сдавшие выпускные экзамены, всем классом записались добровольцами. И все они отправились защищать Родину. Все, даже подростки, которые с первого дня войны или норовили тайно от родителей удрать на фронт, или осаждали военкоматы, добиваясь повестки. И удирали-таки – как Джансуг Чарквиани. Или добивались – как Булат Окуджава.

Наша книга – дань памяти героям Великой Отечественной. Тем, чьи имена навеки вписаны в книгу истории, и тем скромным бойцам фронта и тыла, кто ежедневно сражался во имя жизни, во имя Победы.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ! ВЕЧНАЯ СЛАВА!

Николай СВЕНТИЦКИЙ

Из сводки Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 года

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря...

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов...

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генерального штаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и наркома обороны шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по ту сторону границы. Эти сведения они получали от пограничников и передовых частей прикрытия.

Примерно в 24 часа 21 июня командующий Киевским округом М.П. Кирпонос, находившийся на своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, по которому сообщил генерал М.А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат – 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность.

Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи И. В. Сталину. Он спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно.

После смерти И. В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действи-

Г.Жуков

тельности. Последняя мирная ночь была совершенно иной.

Как я уже сказал, мы с наркомом обороны по возвращении из Кремля неоднократно говорили по ВЧ с командующими округами Ф.И. Кузнецовым, Д.Г. Павловым, М.П. Кирпоносом и их начальниками штабов, которые, кроме Д.Г. Павлова, находились на своих командных пунктах.

Под утро 22 июня нарком С.К. Тимошенко, Н. Ф. Ватугин и я находились в кабинете у наркома обороны.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф. С. Октябрьскому:

– Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала.

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

– Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В.Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит по ВЧ с Киевским округом.

– Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

– Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение.

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов.

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Он сказал:

– Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

Маршал Советского Союза

Г.К.ЖУКОВ

Из книги

«Воспоминания и размышления»

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

22 июня Ираклий Тоидзе работал в своей мастерской над вариантом иллюстрации к поэме «Витязь в тигровой шкуре». Внезапно распахнулась дверь, и в комнату вбежала жена ху-

дожника Тамара. Потрясенная и испуганная, она растерянно указывала за порог, где услышала из уличного репродуктора сообщение Совинформбюро... «Война!», - только и смогла вымолвить она. Художник посмотрел на жену и сказал: «Стойте так и не двигайтесь». И тут же стал делать наброски, один за другим...

В то июньское утро Тамара стала олицетворением всех женщин, которым выпала тяжкая участь провожать сыновей на войну. И этот жест, который она, русская женщина, незаметно для себя переняла у землячек мужа, грузинских женщин, помог создать художнику его лучшее творение.

По воспоминаниям сына художника, Александра Тоидзе, отец очень любил поэзию Андрея Белого. В томике его стихов Ираклий Тоидзе подчеркнул карандашом строки: «Позволь же, о родина-мать, в сырое, в пустое раздолье, в раздолье твое прорыдать»... Эти любимые художником строки отозвались в его памяти в трагические дни начала войны, и название плаката пришло само собой.

И. Тоидзе

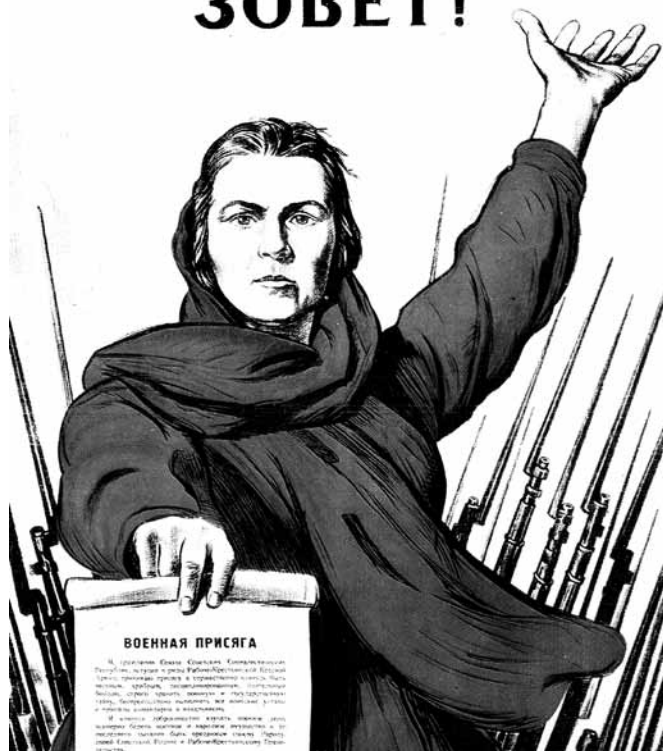
Образ «Родина-мать» — это не «портрет жены художника». Это портрет Матери, в котором каждый находил черты самого дорогого лица...

Уже к концу июня 1941 года плакат «Родина-мать зовет!», напечатанный миллионными тиражами, увидела вся страна. Его клеили на вокзалах и сборных пунктах, в учреждениях и колхозных конторах, на заборах и стенах. Типографии выпустили и специальный тираж «Родины-матери» - плакатики чуть меньше обычной почтовой открытки солдаты носили в нагрудных карманах гимнастеров, рядом с фотографиями матерей и жен, рядом с партийными и комсомольскими билетами, так же, как в Первую мировую войну защитники хранили при себе иконки с образом Божьей матери.

Плакат «Родина-мать», как и песня «Священная война», оказывал на бойцов огромное эмоциональное воздействие, не менее сильное, чем беседы политруков, почему надо защищать Родину...

Через много лет после окончания Великой Отечественной войны Ираклий Тоидзе рассказывал историю, услышанную от знакомого фронтовика. В первые месяцы войны наши войска обороняли город от превосходящих сил противника. Город отстоять не удалось. Когда бойцы покидали его, один солдат, увидев на стене полуразрушенного дома плакат

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

«Родина-мать», воскликнул: «А как же моя мама?!». Он отстал от товарищей, снял плакат со стены, аккуратно сложил его и, сунув под гимнастерку, бросился догонять товарищей. И тут его сразила вражеская пуля...

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

С первых дней войны песня, народные мелодии, патриотическая классическая музыка, русское и советское искусство, отражающее образ Родины, стали особенно дороги и священны для советских людей. Радиопрограммы были наполнены патриотической музыкой, поэзией, сценами из спектаклей, выступлениями известных литераторов, режиссеров, композиторов.

Соответственно был выстроен и репертуар нашего коллектива. Каждый день начинался с концертов, которые про-

ходили на призывных пунктах, площадях и улицах города, в привокзальных помещениях. Особенно часто выступали на Белорусском вокзале. Нас слушали с напряженным вниманием. Песни ансамбля, его пляски поднимали боевой дух и вселяли надежду в тех, кто отправлялся на фронт.

Центр жизни ансамбля переместился в здание Дома Красной Армии. Теперь здесь был наш штаб, наш кров. С раннего утра начинались занятия, репетиции, обсуждались различные организационные вопросы. Нередко артисты московской труппы, руководители коллектива проводили в этом здании круглые сутки. Утром 24 июня во время завтрака, к А.В. Александрову подошел политработник с газетой «Известия» в руках.

– Александр Васильевич, тут для вас есть замечательное стихотворение Лебедева-Кумача, может, напишете песню?

Отец взял газету, прочитал стихи и, забыв обо всем, уехал домой сочинять песню. К вечеру она была готова. Ночью вызвали артистов ансамбля и тут же, в репетиционной комнате, написал ноты мелом на доске, выучили ее.

Музыка, с ее призывным настроением, с интонациями клича, зова, была настолько созвучна стихам, правде каждой строфы и несла в себе такую могучую силу и искренность переживания, что певцы и музыканты порой от спазм, сжимающих горло, не могли петь и играть...

Утром следующего дня, едва успев родиться, «Священная война» начала выполнять свой солдатский долг. На Белорусском вокзале, в людской тесноте и продымленной духоте, среди суеты и нескладности последних прощаний, ее голос звучал подобно набату, клятве, присяге. Все, кто в эту минуту находился там, заслышав первые звуки, поднялись, как один, и, словно в строю, торжественно и сурово прослушали песню до конца, а когда она окончилась, на какое-то мгновение замерли, завороченные звуками, а затем раздались оглушительные аплодисменты, горячая просьба повторить. В замечательный миг своего общественного рождения эта песня сразу стала необходима людям: они требовали и требовали повторения, и только после того, как добрая половина присутствующих уже подпевала ансамблю, запомнив мотив и слова, «Священная война» уступила место другим произведениям.

С этого памятного дня и началась ее большая жизнь...

Борис АЛЕКСАНДРОВ,
композитор, дирижер,

Б.Александров

Л.Русланова в Берлине. 2 мая 1945 г.

народный артист СССР

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев: Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

ЭТОТ СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»

21 июня Александра Каландадзе вызвали в штаб полка. В тот же субботний день он вернулся в цитадель, но все дела пришлось отложить. Наступал вечер отдыха, когда под звездным небом натягивали холст и под стрекот киноаппарата на экране оживали герои любимых фильмов. Расходились не спеша, обсуждая игру актеров, строя планы на воскресный день.

Он долго не мог уснуть в ту ночь, беспокойно ворочался на койке, когда страшной силы взрыв потряс здание казармы. Обрушилась кровля, и в сторону ушла стена. Бойцы поспешно вскакивали с коек, полусонные, толпились в проходах. В грохоте разрывов снарядов тонули крики команды. И тогда они поняли: надо брать оружие, чтобы сражаться и жить.

Александр бросился к выходу. По лестнице, объятай пламенем, сбежал в подвал, где возле узких бойниц стояли его

товарищи. Автоматчики в грязно-зеленых мундирах успели ворваться в казармы мотомеханизированного батальона. Несколько метров отделяло их от обороняющихся. По приказу старшего лейтенанта Потапова бойцы 333 стрелкового полка укрепили выходы из подвала и приготовились к отражению атаки.

Из сплошной пелены дыма и пламени память потом выхватывала отдельные эпизоды. Рукопашный бой в клубе, в здании бывшего костела. Уничтожен вражеский отряд у Тереспольских ворот. Восстановлена связь с 84 полком. Женщин и детей из полуразрушенного дома погранзаставы перевели в подвал.

Такими запомнились первые недели войны политруку роты 333 стрелкового полка Каландадзе, который вместе с другими соединениями принял бой с фашистами у стен крепости, вокруг которой обрастая догадками как снежный ком, росла легенда о несгибаемом гарнизоне. За сотни километров от фронта, в глубоком тылу врага, около Бреста, в стенах старой русской крепости, на самой границе, сражались и умирали советские люди, которых косили снаряды и пули, голод и жажда. Они воевали как герои и как герои погибли. Через два года, после наступления в Белоруссии, Брест был освобожден, и солдаты сорок четвертого читали на стенах и сводах подвалов уцелевшие от времени надписи – послания в вечность из 41 года, которые наполнили их сердца гневом и жадной мести. «Мы приняли первый бой 22 июня 1941 года. Умрем, но не уйдем».

Кто были эти бойцы гарнизона, насчитывающего в общей сложности около двух полков пехоты, и как расценить их подвиг в летописи самой кровопролитной войны? Сергей Смирнов в 1954 году взялся решить эту задачу и был отмечен высшей премией страны - Ленинской, 1965 года. Он прибегает к историческому примеру. Двадцать седьмого января 1904 года, в первый день русско-японской войны, близ корейского порта Чемульпо русский крейсер «Варяг» встретился в море с большой японской эскадрой. Экипаж «Варяга» принял бой с врагом, который в десятки раз превосходил его силой. Под страшным огнем эскадры герои сражались, презрев смерть, и предпочли затопить свой выведенный из строя корабль, но не сдать врагу. «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» – слова из этой песни – свидетельство неуязвимой воинской доблести русского человека, символ советских воинов. «Варягом» Великой Отечественной войны стала Брестская крепость, которая первая приняла на свою каменную грудь вражеский удар страшной силы.

Приступая к своей книге, Смирнов знал, что о правде, которую долго скрывали от народа, можно было услышать от немногих уцелевших защитников, рассыпанных по всему Советскому Союзу, прошедших круги ада гитлеровских лагерей, вынесших несправедливость неправильного отношения к

бывшим военнопленным, которые бежав из мест заключения, продолжали сражаться вместе с партизанами, внося свой скромный вклад в великую победу, мотая сроки в лагерях на родине, которая для многих оказалась злой мачехой. Их надо было найти, бороться за честное имя безымянных рядовых бойцов. Смирнов написал свою великую книгу, посвятил ей десять лет – поездок и долгих раздумий, поиска документов и людей, многих их считали убитыми и написали об этом в журналах и газетах, объявили в радиопередачах, при встречах с ними. В этой книге, на ее последней странице, я прочитал лаконичную запись: «В Тбилиси на грузинском языке изданы воспоминания защитника крепости Александра Каландадзе». Я был знаком с героем смирновской телепередачи, встречался с ним в бытность его работы ученым секретарем Литературного музея и заведующим отделом академического Института грузинской литературы имени Ш.Руставели, писал о нем, получая возможность знакомиться с многочисленной корреспонденцией, идущей к нему из самых отдаленных от Тбилиси мест. Вот как эта.

На столе белели листки, исписанные аккуратным женским почерком. Письмо как письмо. Только это захватывало с самого начала. Отдельные строки были отмечены красным карандашом. Видно, для кого-то очень важными представлялись подробности, сообщаемые незнакомкой. Торпливо пробегаю строки. И в уютный кабинет, кажется, ворвалось эхо войны.

Письмо из Иркутска прислала Маргарита Ананиашвили. История обороны легендарной Брестской крепости сохранила память о старшем лейтенанте Георгии Ананиашвили. Долгое время считали, что члены семьи Гриши-грузина, так звали Георгия его боевые товарищи, погибли. Неизвестны были обстоятельства их смерти. Но вот книга старшего научного сотрудника института Александра Каландадзе «Дни в Брестской крепости» попала в руки копировщице иркутского про-

А.Каландадзе(слева) в Брестской крепости. 1971

ектного института, прочитавшей рассказ участника обороны крепости на Буге. Молодая женщина написала Александру Павловичу о своей нелегкой судьбе. Это письмо было находкой для человека, посвятившего много лет поискам героев Брестской крепости.

Перед самой войной Георгий Ананиашвили и капитан Яков Гелашвили привезли свои семьи в Брест. Тревога на рассвете застала обоих командиров в расположении первого батальона в семи километрах от города. Когда от фашистских снарядов начали пылать дома, Нино Ананиашвили и Маро Гелашвили укрыли детей под железобетонной лестницей. На третий день гитлеровцы согнали женщин и детей в городскую тюрьму. Кормили одной соленой рыбой. Несколько дней спустя им разрешили жить в Бресте. Однако гестаповцы по-прежнему не спускали глаз с домов, занимаемых семьями советских военнослужащих. У Ананиашвили были две дочери – 14-летняя Елена, которую дома звали Эличка, и Магули.

Семилетняя девочка с нетерпением ждала вестей от отца, которого не видела с начала войны. Однажды, выйдя на крыльцо, она заметила мужчину в штатском. Это был отец. Он завернул за угол дома и, увидев подбежавшую Магули, послал ее за матерью. Потом, много дней спустя, он пришел уже в дом, где с его близкими находились Маро Гелашвили и ее дети. Третья встреча отца с дочерью состоялась в деревне. Они долго сидели в стоге сена, разговаривали. Магули о многом хотела спросить отца, но понимала, что о самом главном спрашивать нельзя. От этого зависела жизнь не только

отца, но и его друзей, работавших в подполье. Это была их последняя встреча.

Магули помнит, как мать послала ее в деревню. Вечером туда должны были подойти Маро Гелашвили с детьми. Помнит сборы перед отъездом. Говорили – надо пробиваться в лес, к отцу. Не пришла семья Гелашвили ни в этот вечер, ни на следующий. И отец не давал знать о себе. Жила Магули у знакомого крестьянина. А потом фашисты передали ей узел с окровавленной одеждой, которую она тотчас узнала.

Своих близких девочка уже не видела. Перед отступлением оккупанты сожгли деревню, и Магули, спасаясь от огня, ушла в другое село. А потом она узнала о гибели отца.

После освобождения Брестской области Маргарита попала в детдом города Кобрин. Ее записали под именем Тамара. В 1945 году к ней пришел капитан Владимир Кинкладзе, долго с ней беседовал, а потом помог переехать в Грузию. Маргарита десять лет жила в семье горийского друга отца Артема Миназарова. Она вышла замуж и переехала жить в Иркутск.

Такими запомнились годы войны и оккупации семилетней девочке. Маргарита не пишет о том, что с первых дней войны ее сестра и члены семьи Гелашвили вступили в ряды народных мстителей. И отдали свои жизни в борьбе.

Эличка Ананишвили – первая партизанка-грузинка, в течение трех лет сражалась в лесах Белоруссии. Не знаем мы, какие нечеловеческие пытки выдержала 17-летняя комсомолка. Из письма ее младшей сестры видно, что Лену схватили в тот вечер, когда, перекинув через плечо автомат, она шла на встречу с отцом.

В шестидесятые годы стало известно, что в Брестской области помнят 30-летнего худощавого, кареглазого весельчака Георгия Ананишвили. Бывший командир кобринского партизанского отряда Ганасюк, связной Григорий Комисарюк, Михаил Образцов, Степан Дулко рассказали о десятках боевых операций, в которых участвовал наш земляк.

Летом 1942 года гитлеровцы решили расстрелять семьи Ананишвили и Гелашвили, замеченные в нелегальной ра-

*Бойцы Сопротивления.
Крайний справа - А.Каландадзе*

А.Каландадзе. 1939

боте. Командование партизанского отряда поручило Георгию спасти обреченных на смерть женщин и детей. С несколькими бойцами Ананиашвили приблизился к окраине села, но, видно, фашисты ожидали их прихода. В перестрелке было убито несколько партизан. Георгия тяжело ранили. Фашистские изверги расстреляли безоружных женщин и детей. Умиравшего Ананиашвили перенесли в село Братулево, в дом Ольги Земляковой. Когда враги напали на его след, он ушел в другое село. Оправившись

от ран, продолжал мстить оккупантам.

Летним вечером 1943 года фашисты устроили совещание в церкви деревни Жабинковская. Командование отряда поручило Георгию провести операцию. Налет был неожиданным. Многие офицеры и солдаты пали от огня лесных мстителей. Когда к врагу подоспело подкрепление, партизаны скрылись. В деревне Ластовка они наткнулись на засаду. Фашисты решили живым или мертвым захватить Ананиашвили.

Неравный бой продолжался несколько часов. В живых остались двое партизан. Истекая кровью, Георгий и его боец вышли из окружения, направились к крайней избе деревни. Здесь их настигла погоня. Партизаны заняли чердак и открыли круговой огонь. Сумерки спустились на землю. Каратели поняли, что лобовыми атаками не добьются цели. Разложив сено вокруг, они решили поджечь избу. В перестрелке погиб товарищ. Скоро Георгий отбросил последний пустой автоматный диск. И безоружный решил подороже отдать жизнь. Раскидав крышу чердака, партизан увидел фашиста, который поджигал сено. Спрыгнул ему на плечи, выхватил автомат и лишился сознания от потери крови.

Долго пытали Ананиашвили в застенках гестапо, но не могли добиться от него ни слова. С гордым взглядом, несломленный, взошел он на эшафот.

Каландадзе, помню, рассказал: «На шестой день на центральном дворе раздался лязг гусениц. Три вражеских танка, развернувшись у ворот, прямой наводкой принялись расстреливать казармы. Смирнов так описывает в своей книге начало неравного боя с танками: «И тогда из подвала 333 полка выбежали два смельчака. Это были помощник начальника штаба 44 полка старший лейтенант Семененко и неиз-

вестный старшина-артиллерист». Оба выкатили уцелевшее 45-миллиметровое орудие и развернули его в направлении танка. Несколькими выстрелами вражеская машина была подбита. Гитлеровцы поспешно оттянули танки. Семененко перенес раненного в правую руку старшину в подвал. После перевязки старшина вместе с Онисимом Асатиани установил миномет и через здание полкового штаба вел навесный огонь по врагам. Каландадзе помнил – это был Пантелеймон Абхазова. Он вышел на прорыв вражеского кольца и во время штыкового удара погиб.

По поручению Брестского музея Александр Каландадзе в 1958 году едет в Западную Грузию, в деревню Нигвзиани. Осенний пасмурный день угасал, когда он остановился у калитки дома его старого друга. Позвал: «Хозяин!» Из двери

Г.Ананиашвили. 1939

Е.Ананиашвили. 1942

пробился луч света. Послышались легкие шаги по тропинке. К калитке подошла старая женщина и пригласила его войти в дом. Старушка говорит: «Вот-вот подойдет Амбросий. Совещание у них в школе, не иначе, – в это время он всегда уже дома». Трудные слова, с которыми Александр пришел, вырвались помимо его воли: «С Амбросием мы не знакомы, бабушка, я товарищ Пантелеймона».

Старушка медленно подошла к нему, и он увидел скорбные складки у рта, застывшее в глазах горе. Хозяйка, вдруг обессилев, опустилась на стул.

Стараясь сохранять спокойствие, Александр объяснил: «Мы с Пантелеймоном два года служили в одной части». Она молча смотрела на него, потом встала и позвала: «Христефоре, гость – товарищ нашего Пантелеймона». В комнату вошел

седой как лунь, жилистый старик. Следом за ним – молодая женщина и дети – девочка и мальчик. Старик протянул руку, присел к столу. «Пусть будет счастливым, сынок, ваш приход в эту семью. Ваша фамилия?» Александр назвал себя. «Знаем вас, сынок! В первом письме его было про ваше знакомство: встретил, писал, земляка. И потом часто упоминал. Дня не проходило, чтобы мы не получали письма... А с тех пор, как ударил первый выстрел, ничего нет о нем... Не ведаем, куда он пропал... Долго мы вас разыскивали. Амбросий кому-то писал в Тбилиси, просил сообщить ваш адрес... Слава богу, вот и довелось свидеться».

Александр, осторожно, взвешивая каждое слово, рассказывает, как познакомился с Пантелеймоном, как они вместе проводили день за днем на военной службе, как началась война. Старушка перебивает его, вспоминает отъезд сына в армию. «И работал он здесь, в Нигвзиани. Видели большое здание у дороги? Это школа. Там наш Пантелеймон учился, а потом оба с братом стали учителями».

Амбросий пришел часам к девяти. Похож на брата, как одна половинка яблока на другую. Такой же великан, крепыш. Александр с ним давно переписывается. Амбросий смотрит на мать, на жену, говорит: «Моросит, целый день моросит. Холодно. Заготовить бы печь в той комнате, а то гость продрогнет». Мать и жена его выходят, за ними дети. Амбросий вполголоса просит: «Не говорите им, что брат погиб. Мы никогда не говорим о его смерти. Они не читают ваших писем ко мне, и я молчу. Мы вспоминаем его, как живого, и старики верят, что он вернется, привыкли ждать».

Он берет Александра под руку и ведет в другую комнату. Старик сидит у очага на скамейке и задумчиво строгаёт обрубок дерева. Мысли у гостя быстрые, путаные. Пантелеймон когда-то сидел здесь, у очага, вот также думал о чем-то и строгал ножом дощечку. Двадцать лет прошло, как он ушел, а здесь его продолжали ждать. Женщины пододвигают стол к огню, накрывают скатертью, приносят бутылки с вином – изабеллой. Старик смотрит на бутылки, берет их и выходит. Возвращается с кувшином, заткнутым листьями. Старушка говорит: «Господи, как же я сама не сообразила принести чхавери».

Амбросий рассказывает, что в саду у них есть всего лишь несколько лоз чхавери. Отец ухаживает за ними. Получается два кувшина вина, не больше. Пантелеймон любил это вино, и отец бережет его до нового урожая.

Старушка приносит альбом и пачку писем, объясняет: «Это, нэна, он снимался еще в Ланчхути... А это – когда был студентом в Кутаиси... Что ни суббота или воскресенье, домой приедет, бывало. Соседей обегает, будто десять лет не видел, каждое дерево в саду погладит, мотыгу потреплет по рукояти, как старого друга...»

Александр достает фотографию из альбома и читает надпись: «Дорогим родителям. Брест-Литовск. 10 июля 1940 г.»

Старая Агата перехватывает взгляд гостя и говорит: «Всем хорош был наш сын, нэна, и поговорить умел, и учил детей славно, и в дружбе был верен. И там, на войне, не посрамил нас... Но не дождался мне его больше. Кому было суждено вернуться – вернулись, уже приехали домой. Да и мы, сынок, вырастили неплохого сына!»

Военная тема - главная в творчестве Александра Каландадзе. Выпускник филфака Тбилисского государственного университета довоенного выпуска стал писателем и ученым-литературоведом, вместив в свои книги впечатления тревожной молодости и боевых операций, которых хватило бы на десяток приключенческих книг. Как рассказать на одном дыхании в рамках книги целую жизнь, опаляющий огонь Бреста, четыре тяжелейших года – участие в польском антифашистском подполье, восстание советских военнопленных в концлагере на юге Франции, участие в интернациональной бригаде Сопротивления, счастливый День Победы, когда его, капитана Советской Армии, офицера связи советской военной миссии, подхватили и на руках пронесли по многим улицам освобожденного Парижа, удостоенного почетных наград –военного креста с серебряной звездой, медали «За храбрость»; для Александра Павловича продолжалась война в его романах «Зеленая ветка», «У маки», «Преодолевая себя», «Водоворот». Он автор пятитомного труда по истории грузинской журналистики, романов об Илье Чавчавадзе («Илья») и Александре Казбеги («Танец с кинжалами»).

Кстати, в романе «Водоворот» речь идет о Тулузе, центре Сопротивления на юго-западе Франции, в офицере Беридзе легко узнаваемы черты самого рассказчика, который до ухода в маки, нащупывал зыбкие тропы туда ведущие, верных людей, которым можно было доверить свое дело, свою жизнь. И свою любовь, добавим мы, ибо на дорогах войны он встретил скромную швею Ивету, которая спасла его от провала, разгадав в месье Бланша, приветливом и любезном хозяине ателье, агента гестапо. Глядя на бледное, исхудавшее лицо девушки, освобожденной среди заложников, он думает о том, «сколько горя, сколько невзгод выпало на ее долю», и он обязан сделать все, что сможет, чтобы она обрела счастье. Он собирается увезти Ивету, ждущую от него ребенка, но встречает сопротивление матери, мадам Сесиль, причитающей: «Не отнимайте ее у нас, месье! Она – наше единственное утешение, а вы ведь возвращаетесь домой, к своим...».

Отходит от парижского перрона поезд, уплывает вдаль печальное лицо Иветы. «Приеду! Вернусь! Увезу! Приеду!» – стучат колеса.

Эта история имела свое неожиданное продолжение. Дочь

Александра Каландадзе, Тамара, родившаяся в 1947 году, узнает, что в Гурии в газете опубликована заметка ее брата, скульптора и гражданина Франции Тамаза Каландадзе, который всего на год ее старше. Тамаз искал в Грузии своих родственников, и в 2007 году эта встреча состоялась в Тбилиси, а потом уже Тамара приехала во Францию к брату, который не знает ни слова по-грузински и по-русски. Тамаз познакомил ее со своей матерью Люсьеной, которая оказалась той самой Иветой, которая провожала своего суженого на послевоенном парижском вокзале, как выяснилось, навсегда; познакомил со своей женой Мари, сыном Фредериком и дочкой Клер. Так что теперь дружить не только внукам, но и правнукам Александра Павловича, который пройдя огонь и воду медные трубы, застенки концлагерей, не зачерствел душой, не ожесточился сердцем, остался человеком на самых трагических страницах своих книг.

Вспомнилась мне каска из Брестского мемориала, которую держит в руке каменный солдат, ползущий к реке за спасительной влагой. Рассказывали, что в самую жару каска остается полной, не высыхает. Это брестские мальчишки носят солдату воду с реки. Припадают к ней губами, как к памяти народной, которая не знает ни забвения, ни границ.

СУЛИКО

Старший тренер советской сборной по классической борьбе рассекретил состав команды, отправляющейся в олимпийский Хельсинки. Вахтанг Кухианидзе, как и другие спортивные руководители, не имел права на ошибку. В одном он был твердо уверен: в полутяжелом весе позиции команды крепки, как нигде. Олимпийскую путевку получил Шалва Чихладзе. Дома остались Август Энглас и Валентин Николаев, бывшие на 13 лет моложе, и имена их о многом говорили специалистам борьбы, но Вахтанг Мелитонович не ошибался.

Помнил ветеран спорта начало 30-х годов, как впервые пришел к нему кутаисский паренек, уже тогда мечтавший о большом ковре. Одно смущало – перед самым отъездом в Тбилиси Шалва, прекрасный наездник, во время прогулки упал с лошадью в каменистую яму, повредил сустав и порвал мышцы левой руки. С тех пор юноша сочетал занятия борьбой со специальными упражнениями, восстанавливая силу.

К спорту Шалва приобщился будучи учеником второй кутаисской школы, с утра до вечера занимаясь с друзьями на берегу Риони, меряясь силой в борьбе, футболе, укрепляя незаурядные физические кондиции.

К тому времени, в 1920 году, его восьмилетнего паренька, соседи повели в городской цирк, где он увидел знаменитого земляка Колю Квариани, имя которого тогда было у всех на слуху. Сильный, как античная скульптура, с фигурой, словно

отлитой из металла, Квариани под аплодисменты трибун одного за другим побеждал своих соперников – профессиональных борцов.

Вернувшись домой, Шалва всю ночь не смыкал глаз: в мечтах видел себя известным борцом. С 18 лет начал заниматься классической борьбой у тренера Георгия Кавтарадзе. После переезда в Тбилиси перешел под опеку тренера Вахтанга Кухианидзе, и талант его засверкал новыми гранями.

В 1932 году Шалва выиграл первенство Грузии в полутяжелом весе, а через два года – и Закавказья. Чемпиона направили в Москву в составе сборной республики. Талант такой величины не мог остаться незамеченным. Главный тренер по борьбе Государственного Центрального ордена Ленина института физической культуры Владимир Иванов предложил ему переехать в Москву и учиться в институте. Через год москвич Чихладзе – второй в полутяжелом весе на чемпионате СССР, а в 1936-м впервые чемпион страны.

Спортивная жизнь, счастливо начавшаяся, казалась безоблачной, но в первенстве СССР, в 1939 году, в Тбилиси, где соревновались борцы легчайшего и полутяжелого веса, Чихладзе после победы по очкам над Константином Коберидзе, Вагаршаком Мачкаляном и Плясулей и чистой победы в одной схватке, выбыл из турнира – повреждение руки, все той же левой.

Еще в конце тридцать седьмого, на консультации у известного профессора, Шалва узнал малоутешительную для себя правду: в руке происходят необратимые изменения и вылечить ее невозможно. «Вы уже не борец, – сказал врач, –

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой

войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

*Из речи Председателя Государственного Комитета Обороны и
Народного Комиссара Обороны
И.В. СТАЛИНА на параде Красной Армии
7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве.*

вам следует оставить большой спорт». Шалва упрямо качнул головой: «Я знаю свои силы и еще надеюсь побороть всех известных борцов мира».

Удивленный его твердостью, профессор назначил лечение и допустил к тренировкам. Скоро пациент оказался всех сильнее на Всесоюзной спартакиаде динамовцев, а потом еще трижды повторил этот успех. Его силе вынужден был уступить семикратный чемпион страны Григорий Пыльнов, с чьим самым знаменитым учеником Константином Коберидзе, заслуженным мастером спорта, чемпионом Европы 1947 года, Шалва начнет многолетнюю захватывающую борьбу за лидерство в полутяжелом весе.

Ш. Чихладзе

С началом Великой Отечественной войны Чихладзе в числе спортсменов-добровольцев пришел на московский стадион «Динамо» – записаться в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения. Над столицей нависла смертельная опасность – враг рвался к Москве. Из состава бригады был срочно сформирован сводный отряд заграждения для минирования шоссе и грунтовых дорог, мостов и возможных путей их обхода в полосе наступления главных сил врага на столицу.

В октябре сорок первого омсбонцы организуют оборону на отведенном участке вдоль магистрали, ведущей к Кремлю, на случай прорыва немцев со стороны Ленинградского и Волоколамского шоссе.

Линия обороны проходила по улице Горького от Белорусского вокзала через площади Маяковского и Пушкина до Кремля. Шалва с однополчанами копал шурфы вдоль улицы Горького, на параллельных улицах и площадях – для закладки мощных фугасов против танков врага.

7 ноября 1941 года в составе сводного полка ОМСБОНа он участник военного парада на Красной площади, с волнением слушает речь Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина.

Парад продолжался один час – время торопило защитников столицы – гитлеровцы возобновили наступление. Предстояло путем массированных заграждений в зоне Московское море–Клин–Солнечногорск–Дмитров–Яхрома сдержать продвижение врага к каналу Волга–Москва.

Морозным утром 16 ноября бойцы на грузовых машинах спешили в район города Клина. В пути колонна остановилась:

одна автомашина угодила в воронку авиабомбы, загородила проезд. Вокруг машины бегают бойцы, ругаются, а машина ни с места, показывает характер. Вот тогда вспомнили своего Сулико, богатыря грузина, любимца и гордость бригады. Поборись, дескать, чемпион, с полуторкой. Чихладзе молча обошел машину, взялся за передок, приподнял его, и солдаты вытолкнули машину из ямы.

На трудных пеших переходах шел, обвешанный вещмешками однополчан, брался выполнять самые тяжелые задания, никому не говоря, как невыносима боль в руке на привалах в снегу.

Прибыв на место назначения, отряд приступил к минированию участка на танкоопасном направлении. Работать было тяжело. Промерзшая земля не поддавалась ударам лопат и ломов. Пальцы минеров из-за сильного мороза теряли чувствительность и малейшая неосторожность могла вызвать гибель людей. Решено было, где возможно, заряжать мины в избах, а потом переносить к месту закладки заряда.

«Боец Чихладзе, подносите мешки и ящики со взрывчаткой!» – приказал командир роты, и Шалва работал за троих.

Мужество и отвага спортсмена-чемпиона проявились при минировании батальоном участка Ленинградского шоссе южнее Клина - при отражении атаки танков и автоматчиков, в составе специального отряда Кирилла Лазнюка для боевых действий в тылу врага (врачи категорически возражали против отправления Чихладзе с его травмированной рукой в тыл врага, во всяком случае, зимой, но он обратился с просьбой к командиру бригады, и разрешение было получено), освобождении деревни Кишеевка Калужской области.

Ночью 20 января 1942 года отряд двинулся в сторону Кишеевки, полагаясь на внезапность удара. Бойцы-лыжники в белых маскхалатах незаметно вошли в деревню. Разведчики сняли часовых. Бойцы гранатами начали выбивать врагов из домов, которые, выбегая во двор, попадали под огонь автоматов. Но, поняв, что против них действует многочисленный отряд, гитлеровцы открыли пулеметный огонь по белым фигурам, отчетливо выделявшимся на фоне темных изб. В бой вступили два фашистских бронетранспортера.

У противника подавляющее превосходство в силах и огневых средствах. Положение нападавших оказалось критическим, и было решено организованно отступить к лесу. Рядовой Дмитрий Бровин, поднявшись, бросил гранату в машину и тут же упал замертво. Находящийся рядом Толя Королев был тяжело ранен в позвоночник.

Командир приказал Чихладзе вынести раненого из боя. Чихладзе взял раненого на руки и проулками незаметно выбрался из деревни. Между тем бой продолжался. Враг открыл по отходящим лыжникам минометный огонь. Бронетранспортеры прочесывали поле между деревней и лесом.

Оказавшись на открытой местности, Чихладзе взвалил Королева на спину и пополз к лесу. Разрывы мин и пулеметные очереди постепенно стали утихать. В отдалении прошли бронетранспортеры с черной свастикой на борту. Шалва прижался к земле, чтобы остаться незамеченным. Спасло их то, что они с Королевым были в белых маскахалатах и спрятались в яму.

Когда вражеские осветительные ракеты погасли и стрельба прекратилась, Шалва поднялся и понес раненого на руках, через два часа достиг опушки леса, где их ждали товарищи. Королева положили на лыжи и доставили в деревню Гульцево, в расположение штаба.

Во время разведки боем у деревни Маклаки Шалва был ранен в левое предплечье. В рязанском госпитале он пролежал до 8 марта сорок второго. Командование ОМСБОНа предоставило ему отпуск для долечивания раненой руки.

Шалва поехал в Тбилиси и после долгого лечения возобновил тренировки.

В 1944 году он в очередной раз стал чемпионом Грузии, в том же году уехал в Москву и стал чемпионом столицы, которую еще недавно защищал. По существу, боролся одной правой рукой, но его превосходство над соперниками не вызывало сомнений.

В 1946 году Чихладзе выиграл свою вторую золотую медаль чемпиона страны, повторив высшее достижение десятилетней давности. Заслуженный мастер спорта из довоенных лет доказывал свое превосходство над своими главными соперниками – выдающимися борцами. Последовательно выиграл чемпионаты СССР 1949 и 1950 годов. Твердо держал данное профессору врачу слово - устраивал «дни авиации» чемпионам мира, заставляя их «летать» над ковром. Стал бронзовым призером чемпионата СССР 1946 года по вольной борьбе, трижды (1947-1949) был первым на чемпионатах Москвы в этом виде борьбы, которую только начали осваивать в стране.

Вышел победителем международных турниров в Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии.

В октябре 1949 года в московской встрече сборных СССР и Финляндии выиграл по очкам у серебряного призера Лондонской олимпиады Келпо Грендаля. За год до Хельсинкской олимпиады, в 1951 году в Будапеште припечатал лопатками к коврику неофициального чемпиона мира Дьердя Ковача, которого за выдающуюся силу прозвали в Европе «железным венгром».

К началу Олимпийских игр 1952 года Шалве Чихладзе исполнилось сорок лет. В 1948-1951 годах он не имел равных, и с ним тренеры связывали свои надежды на медаль.

Олимпийский турнир борцов-полутяжеловесов классического стиля был поистине звездным: чемпион Лондонской олимпиады швед Карл-Эрик Нильсон, финн Келпо Грендаль,

неоднократный призер первенства мира венгр Дьердь Ковач, итальянец Сильвестри, четвертый на чемпионате Европы 1947 года. Большинство соперников Шалвы по возрасту годились ему в сыновья.

В олимпийском зале «Мессуххали» Карла-Эрика Нильсона встретили горячо, как своего. Швед – любимец публики, сильнейший полутяжеловес мира. Но зал взорвался аплодисментами, увидев Шалву Чихладзе, его геркулесову фигуру. Швед был брошен на лопатки через 2,5 минуты, едва только попытался войти в захват.

В финале судьбу золотой медали решала встреча с уже знакомым Грендалем, молодым и сильным хозяином соревнований. Около часа совещались судьи, кому присудить победу в равной схватке и лишь «по общему впечатлению» отдали предпочтение финну – 2:1. У Чихладзе, который на Олимпиаде выиграл две схватки на туше, две – по очкам, серебро, но оно из ряда спортивных подвигов.

В 1953 году он ушел из большого спорта – богатырь исполинской силы, бросивший вызов судьбе и победивший.

У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО

Вспоминал Лев Капитанов, заслуженный тренер СССР по вольной борьбе, который прошел с боями всю войну:

– Во время войны я пережил такой ужас, что не могу его забыть. 22 июня 1941 года оказался в Харькове с группой тбилисских ребят. С начала тридцатых годов работаю тренером. В Харьков мы приехали на детские соревнования. Их, конечно, отменили. Но как домой с детьми добираться? Харьков немец бомбит, на вокзале столпотворение, железная дорога забита воинскими эшелонами. Меня никто и слушать не хочет. Просто не знал, что делать! Если бы со мной были хоть взрослые спортсмены, а то ведь дети! Плачут, жмутся ко мне, а я как представляю, что испытывают их матери там, в Грузии, так просто жить не хочется.

Уговорил коменданта какого-то воинского эшелона забрать нас. Он же помог отправить телеграмму в Тбилиси. У меня телеграмму не приняли. Был приказ не создавать панику. Ехали мы, помнится, неделю, если не больше. Привез детей и буквально сбежал с тбилисского вокзала – не мог видеть лица матерей. Они на колени передо мной падали, плакали, благодарили, что детей довез. Нет, этого словами передать нельзя – нужно пережить. Но только не дай бог еще раз пережить такое...

Так говорил Лев Капитанов, много повидавший человек, очень известный в Грузии специалист. Наставник заслуженных мастеров спорта СССР: Мириана Цалкаламанидзе, олимпийского чемпиона в Мельбурне, который в 1956 году,

Юность чемпиона

единственный среди советских борцов вольного стиля, завоевал золотую медаль, и Омара Блиядзе, чемпиона Европы и СССР 1968 года по греко-римской борьбе.

СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ

«Не плачь! - сказал он огорченной жене, присев, по обычаю, перед дальней дорогой, которая для него неожиданно пролегла через пол-Европы. - Меня не убьют: я домой копейку не принес, заработанную нечестным путем». И хотя этот факт никак не способствовал пополнению семейного бюджета, сказано было не ради красного словца, но предельно искренне перед смертельной опасностью, которая отныне угрожала миллионам его сограждан, братьям и сестрам, как к ним обратился вождь, преодолев недельное потрясение.

Маленький винтик в разладившейся гигантской машине, он видел, как рушится то, что создавалось с превеликим трудом; для понимания этого ему хватало собственного опыта, которым он, не окончив Промакадемии и Института красной профессуры, обходился вполне. Рано повзрослевший сирота при живом отце-старике, знавшем иные времена, когда господин Арутюн, поэт и городской голова в вилайете соседней страны, внушал уважение и трепет отпетым головорезам, которые, похитив по незнанию его красавицу дочь, тотчас вернули домой с извинениями и богатыми подарками. Но все это в прошлом, теперь он, младший в семье, привык полагаться только на свои умелые в обращении с металлом руки, что давало ему преимущество перед другими, желанную многими броню, за которую он не стал держаться, как за женину юбку. Он просто представить себя не мог на улицах города, который с каждым днем обрстал приметам далекой пока войны. Знакомые его, те, что правдами и неправдами остались дома, неслыханно разбогатели, нажились на людском горе, кутали в шубы своих жен, втискивали слоновьи ноги в модельные лодочки, на улицах, как застоявшиеся жеребцы, прохода не давали женам фронтовиков, завели в домах зоопарк чернобурок, рыбок в бассейнах, а позже, так и не понюхав пороха, разжились льготными книжками участников войны, но об этом он узнал, лишь вернувшись домой с несгибающейся кистью руки, а пока, непривычно растерянный и опустошенный, смотрел на плачущую жену, прижимавшую к груди дочку,

которая вся горела то ли от неведомой болезни, то ли из-за реакции на отъезд отца; на ясноглазого, вихрастого мальчугана, который оставался за мужчину в доме и в двенадцать лет пошел работать в сельскую кузницу.

Это ощущение рушившегося очага, скромного домика на краю оврага Кибальчича, откуда видны Сирачхана и Чугурет, Авлабар и Сеидабад, которые все видели и знали, даже то, что было неведомо пытавшим их особистам, что всовывали головы своих жертв в печку и стреляли у них под ухом, вырывая признание того, чего не было и быть не могло, он пронес через Ленинакан, район формирования их войсковой части, пока, минуя Туапсе, вместе со своими пушкарями не оказался весной сорок второго на огромном, раскисшем от дождей поле, вобравшем в себя небывалое скопление плохо вооруженных людей, которые, видя свою погибель, шли вперед, подгоняемые жестоким и бессмысленным приказом, туда, где угадывались белесые лиманы Азовского моря. Он потом многократно возвращался воспаленной памятью к тому страшному полю, каждый раз умирая под косым металлическим дождем артобстрелов, от снарядов то ли своих, то ли немцев. Пронзенный, как болью, физическим предчувствием большой беды, он снова видел себя среди безусых мальчигов, которые, обезумев от страха и неизвестно откуда жалящих осколков и пуль, поднимались в полный рост, готовые бежать куда глаза глядят. И он, охрипший от крика, который никого не мог предупредить в этом грохочущем мире, догонял и прижимал к земле тех, кого успевал. Но как он мог помочь всем им, рожденным в муках женщины и в муках завершавших свои короткие, как вздох, жизни, когда их судьбы предопределили ошибки амбициозных генералов, которых ничему не научило октябрьско-ноябрьское отступление к Керченскому полуострову в первом году войны, и теперь май довершал кровавую жатву.

«Будьте вы трижды прокляты!» Он тогда не мог знать про это сталинское проклятие, которое услышал представитель

Л.Капитанов

Ставки после керченской катастрофы, прибыв на доклад в страшенный кабинет с дубовыми панелями и длинным столом под портретами Суворова и Кутузова. Возможно, его и не было, этого проклятия. Но в симоновских военных дневниках допускается эта психологическая возможность, и не будем ее отвергать.

Пуля его все же нашла. Он неловко упал на руку после сумасшедшего бега по неровному полю, когда сердце было готово выпрыгнуть из груди, и очнулся уже в крытой машине в куче других военнопленных и конвоиров с овчарками, которые подскакивали на ухабах и скулили от неуголимого желания повиснуть у них на горле. Кто-то невидимый болевым приемом выкручивал ему руку, и эта кричащая немой криком боль осталась в нем навсегда, просыпаясь 9 Мая, в день поминовения погибших, когда на экране телевизора появлялась картинка с вечным огнем и диктор за кадром привычно читал текст, сопровождая его списком жертв, напоминающим, что по своей натуре люди еще слишком звери и недалеко ушли от ветхозаветного ковчега, в котором спасались, когда разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились.

Упрятанный на годы за проволочные ряды, он, как и миллионы других солдат войны, хлебнул через край лиха положения несудимых преступников, которые, вопреки приказу июля сорок первого года, панике не поддались, при первой угрозе оружия не бросали, не тянули за собой других. Ему не в чем было себя упрекать и строго судить, как это пытались делать после войны бериевские охранники в фильтрационном лагере Новороссийска. В своих он не стрелял, в карателях не пребывал, а вот однажды пожалел пленного немца, которого ему вместе с красноармейцем-земляком поручили доставить в штаб полка. Напарник трусил идти в стылую ночь, не видел корысти в этом поручении и по дороге чудовищно просто предложил застрелить немца, а когда он сделать это отказался, все же урвал момент для выстрела. Обернувшись

на хлопок, он увидел огненно-рыжую голову лежавшего на земле паренька, который уронил фуражку при падении, а теперь непослушной рукой сгребал снег и тащил в рот, видно, горело у него все внутри...

Уже после войны вблизи своего дома он встретил того душегуба, который оказался его соседом, но ни тогда, ни позже с ним не заговаривал, вынеся приговор презрением.

«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»

Эта блоковская строчка, неведомая герою моего рассказа, вся как бы пронизана поэзией Генрика Ибсена и музыкой Эдварда Грига, великих сынов небольшой страны на северной окраине Европы.

В Норвегию он попал не туристом, а узником одного из самых страшных лагерей смерти, откуда не выпускали живыми. Одно упоминание его названия дало ему вольную, спасло от спецлагов НКВД, заготовленных впрок для защитников родины. Из Новороссийска его отпустили без каких-либо хвостов и проволочек - свой счет со смертью он давно выправил.

От пережитого он не ожесточился сердцем, только стал немногословным, словно ушел в себя, оправдывая слова писателя, удивившего меня неожиданным признанием. «Конечно, к моей радости, - писал Константин Симонов, - я не раз встречал потом на войне и тех, кто остался в живых, пройдя невредимым через тяжкую крымскую эпопею весны сорок второго. Но они даже в дни самых больших побед не любили вспоминать о ней. На разные воспоминания тянуло людей во время войны, в том числе и на трудные. Но на воспоминания о случившемся тогда на Керченском полуострове - нет, не тянуло!»

Он оправдал сполна эту характеристику писателя-фронтовика, хотя какая-то информация мне все же перепала.

Во время кратковременного пребывания в рейхе его вместе с несколькими другими узниками отвезли на работу в поместье, чей хозяин, большой военный чин, воевал на восточном фронте. А еще через несколько дней пришла легковая машина с офицерами, лица которых красноречивее слов сказали о хозяине. Пленные приготовились к самому худшему, когда вышедшая к ним фрау Хильда объявила, что ее Зигфрид погиб, как подобает германскому воину, и пригласила всех к столу выпить за упокой его души.

Но самое неправдоподобное ждало их впереди. В норвежском лагере (я до сих пор не знаю, что они там изготавливали - оружие возмездия или бочки для трески) уже в середине апреля, в самом конце войны, подошел к ним, работающим, охранник-немец и спросил: знают ли они, для кого роют вот этот ров. Они, конечно, догадывались, что скоро всех их ликвидируют, заматавая следы. «Вы должны бежать сегодня ночью, - продолжал немец. - Ножницы, чтобы резать проволоку, найдете в условленном месте. С вышек будет стрелять

конвой, но поверх ваших голов, а если кого зацепит, - не обижайтесь. На то и война». Этот призыв к побегу мог оказаться подстрекательством, обычной провокацией, поводом для массовых расстрелов, но выбора у них не было. Ночью они перерезали проволоку, и хотя пулеметы били с вышек, ушли в лес, где скрывались трое суток до прихода союзников. Так они выжили, вырвались из ада, ворота которого, казалось, захлопнулись за ними навсегда.

Хотя, если быть точным, спаслись они много раньше. И вот при каких обстоятельствах. Вы, конечно, помните, как русский солдат Андрей Соколов, герой шолоховского рассказа и не менее известной его экранизации Сергея Бондарчука, выпил, не закусывая, три стакана водки, которая могла влить жизнь в истощенный организм не одного - нескольких военнопленных. Как-то утром, пересекая территорию лагеря, мой герой был остановлен властным окриком высокого офицера в немецкой форме, который сделал знак: дескать, следуй за мной. Зайдя в помещение и плотно закрыв дверь, он задал узнику вопрос на грузинском языке: «Откуда ты родом, парень?» - «Армянин из Тбилиси». Офицер вышел в соседнюю комнату и вернулся с буханкой хлеба и банкой консервов: «Ешь!» Но он есть не стал, сказав, что отнесет в блок, где такие же, как он, голодные, умирающие от голода. Офицер одобрительно кивнул головой и в дальнейшем не раз переправлял через него такие передачи, которые спасли жизнь многим.

Уже вернувшись в Тбилиси после репатриации, мой герой встретил на Колхозной площади офицера из норвежского лагеря. Гражданская одежда так же ловко сидела на его ладной фигуре, как и военная форма. Он узнал его издали, сделал невольное движение навстречу, чтобы обнять своего спасителя, привести к себе домой, угостить в ресторане. Но бывший офицер неуловимым знаком показал: не обращай на меня внимания. И мой герой понял, что лучшей благодарностью для знакомого будет, если он его сейчас не узнает. Ни сейчас, ни когда-либо. Они разошлись в разные стороны, чтобы уже больше никогда не встретиться.

Мой герой, твердо храня обет молчания, ушел из жизни, не оплатив долг их спасителю. И только как-то, разговорившись, рассказал об этом мне, своему зятю, ведь девочка, провожавшая на войну отца и горевшая от жара из-за разлуки с ним, стала потом моей женой.

«ПИШИТЕ СВОИ ПОВЕСТКИ САМИ»

В 1940 году Булат Окуджава, когда его отец уже был расстрелян, а мать сослана в карагандинский лагерь, переехал к родственникам в Тбилиси. Учился, работал на заводе учеником токаря.

«Я закончил девятый класс, когда началась война,- вспо-

минал Булат Шалвович.- Как и многие сверстники, отчаянно рвался на фронт. Вместе с другом мы каждый день ходили в военкомат. Нам вручали повестки и говорили: «Разнесете их по домам, а завтра мы вас отправим». Длилось так полгода... Наконец, сломленный нашим упорством, капитан не выдержал и сказал: «Пишите свои повестки сами, у меня рука не поднимается это сделать».

Мы заполнили бланки и отнесли их домой: он – ко мне, я – к нему».

В апреле 1942 года, в возрасте 17 лет, Окуджава пошел на фронт. После двух месяцев обучения в 10-ом Отдельном запасном минометном дивизионе был отправлен на Северо-Кавказский фронт. Воевал минометчиком под Моздоком, был ранен.

Уже в 1986 году он вспоминал, как это произошло: «Над нашими позициями появился немецкий корректировщик. Летел он высоко. На его ленивые выстрелы из пулемета никто не обращал внимания. Только что закончился бой. Все расслабились. И надо же было: одна из шальных пуль попала в меня. Можно представить мою обиду: сколько до этого было тяжелых боев, где меня щадило! А тут в совершенно спокойной обстановке — и такое нелепое ранение».

После ранения Окуджава стал радистом тяжелой артиллерии. Награжден медалью «За оборону Кавказа». В 1943 году он написал свою самую первую песню - «Нам в холодных теплушках не спалось». Осенью 1944-го Булата комиссовали из-за тяжелого второго ранения.

День Победы и свой день рождения – 9 мая 1945 года – Булат Окуджава встретил в Тбилиси, где после возвращения с фронта жил и учился на филологическом факультете Тбилисского госуниверситета..

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ!

Начало Великой Отечественной войны застало Вахтанга

Адвядзе у самой границы в Прибалтике. В 1942 году чудом остался жив при выходе из окружения под Харьковом. Воевал на Ленинградском и Воронежском фронтах, в боях на Курской дуге, был ранен, получил тяжелую контузию с временной потерей зрения, а ведь собирался стать художником.

После окончания войны решил продолжить учебу в московском институте, откуда ушел на фронт студентом второго курса, и послал свои фронтовые зарисовки. А.Дейнека обратился к военному командованию с просьбой демобилизовать талантливого юношу. В 1946 году В.Адвядзе по семейным обстоятельствам был вынужден переехать в Тбилиси, перевелся в Тбилисскую Академию художеств, которую закончил в 1950 году.

Тема войны нашла отражение в творчестве известного художника (1919-2000), чьи картины хранятся в Третьяковской галерее, Русском музее, музеях Тбилиси, Киева, Ростова-на-Дону, в частных коллекциях ряда стран.

Художник вспоминал:

- Война вошла в нашу жизнь как-то нелепо и непонятно. Это случилось утром, 22 июня, в воскресенье. Два самолета появились над летним военным лагерем, над востроенными в ряд белыми палатками, обстреляли их и сбросив несколько бомб, улетели, оставив убитых, раненых и несколько глубоких воронок. Тогда еще не существовало слова «война» - оно появилось после выступления Молотова по радио. Кругом воцарилась паника: люди бегали взад и вперед, не зная, что им делать. Командиры, угрожая пистолетами, кричали, что пристрелят каждого, кто проявит нерасторопность и растерянность. Был получен приказ о немедленном выступлении, но огромное хозяйство полка – склады, боевое снаряжение, орудия – все еще находилось на площадках. Трактора не заводились... Командир полка со штабом и головным отрядом уже выехали вперед. Остальные догоняли ушедших. Мы очень быстро шли вперед... К утру следующего дня прибыли в город Двинск. Поставили пушки, заняли оборону. Вскоре с трех сторон на нас пошли танки. Командир приказал: «Не стрелять! Это наши танки!» Потом обнаружилось, что это немцы. Мы стали наводить орудия. Немецкие танки неумолимо приближались, и мы открыли огонь. Кругом поднялся черный дым от горящих танков. Вечером был получен приказ – отступать. Продвигались ночью, медленно, без света фар. Вся дорога была забита отступающей армией и беженцами.

С началом войны мысли об искусстве, о продолжении учебы в голову не приходили: они просто улетучились, как будто в жизни ничего подобного не существовало. На повестке дня стояли сиюминутные заботы войны – страх, усталость, голод, самосохранение...Смерть сначала поражала своим постоянным присутствием, напоминая о себе убитыми, разрывами бомб и снарядов, свистом пуль. Потом мы постепенно

привыкли к этому. Смерть стала обычной, неотъемлемой частью жизни. Мы жили вместе со смертью... За четыре года войны, на полях России я видел множество смертей. Русские, немцы, румыны, венгры, итальянцы – солдаты всех народов. Лежали они вместе, группами, друг на друге. Но в одном все были едины – никто не хотел умирать!

А ВОЙНА ВСЕ ШЛА

Мы, актеры Московского областного театра Орехово-Зуева, уехали на гастроли в Гродно, и 22 июня на нас посыпались первые бомбы. Мы вместе с тысячами беженцев уходили из горящего города. Нас обстреливали самолеты на бреющем полете, мы прятались в хлебном поле. После налета, чудом уцелевшие, со сбитыми в кровь ногами, двинулись дальше по направлению к Смоленску.

Из Смоленска нас отправили эшелонам в Москву. К горькому сожалению, к тому времени мы потеряли нескольких товарищей.

Приехали в Москву. Театр был расформирован. Мы остались без работы. Наше жилье больше никто не оплачивал.

В ноябре на Волоколамском шоссе появились немцы... По Москве шли грузовики, тележки, груженные домашним скарбом. Люди стремились в тыл...

Я с маленькой сумочкой примчалась на вокзал, где было настоящее столпотворение. Люди осаждали поезда, сидели на крышах вагонов, висели на подножках. Сесть в поезд было невозможно. Потеряв всякую надежду, я села на перроне и заплакала. Вдруг слышу: «Сестренка, давай сюда!» Это в десятидневный отпуск после ранения ехали какие-то моряки. Из окна ко мне протянулись руки, меня втащили в вагон, устроили на средней полке. К вечеру отправились, а на станции Петушки наш поезд разбомбили. Люди, как могли, заняли маленький вокзал. Кто-то устроился прямо на перроне. Все заборы в округе были сломаны и пошли на топливо для костров. Через два дня мои ребята моряки, сказали мне: «Мы возвращаемся в ополчение! А ты как-нибудь пробивайся в тыл».

Долго я ходила по перрону растерянная, в шубке, на которой не было ни одной пуговицы. Я была в полном отчаянии. Ко мне подошел начальник станции: «Девушка, вы тут пропадете!

Б.Окуджав

На рассвете около водокачки будет отправляться эшелон в Татарию. Я помогу вам сесть в него».

Описать безумие, которое происходило у водокачки, я не берусь. После нескольких безрезультатных попыток удалось таки протиснуться в вагон. К утру у меня начался озноб, поднялась температура. А дальше я ничего не помню. Очнулась в Казани, в тифозном бараке....

Меня вылечили. Никаких вещей у меня не было. В мужском белье, в ватных брюках и ватнике, в ушанке и в брезентовых ботинках я вышла в мир.

В.Адвадзе

В больнице мне посоветовали отправиться в эвакупункт, что я и сделала. Там меня зарегистрировали, выдали карточку на 400 граммов хлеба и 400 граммов сахара и ордер на «квартиру», то есть ванную комнату в одном из домов на Казанке. Хозяйка долго не пускала меня: «Кончится война, что я буду делать без ванны?» К счастью, пришел хозяин и, ни слова не говоря, отстранил жену от дверей и ввел меня в квартиру. Он положил на ванну несколько дощечек и какие-то мягкие тряпки, на раковину – фанерку, сверху поставил кастановую коптилку. «Ну вот, живи!» – сказал он.

На другой день я отправилась в драматический театр имени Качалова. Наверное, мой вид отпугнул директора Григория Ардарова – он отказался взять меня в труппу. Я настаивала: «Я хорошая артистка. Возьмите, не пожалеете».

Мои слова оказались пророческие.

Много лет спустя мы с мужем отдыхали в Кисловодске и пошли на спектакль гастролирующего Казанского театра. Поскольку муж мой – бывший актер этого театра, мы по окончании представления отправились за кулисы. Слухом земля полнится, и Ардаров начал уговаривать нас работать у него. Я напомнила ему мою казанскую эпопею...

Но вернемся к Казани. В эвакупункте мне предложили работу телефонистки пожарного депо: сутки работать, двое отдыхать. Выбирать было не из чего, и я согласилась. После промозглого депо я сидела у железной буржуйки и пила с хозяевами кипяток с тоненькими ломтиками хлеба. Это были лучшие часы моей казанской жизни.

И радость! В депо принесли несколько билетов на спектакль театра имени Качалова. Кроме меня, все отказались.

Я вошла в зал... Шел спектакль по пьесе Гладкова «Давным-

В.Адвадзе. Из фронтовых зарисовок

давно». Мой будущий муж Игорь Злобин играл Пельмова. И он не знал, что в зале сидит женщина, которая станет его женой и проживет с ним 50 лет! Не знала этого и я.

И вот заиграла музыка. Открылся занавес, и я заплакала. Громко и безутешно. Мне пришлось выйти в фойе. Я стояла у окна и тряслась от рыданий. Кто-то спросил: «Вы почему плачете?» Я увидела худощавого, высокого юношу. Это был актер театра Саша Дайчман. Всю боль, страдания последних лет моей жизни я высказала этому незнакомому человеку. В антракте он вынес мне из буфета 400 граммов коммерческого белого хлеба и взял мой адрес, поинтересовавшись: «А вы бы поехали с фронтовым театром? Здесь их много организуется» - «Да-да-да!» - завопила я. - Я погибну в этом депо».

Через несколько дней, вернувшись с работы, я получила записку от Саши: «Скорее идите в клуб железнодорожников. Там организуется фронтовой театр».

Я помчалась туда. Меня встретил руководитель театра Тинский - огромный краснолицый человек с невероятно глубокими детскими глазами, и сказал мне: «Ах, матушка моя, да у нас все штаты заполнены!» Но увидев мое опрокинутое лицо, директор пожалел меня: «Но на всякий случай не можете ли вы показаться нам хоть в чем-нибудь? Вот, например, мы готовим «Таню» Арбузова. Вы играли когда-нибудь Таню?» Я, не задумываясь, сказала: «Да, только я забыла. Мне надо вспомнить. Дайте мне пьесу на одну ночь».

Наталья Михайловна Бурмистрова в январе 1948 года пришла в Тбилисский русский драматический театр имени А.С.Грибоедова и играла на его сцене почти полвека, став легендой и любимой актрисой для нескольких поколений.

Всю ночь горела моя коптилка. Я готовила самую сильную сцену пьесы – сцену смерти ребенка. На следующий день пришла в клуб. И я начала борьбу за право вернуться в театр. Я играла как в бреду, все мои душевные силы были возбуждены. В мозгу билась одна мысль: «Я должна им понравиться! Я должна их убедить!»

И я их убедила. Когда я закончила, на сцену бросились актеры с зареванными лицами, целовали меня, тискали. По краснощекому лицу Тинского тоже текли слезы: «Возьму я тебя! Проведу хоть костюмершей, хоть рабочим сцены, но возьму! Ах, ты моя маленькая актрисуля!» Наверное, я играла хорошо, как никогда в жизни. А потом мне повезло: артистка, игравшая героиню пьесы, осталась с мужем, крупным хирургом, в Казани, и я стала артисткой театра дорпрофсожа.

Н.Бурмистрова

Что представлял собой этот театр? Казанские железнодорожники на свои средства организовали санитарный поезд, прицепили к нему агитвагон. В нашем репертуаре были пьесы «Со всяким

может случиться» и «Таня», две концертные программы...

Вся наша бригада окончила краткосрочные медицинские курсы.

И вот наш поезд отправился на фронт. Мы забирали раненых, доставляли их в полевые госпитали, а оттуда отвозили в Арзамас-2, где базировалась группа стационарных госпиталей, потом возвращались на фронт.

И так в течение трех лет. Мы помогали медперсоналу делать перевязки, уколы, а в «спокойное время» давали спектакли и концерты прямо на фронте.

Главный хирург нашего санитарного поезда Илларион Петровский сказал мне: «Останешься жива, поступай в медицинский. У тебя есть жилка...»

А война все шла. Страшная, холодная, голодная.

Наталья БУРМИСТРОВА,
народная артистка СССР,
Почетный гражданин Тбилиси.

ПЕПЕЛ СЕВАСТОПОЛЯ СТУЧАЛ В ЕГО СЕРДЦЕ

Небольшая лодка, которую получил Ярослав, вызывала обидные реплики на базе. Друзья медлили поздравлять Иоселиани. Опытные подводники знали, что лодка, командование которой доверили отважному свану, не имела на своем счету побед. Молодой командир догадывался о толках, но знал он и другое: как ни мала его подводная крепость, она представляла опасность для немецких транспортов, а свести счеты с врагом ему хотелось давно, просто руки чесались от нетерпения.

За спиной остался опаленный огнем Севастополь. А дальше открывалась бесконечная морская ширь, за которой была его Сванетия. Мальчиком Иоселиани покинул родное селение Лахири. Ярослав жил в Гагрском интернате. Потом поступил в Сухумский педагогический институт. По комсомольской путевке в 1934 году пришел в ленинградское морское училище имени М.В.Фрунзе. Море властно позвало юношу, год он работал штурманом на Черноморском флоте. Наступила пора овладения искусством военно-морского дела. В 1940 году окончил сектор подводного плавания Морской академии имени К.Е.Ворошилова.

Придя на море, Ярослав остался дозорным его рубежей. Черное море, знакомое с детских лет. Только все это отступило в прошлое, и золото пляжей, и гомон купальщиков.

В первый день войны Ярослав доложил комиссару дивизиона подводных лодок: «Нам не следует бояться мелководья. Мы не подходим близко к берегу, а потому не часты встречи с неприятелем».

Знал он твердо, что воюют не числом, а умением. И, обходя отсеки лодки, знакомился с экипажем. Уверенность и спокойствие Иоселиани передались людям. А командир не скрывал от экипажа своих намерений. Лодка-малютка в кратчайший срок должна была выйти на первое место в дивизионе. Это в будущем, а завтра выход в море.

Трое суток шли к боевой позиции. Еще в пути Ярослав принял решение подходить к неприятелю на предельно близкую дистанцию, а потом бить наверняка. Запас торпед, взятых на борт, был невелик, и расходовать их следовало бережно.

После обеденной вахты обнаружили семитонную баржу

в окружении трех катеров. Иоселиани пошел в свою первую самостоятельную атаку...

Сколько их было, блестяще проведенных боевых операций, в обход минных полей, где на минрепах глубоко под водой притаилась смерть, многочасовые глубинные бомбежки, только первый залп по врагу запомнился до мельчайших деталей.

Вздрыгнула, освободившись от грозного груза, лодка. Спустя несколько мгновений в носовом отсеке услышали, как торпеда глухо ударила в борт баржи. Командир начал разворачивать лодку на обратный курс. Мелькнули в последний раз иллюминаторы баржи, и тяжелая посуда неловко начала валиться на корму. Очень скоро от баржи остались одни круги на воде.

Не успели подводники отпраздновать первую победу, как над их головами прошел катер. Немцы решили, что баржа подорвалась на mine, и не проявляли признаков беспокойства. Неприятель считал район плавания чистым, а потому следовало запастись терпением и готовиться к новым схваткам.

Ждали до захода солнца. Несколько раз поднимали перископ, но в его окуляре отражалась одна водная пустыня, словно залитая алой кровью. Бежала легкая волна, и ничто не напоминало об упорном бое, разыгравшемся вокруг. Солнце утонуло за кромкой горизонта. Казалось, настало время возвращаться на базу, но подводники чувствовали присутствие врага. И вот перископ приблизил движущуюся мишень. К ним пожаловал транспорт тысяч на шесть тонн. После взрыва он заметно накренился и сбавил ход.

Очень скоро о молодом командире с уважением заговорили бесстрашные подводники. Но боевое умение оставалось бы лишь умением, если бы не огонь ненависти, полыхавший в его груди. Ярослав вспоминал пустынные улицы Севастополя, оставленного после ожесточенных боев, поверженный в руины город. Пепел Севастополя стучал в его сердце. Никакое неравенство сил не могло его заставить отказаться от боя.

Вот и сегодня он занял боевую позицию на виду у самого Севастополя. Погрузили лодку и легли вдоль Лукульского створа. Только Ярослав сомкнул веки, как его сбросил с койки шум винтов вражеских катеров. Загремели взрывы бомб. В лодке стало темно, как ночью. На центральном посту сорвало задрайку. Вода с шумом ворвалась в подводный корабль. Трюмные под ледяным душем бросились исправлять повреждения. Семь часов краснофлотцы находились под непрерывной бомбежкой, пока не оторвались от преследования.

К ночи обнаружили конвой, следовавший на Севастополь. В перископ отчетливо вырисовывались силуэты танкера водоизмещением три тысячи тонн, транспорта - около двух тысяч тонн, четырех самоходных барж, следовавших под охраной 12 кораблей и нескольких самолетов.

Иоселиани помнил наказ командира бригады, человека

Н.Бурмистрова и Б.Казинец в спектакле Грибоедовского театра «Миллионерша» Б.Шоу

легендарной смелости, предложившего вести бой на короткой дистанции.

Танкер раскололи с двух кабельтовых. Погасло освещение в отсеках. Горохом посыпались в воду глубинные бомбы, общим числом до восьмидесяти, шум катеров то удалялся, то настигал лодку.

Спасение подводного корабля зависело от быстрого погружения. Коснулись грунта на глубине сорока метров. Плотность батарей была на исходе, а сторожевые катера все еще не унимались. Лежать дольше становилось опасно. Оставалось только прорываться сквозь минное поле, несмотря на опасность каждую минуту взорваться. Катера проводили лодку до поля-западни, а потом повернули восвояси.

Вот раздался леденящий скрежет по обшивке корабля троса, к которому подвешена мина. Только ушли от опасности, как коснулись нового минрепа, и на этот раз смерть обошла стороной.

Так воевали до сорок третьего года, когда громовое эхо возвестило о разгроме немцев под Сталинградом. Снова

бороздит воды подлодка, на рубке которой растет число отметок о победах.

Мастерски был потоплен транспорт, державший курс на Одессу. Охранялись транспорты только со стороны моря. Иоселиани учел это и ударил с берега, откуда его не ждали.

Черное море. Десятки тысяч миль в туманах и штормках прошел боевой экипаж, внося смятение в ряды неприятеля. Сдерживали чувства капитан Я. Иоселиани и его экипаж, прощаясь с кораблем, который уберегли от бомбовых ударов и мин.

Дорога. Разрушенные от налетов железнодорожные пути. Голые, покрытые мхом скалы. Край белой ночи, в котором не чувствовалось дыхание весны. Здесь, далеко от Сванетии, Я.Иоселиани узнал о присвоении ему 16 мая 1944 года звания Героя Советского Союза. В представлении было написано: «За 11 месяцев 1943 года подводная лодка под командованием капитана 3-го ранга Иоселиани выполнила 11 боевых походов и потопила 12 судов противника общим водоизмещением 14200 тонн, нанесла повреждения двум его транспортным судам...».

Я.Иоселиани

Отметить высшую награду решил командир в открытом море.

Баренцево море не было ласковым. Но настроение у командира было приподнятое, он и его люди вели корабль вдоль заснеженных, казалось, безлюдных берегов. Именно оттуда пойдут вражеские транспорты, эскорты военных кораблей.

Сигнальщик доложил:

– Товарищ командир, курсовой угол пять градусов правого борта, дистанция двадцать кабельтовых, си-

луэт танкера!

Танкер имел большую осадку, вез столько горючего, что мог обеспечить танковую часть па полмесяца боевых действий. Не дрогнула рука командира, не донес фашистский танкер бензин до своих «тигров», разлился он по морским волнам. Карающая торпеда сократила век нескольким десяткам убийц.

Венцом побед был назван позднее этот поход Ярослава Иоселиани. Боевой счет подлодки пополнился еще тремя победами. После танкера встретили и проводили два транс-

порта. Была короткая дистанция, был риск пострадать от собственной торпеды, яростный обстрел с суши и моря, была двухдневная погоня фашистского эскорта – двух эсминцев и нескольких сторожевых катеров, но, в конце концов, благополучное возвращение на базу, приветственный салют кораблей, поздравляющих с тройной победой...

Все население Верхней Сванетии, кажется, вышло встречать своего знаменитого земляка, который однажды, уже в конце войны, приехал домой. Когда его спросили, за что он удостоился Золотой Звезды Героя, 34-летний капитан сказал: «Эта награда принадлежит всему боевому экипажу «Советской Сванетии» и вам, мои дорогие друзья, которые отдали свои личные сбережения на строительство нашей замечательной лодки. И она оправдала ваше доверие».

Прошли годы. Иоселиани работал инспектором Главной инспекции Вооруженных Сил СССР. В 1952 году окончил Высшую Военную академию Генерального штаба ВС СССР, командовал соединением подводных лодок, работал в Генштабе СА. Прославленный командир, капитан 1-го ранга в отставке, кавалер ордена Ленина, четырех орденов Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Нахимова II степени, Красной Звезды, был занят мирным трудом, работал заместителем председателя Государственного комитета Совета Министров Грузии, писал книги о советских подводниках. Опыт и мастерство Ярослава Иоселиани стали достоянием истории, гордостью искусства военно-морского дела.

МАХАРАШВИЛИ ПРИЕХАЛ!

Как-то во дворе киностудии «Грузия-фильм» после съемок я встретился с Сулико Жгенти, с которым мы вместе учились во ВГИКе и очень дружили. Так вот, разговорились мы с Сулико, тогда еще никому неизвестным, начинающим сценаристом, и он дает мне какие-то листочки, мол, почитай, что я тут набросал. Я сразу прочитал, и эти «наброски» меня просто потрясли.

Сценарист фильма «Отец солдата» сам был участником войны, пошел добровольцем, попал в морскую пехоту, был ранен. Прототип главного героя – Георгия Махарашвили – реальный боец, воевал в роте Сулико. Встретились они в боях под Керчью. Фамилию герою сценарист дал в память о нем. Тот Махарашвили, виноградарь из Кахетии, был лет пятидесяти, а остальные – молодые ребята. Жгенти вложил в сценарий свои воспоминания о том, как старый солдат заботился о молодых, как весной мечтал, чтобы война поскорее закончилась, и он смог бы вернуться к деревенской работе.

Когда я прочитал сценарий, то на следующее утро пом-

чался к Серго Закариадзе в гримерную (он снимался у меня в «Морской тропе»), хотя знал, что артист не любит, когда перед съемками ему мешают сосредоточиться. Но я не мог утерпеть и стал читать ему сценарий. Сначала он слушал молча, не реагировал, потом оживился, а когда я закончил, повернул ко мне лицо с мокрыми от слез глазами: «Так он нашел сына?» И я понял, что Серго будет сниматься.

Закариадзе был великий артист. На момент нашей встречи с ним – очень известный, много снимался в кино. В театре Руставели у него были ведущие роли – король Лир, царь Эдип. Смотреть его приезжали со всего Советского Союза. В работе он сам не знал покоя и другим его не давал. По своим душевным качествам идеально подходил для этой роли. Его склад мышления, глубокое знание народа были идентичны моему видению главного героя. Это должен был быть мощный человек – широко шагающий, уверенный, сильный, мудрый, с юмором и добрыми глазами. На киностудии, правда, сопротивлялись, говорили, что Закариадзе больше театральный актер, не сможет олицетворять грузина на международном уровне. Пришлось убеждать, что эту роль может сыграть только он. И он сыграл ее так, что в 1966 году за роль Отца солдата получил Ленинскую премию, в то время высшую государственную награду.

И зрители отвечали ему искренней любовью, верили, что солдат Георгий – не выдуманный персонаж. Не случайно в Гурджаани памятник «Отец солдата» 14 метров в высоту. Это один из немногих киногероев в мире, увековеченных таким образом. Скульптор Мераб Бердзенишвили расположил вокруг памятника небольшие плитки с фамилиями погибших – 300 гурджаанцев не вернулись с войны.

Когда памятник везли в Гурджаани, то по высоте он не проходил в тоннеле. Тогда вспомнили, что поблизости есть село, жители которого в большинстве своем – Махарашвили. Они пришли по первому зову, углубили лопатами дно тоннеля, и памятник был доставлен по назначению.

Люди плакали: «Махарашвили к нам приехал!»

Резо ЧХЕИДЗЕ,
кинорежиссер,
народный артист СССР

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Патриотизм не есть привилегия коммунистов. Мое поколение растили патриотами, любовь к Родине прививали и в школе, и во Дворце пионеров. Великий Илья Чавчавадзе призывал с девятого неба: помните о трех ценностях – язык,

Родина, вера. Мое поколение хорошо знало цену родного языка, Родины и главное – веры.

В 12 лет, с началом войны, я с двумя друзьями удрал на войну, четвертый же – выдал нас и спас – родители нас догнали на машине во Мцхета, сняли с поезда и вернули домой. Тогда мы не знали, что означало Советский Союз. Мы знали, что должны защитить нашу отчизну. Так понимали русский, армянин и азербайджанец, с большой любовью к отчизне боролись с фашизмом, и когда почти весь мир поддержал Сталина, они сражались не за Советский Союз, а за свою Родину.

В Америке ты или в России, если ты грузин, должен оставаться грузином. Ты русский и живешь в Германии? Душой ты все же русский, – вот что означает сын отечества, вот что такое патриотизм.

Ирина Схиртладзе была грузинкой по происхождению и жила в Польше. Ирине Схиртладзе было 15 лет и в Польше она сражалась против фашизма. Вот что заставило меня написать стихотворение «Иринола».

Тогдашнее мировое единство спасло, ты назови это, Советский Союз и главное, всегда союз, союз сердец, как говорил Галактион Табидзе.

Союз сердец означает любовь, а любовь есть Бог.

ИРИНОЛА

Будь ты и впрямь с кулачок, не боле –
Благословен ты в родной стороне!

... Что не скорбишь ты по Ириноле?
Что не скорбишь ты по Ириноле?
Что не скорбишь ты по Ириноле?

Скорбь опалила земли половину,
Небеса растопила в огне.
Кто, скажите, знавал Ирину,
кто, скажите, знавал Ирину,
кто расскажет об Иринэ?

Еще испечется и боль утишит
Лепешка сиротская – дань старине.
Только кто же
О ней напишет,
Кто расскажет об Иринэ?

Многое девочке обещала
Жизнь. Испытала – только в огне!
В Польше грузинский край защищала,
На врагов восстав, Иринэ.

В траншее встала и смерть попраля:
Встречала пулею сто смертей.
... Грузия, ты не имеешь права
смерти своих уступать детей.

Ее могила – гора в Повинска.
Как часовые, стоят при ней

Ромашки Польши у обелиска,
Но не увидит их Иринэ.

Она восстала и смерть попрала:
Встречала пулею сто смертей.
... Грузия, ты не имеешь права,
Слышишь?- на смерть обрекать детей.

Перевод Я.Гольцмана

Джансуг ЧАРКВИАНИ,
поэт, публицист,
Почетный гражданин Тбилиси.

«В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ...»

Нагретая за день земля дышала теплом, спеющими хлебами. Он сидел под крылом самолета, на краю летнего палаточного городка, неторопливо перебрасываясь шутками с друзьями, и думал, как проведет свой выходной день в Одессе. Разрешение на поездку лежало в кармане. Автомашина за командирами авиационной школы должна была прибыть ранним утром, а потому спать он лег рано, собрав в легкий чемоданчик свои нехитрые вещи.

Проснулся он неожиданно, как и заснул, - от гула приближающихся самолетов. Ему, военному человеку, понадобились считанные мгновения, чтобы понять непоправимость

Р.Чheidze

Савченко, опытный летчик. Набрав высоту, построились в предбоевом порядке. «Хейнкели» показались из-за Днестра, прижимаясь к земле, старались незамеченными проскочить к белеющему у моря большому городу. Но уйти они не смогли. Истребители атаковали их двумя звеньями. Третье осталось прикрывать своих сверху. Вот когда пригодились младшему лейтенанту полученные в авиашколе знания. Пипия летел ведомым командира звена Есикова. При первом же крутом вираже он достал «Хейнкеля», поймал в прицел паучью свастику на борту и нажал на гашетку, вкладывая всю ненависть в силу своих рук. В это же время пулеметная очередь прошла тело стервятника: политрук Савченко атаковал врага.

Галактион, выйдя из боя, даже удивился, как быстротечны оказались эти десятки секунд.

На земле поздравили с успехом в бою. Памятным он оказался, этот первый бой, за которым последовал незабываемый день, когда летчику-грузину выпало счастье спасти товарища от верной гибели.

Он возвращался на базу после выполнения боевого задания и вначале просто глазам своим не поверил: прямо под ним, беспомощно раскачиваясь на стропях, спускался парашютист, а вокруг, почуяв легкую добычу, кружились два «Мессершмидта-109». Он даже вскрикнул от досады, представив, как ловят эти разбойники беззащитную цель. Раздумывать было некогда. Переведя машину в глубокое пикирование, летчик открыл огонь из обоих пулеметов. Разгоряченные преследованием враги бросились наутек, а парашютист ушел вниз и вскоре пропал из виду.

Тогда он не знал, кто этот летчик. Прилетел к себе в часть и скоро забыл о случае в воздухе. Не думал, что снова доведется встретиться. А вышло иначе, правда, спустя тридцать лет.

случившегося. Закричала, словно спросонок, сирена воздушной тревоги, задыхнулась в вое пикирующих бомбардировщиков, грохоте огненного груза.

Война, о вероятности которой говорили на занятиях, вошла в их жизнь. На следующий день, 23 июня, отряд получил боевое задание защищать небо Одессы.

В составе девятки «И-153» Галактион Пипия вылетел на рассвете. Командовал отрядом старший политрук

Все эти годы майор запаса Владимир Воронцов, заведующий кафедрой Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, разыскивал своего спасителя. И нашел. По архивным документам, по бортовому номеру самолета. Пригласил к себе в Москву. Самым дорогим гостем был Галактион в его семье, а потом побратимы встретились в его родном городе Цхакая (нынешнем Сенаки).

После Одессы их полк перебазировали под Сталинград, а затем направили в запасную авиабригаду в Подмосковье. В конце сорок второго летчика со стажем инструкторской работы вызвал к себе командир бригады. Они до этого освоили новую летную технику – быстрокрылый «ЯК», такой нужный на передовой, и теперь ждали приказа вылететь в действующую армию. Но командование знало больше: к ним направлялась группа летчиков ВВС Франции, на эмблеме которой был герб Нормандии – два льва на красном фоне, провинции, наиболее пострадавшей от фашистов.

Сообщение полковника Шумилова было кратким: летчики с инструкторским опытом оставались в распоряжении авиабригады, в сжатые сроки им предстояло помочь французским пилотам освоить наши самолеты. Уже через несколько недель Пипия встретил в коридоре жилого помещения военных в незнакомой форме. Вслушавшись в их разговор, Галактион понял, что перед ним французы. Сражаться на советской земле против общего врага советским оружием... Это горячее стремление привело в эскадрилью разных людей – сына рабочего Альбера Марсея и потомка родовой аристократии Пьера Пуйяда.

– Господин русский, – услышал он в коридоре вежливое обращение.

Д. Чарквиани

Галактион остановился, с любопытством разглядывая обратившегося к нему. Конечно же, он слышал об этих парнях, летевших в Москву из оккупированной Франции, из Северной Африки, Лондона и даже из Индокитая, совершавших побег из нацистских тюрем.

– Не господин я, товарищ, – улыбаясь, пояснил незнакомцам Галактион, – с Кавказа..., из Грузии...

– Камарад грузин, – француз-крепыш ударил себя кулаком на летневшей груди, – камарад Жан-Луи Тюлян.

Французские летчики в ту зиму, осваивая незнакомую боевую машину, прямо-таки рвались на фронт. Морозы трещали на летном поле, доходили до тридцати градусов, а их, южан, невозможно было оттащить от самолетов.

В воздухе разворачивались жестокие бои, и майор Жан-Луи Тюлян погиб одним из первых. Это был тяжелый удар по эскадрилье.

...15 июня сорок пятого сорок боевых «Яков», нарушая традицию летать над Парижем не ниже четырехсот метров, пролетели над столицей Франции и приземлились в аэропорту Бурже. Это был дар советского правительства, отметившего подвиги истребителей полка «Нормандия – Неман», которые на советско-германском фронте провели 859 воздушных боев и сбили 273 самолета противника.

Спустя многие годы в город Цхакая пришло письмо на имя «камарада грузина»: «Дорогой Галактион Алексеевич! Шлем вам сердечные и горячие приветствия с праздником Октября. Вы понравились французским летчикам, с которыми не раз тесно встречались. Помню, как на встрече 30-летия Победы вас сердечно обнимали. Вы наш боевой друг со времен войны, перегоняли для нас первые самолеты, на которых французские летчики в один только день 16 октября 1944 года сбили 29 самолетов без собственных потерь. Вы заслужили это уважение. Вы проводите большую работу по воспитанию молодежи, рассказывая о боевом содружестве советских и французских летчиков. Вот почему мы вас выбрали почетным ветераном полка «Нормандия-Неман».

Сколько дорогих воспоминаний всколыхнула встреча в Москве, Центральном Доме Советской Армии! Пьер Пуйяд, Жак Андрэ, Суваж...

Для французских летчиков Галактион Пипия, этот невысокый, крепко сбитый инструктор, оставался непререкаемым авторитетом, олицетворением отваги и мужества советского воина. «Сталинград!» – говорили они оживленно, вспоминая, что их грузинскому другу довелось сражаться за неприступную твердыню на Волге. Инструкторские занятия показали, что этот, как говорили в старину, летчик божьей милостью, может считаться виртуозом своего дела. В летной книжке так и было отмечено, что Пипия допускается к внеаэродромным

полетам при высоте нижней кромки облаков не ниже 400 метров и горизонтальной видимости четыре километра. Но каждый из самолетов, перегнанных Галактионом Пипия на фронтовые аэродромы из заводов и запасных полков, эти «ЛАГи» и «ЯКи», доставлялись и в худших погодных условиях.

Таким он остался для французских коллег – скромный человек, начальник цхакаевского участка «Грузглавэнерго», заслуженный работник промышленности Грузии.

Гвардии лейтенант запаса, вступивший в войну с первого ее дня.

ГЕРОЙ ПУЛАВСКОГО ПЛАЦДАРМА

В середине 60-х, накануне 20-летия Победы над фашистской Германией, в редакцию республиканской газеты «Заря Востока» пришли письма с просьбой сообщить адрес генерала Е. Коберидзе. «В годы войны он командовал нашей дивизией, – писал майор запаса А. Карпов из Харькова. – Мы, солдаты, сержанты и офицеры, просим от нашего имени поздравить Ермолая Григорьевича с праздником Победы и пожелать

Г.Пипия

ему долгих лет жизни». Д. Голубцов из Майкопа вспоминал, как генерал, раненный осколком снаряда, отказался эвакуироваться в тыл, продолжая руководить боевыми действиями. «Мы удивлялись его стойкости», – писал ветеран.

Генерал-майор Е. Коберидзе начал свой славный путь с поста №1. Так называли почетный караул у Мавзолея Ленина, который несли курсанты кремлевской школы. Грузин Ермолай Коберидзе, русский Григорий Коблов, венгр Янош Мейсарош, белорус Сергей Сенчилло, украинец Григорий Тхор, армянин Ионисий Кафьян, азербайджанец Али Мирзоев, мордвин Федор Смолкин, литовец Франц Балтрушайтис, латыш Раймонд Яунушан, чуваш Михаил Мезелев...

Есть в семье часовых генералы и Герои Советского Союза (есть и дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Александр Родимцев), все они прошли горнило Великой Отечественной войны. 24 июня 1945 года в Параде Победы на Красной площади участвовали сводные полки десяти фронтов, пронесли победные знамена, украшенные орденскими ленточками, участники Берлинской операции – кавалеристы первого часового Мавзолея генерала Григория

Г.Пипия среди ветеранов полка «Нормандия-Неман»

Коблова, пехотинцы Ермолая Коберидзе и комдива, Героя Советского Союза Даниила Шишкова...

В октябре 1923 года парень из грузинского села Цхмори Онского района – курсант Грозненских командных курсов Ермолай Коберидзе попросил перевести его в кремлевскую военную школу.

В Отечественной войне участвовал с 22 июня 1941 года. День Победы – 9 мая 1945 года встретил в Берлине, который штурмовала его дивизия.

Июльской ночью 1944 года бойцы передового десантного отряда 117-й стрелковой дивизии генерал-майора Е. Коберидзе первыми в 69-й армии с ходу форсировали, казалось бы, недоступную полноводную Вислу и, несмотря на яростный артиллерийский обстрел и бомбежку, захватили высоту близ польского села Войшин. Все контратаки гитлеровцев, стремившихся отбросить десантников за реку, оказались безрезультатными. Ночью генерал Коберидзе перебросил через Вислу еще два батальона и роту автоматчиков. Под ураганным огнем вражеских пушек и минометов они расширили плацдарм, длина которого за две недели ожесточенных боев увеличилась по фронту до трех километров. Бойцы 117-й стрелковой дивизии – герои знаменитого Пулавского плацдарма, посодействовали соседям из 370-й стрелковой дивизии во взятии укрепленного пункта. Добрых слов заслужило боевое братство – артиллеристы поддержали их огнем с восточного берега... На завоеванном плацдарме сосредоточились новые дивизии, развивающие наступление на запад.

117-я стрелковая дивизия за эту боевую операцию была награждена орденом Красного Знамени. А комдиву Ермолаю Коберидзе Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

Ираклий Цицишвили одел солдатскую шинель в июне 1941 года. Боевой путь выпускника Грузинского индустриального института пролегал через пол-Европы. Защищал Москву, Ленинград, Сталинград, освобождал Украину, Чехословакию. Награжден орденами Ленина, Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I степени.

«Звездный час» 25-летнего архитектора-инженера пришелся на октябрь 1943 года, когда 268-й армейский инженерный батальон 38-й армии под командованием Ираклия Цицишвили получил приказ в течение пяти суток построить мост через Днепр длиной 360 метров. Фактически мост у села Сваломье южнее Киева был длиной 1000 метров. Вражеская артиллерия и авиация трижды разрушали строящийся мост. Противник потопил все лодки и плоты, используемые на строительстве. Саперы работали раздетыми в ледяной днепровской воде, чтобы сохранить одежду сухой. Раненые после перевязки возвращались в строй, отказываясь от эвакуации.

Капитан И. Цицишвили пять дней руководил строительством, действуя четко и энергично в трудной и неординарной обстановке. Он выполнил инженерный ритуал – стал под построенный им мост и так провел по нему колонну танков, направлявшуюся на освобождение Киева. В первую же ночь через мост прошли 2600 автомашин с пехотой и артиллерией.

Задание выполнено, причем досрочно. Но командир батальона все же неспокоен. Его беспокоит огонь противника по построенному мосту. И он предложил командованию построить второй мост, севернее Киева, в шести километрах от первого моста. В течение четырех суток под непрерывным огнем противника строительство запасного, на этот раз 720-метрового моста завершено. Наступление на врага получило новое решающее направление.

Командование высоко оценило труд саперов, и наградило батальон орденом Красной Звезды, присвоило ему почетное звание Днепровского и Киевского. 250 офицеров и солдат были награждены орденами и медалями.

Командиру батальона Ираклию Николаевичу Цицишвили Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы И. Цицишвили стал известным ученым, профессором, заведовал кафедрой архитектуры в Грузинском политехническом институте, был председателем «Жилстроя» Грузии, возглавлял Главное научно-производственное управление охраны и использования памятников культуры, внес огромный вклад в изучение и спасение многих

памятников грузинского зодчества.

Обаяние этой личности с героической биографией испытали на себе не только архитекторы – ученики Ираклия Николаевича, он остался идеалом для своего поколения, отдав без остатка жизнь любимому делу. В тот майский день 2001 года, несмотря на пошатнувшееся здоровье, он до последней минуты вел активную работу - накануне провел лекцию в Техническом университете, расширенное заседание кафедры, в тот день принял участие в работе объединенного заседания научно-технического совета Министерства урбанизации и строительства и отдела архитектуры Инженерной академии, оттуда отправился на встречу ветеранов войны, стал подниматься по лестнице...

ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ И МОРЕ

31 ноября 1940 года четыре подруги – Юлия Пайлодзе, Шушана Туманишвили, Нина Каландадзе и Вайде Гваришвили - окончили отделение судовождения Батумского мореходного училища. Получив редкую для женщин специальность, они сдали государственные экзамены и стали штурманами дальнего плавания.

«Смотрите, вам в море предстоит очень тяжелая работа. Море не для девочек, – предупредил директор Семен Аласания, подписывая заявления о переводе с гидротехнического отделения. – Обязательно доведите дело до конца – доплавайте до капитанов».

Подруги дали слово, не подозревая, какие тяжелые испытания поставит перед ними уже недалекая война...

А теперь мысленно перенесемся к началу марта 1969

года, когда Батумское мореходное училище отмечало свой 25-летний юбилей.

Я сижу в библиотеке училища-юбиляра и слушаю рассказ Юлии Александровны Пайлодзе, почетного работника Министерства морского флота СССР, заслуженного библиотекаря Аджарской АССР:

– По распределению мы с Ниной попали на Дальний Восток, Шушана и Вайде – на Каспийское море. Ребят с нашего курса оставили в Батуми, им предстояла служба в армии. 27 января 1941 года приехали во Владивосток, нас сразу послали работать на суда. Меня - на пароход «Арктика», а Нина 29 января на танкере «Донбасс» ушла в Америку. Наше расставание было очень тяжелым. Пароход наш отправился в Петропавловск-Камчатский. Войдя в бухту, мы пробирались среди льдов, потеряли винт, в течение десяти дней нам его устанавливали, мы выгрузились и пошли во Владивосток. По дороге попали в сильный шторм. Меня сильно укачало, два дня не могла стоять на вахте, но потом к шторму привыкла. Вначале очень переживала, что если не привыкну, то должна бросить плавать. На четвертые сутки пришли во Владивосток. Меня временно перевели на пароход «Ф. Меринг» четвертым помощником капитана. Я несла вахту с 20 часов до 12-ти. Капитан поднимался на мостик и наблюдал, как я работаю, как отношусь к вахтенным матросам. Он сказал, что ему понравилась моя работа и что скоро меня переведут на большое судно – пароход «Минск». 6 июня меня перевели на «Минск». В это время во Владивосток пришел танкер «Донбасс», мы встретились с Ниной Каландадзе. Такая радость была! 8 июня они снова ушли в Америку, а я с нашими – на север, в бухту Провидения, где мы оставили груз и взяли курс на Америку.

В Беринговом море, когда проходили Командорские острова, радист сообщил капитану Терентию Перередю о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Терентий Герасимович собрал команду и сообщил о начале войны, что мы должны быть бдительными, и что торговый флот переводится на военное положение.

Мы пришли в порт Сан-Франциско. Нас приняли хорошо, интересовались, как мы работаем, и удивлялись, что четвертый помощник капитана – молодая девушка. Мы загрузились и пошли в Австралию. В пути я заболела малярией. В порту Сидней меня поместили в больницу, откуда я на пятый день

Е.Коберидзе

сбежала, опасаясь, что уйдут в рейс без меня. На пароход пришел представитель властей и сообщил капитану о моем побеге. После моего объяснения все уладилось. Гость оставил мне лекарства и пожелал удачного плавания. Мы держали путь на Цейлон, зашли в иранский порт Бендер-Шахпур, вернулись в Австралию, где наше судно получило вооружение. Был февраль сорок второго года. Плавать было небезопасно. Штурманы и механики после основной вахты вели усиленное наблюдение за вражескими судами и самолетами, которые могли нас обстрелять.

Наш «Минск» - снова в Сан-Франциско. Здесь уже стоял танкер «Донбасс» с моей Ниной. Американцы выпустили газету с сенсацией: на советских судах четвертые помощники – девушки-грузинки! «Донбасс» ушел первым в рейс. Нас загрузили военным грузом. Я стояла на вахте. Недалеко от нас строили новые суда – американцы за десять дней собирали суда типа «Либерти». Когда судно спускали на воду, вся наша команда с капитаном наблюдала за церемонией, все суда салютовали гудками. Через несколько минут раздалась сирена. Капитан сказал: «Судно почему-то идет в нашу сторону». Оказалось, что лопнул левый трос, который придерживал судно при спуске, чтобы оно не набрало большой скорости. Уклониться от столкновения мы не могли – впереди нас и за кормой вокруг стояли суда. Скоро послышался сильный удар. Мы все страшно опасались взрыва, но все обошлось. Представители судостроительной компании немедленно примчались к нам, измерили пробоину на корме – полтора метра высотой, от воды – 15 метров, от взрывоопасного

груза – 10. Они очень удивлялись, что мы не взорвались, и все нас поздравляли. Представители компании сказали, что в случае взрыва все склады и полгорода сгорели бы.

В течение десяти дней мы починились, и вышли в море, некоторое время шли в сопровождении американских судов. Когда проходили Тихий океан и Берингов пролив, все время над нами летали вражеские самолеты, совсем низко, почти задевая мачту. Нас бомбили, мы маневрировали, молили бога, чтобы всегда был туман.

25 сентября меня перевели на корабль «Циолковский» четвертым помощником капитана. Я встретила Лизу Селеменеву, с которой подружилась во время практики в Одессе, на паруснике «Товарищ». Сейчас она была третьим помощником капитана, имела большой опыт работы и многому научила меня. Совершали регулярные рейсы в США. Во время одного из них радист принес сообщение, что танкер «Донбасс» просит помощи. Капитан объяснил мне, что «Донбасс» находится в проливе Ла-Манш, в караване судов. Радист наш ночью пытался поймать позывные «Донбасса», но танкер молчал. Мы узнали, что он был торпедирован немецкой подводной лодкой и потоплен. Весь его экипаж погиб. Мне было тяжело перенести гибель этого судна и моей подруги Нина Каландадзе. Все меня успокаивали, напоминали, в каких опасных условиях мы сражаемся и сами можем быть потоплены.

И.Цицишвили

20 января сорок третьего года нас с Лизой перевели на другие суда. Лизу – вторым помощником капитана на «Херсон», меня – третьим помощником на «Циолковский». Мы снова расстались. Они ушли в рейс из США на 12 часов раньше нас. Наш пароход находился недалеко от Петропавловск-Камчатского, когда радист поймал сигнал SOS с борта «Херсона». Наш капитан изменил курс и просил сообщить местонахождение терпящего бедствие судна, которое в

тумане село на подводные камни недалеко от Петропавловска. Через 12 часов туман рассеялся, и мы подошли близко, как и другие суда. Пароход переломился пополам, и помочь ему не было возможности. Одну часть отбуксировали в Петропавловск мы, вторую – другое судно. Всю команду мы приняли на борт и доставили во Владивосток. Лизу послали вторым помощником капитана на пароход «Кола».

7 мая сорок пятого года меня перевели вторым помощником капитана на более крупный пароход «Войков». Мы совершали рейсы США – Владивосток. Во Владивостоке выгрузили спецгруз, взяли продукты и пошли на Сахалин. Вошли в порт Отомари, который уже был занят нашими войсками. К капитану пришел командующий войсками, он оказался из города Тбилиси и, узнав, что второй помощник капитана – грузинка, попросил познакомиться со мной. Очень удивлялся, как девушка может выполнять такую тяжелую работу.

К капитану пришел еще один гость – старший помощник с парохода «Кола» и рассказал, что пароход и Лиза Селеменова погибли в феврале сорок пятого: «Стоял на вахте с 20 до 24 часов. Лиза сменила меня. Я обошел судно, проверил все и ушел в свою каюту, что-то плохо себя чувствовал. Жарко было, открыл иллюминатор, лег спать. Во сне чувствую, что тону, задыхаюсь, проснулся – и в самом деле лежу в воде; начал вылезать в иллюминатор, вылез и стал всплывать. Когда вынырнул из воды, поплыл подальше от потопленного корабля. Вижу – что-то на воде темнеет. С трудом подплыл и увидел шлюпку, забрался в нее. Вспомнил, что в шлюпке имеется запас питания и теплые одеяла, компас. Я все это достал; начало рассветать. Вижу: матрос еле живой, вытащил его, привел в чувство. Погода была хорошая, море спокойное, как никогда. Мы долго плыли, видели погибших из нашей команды, Лизу Селемеву. Еще подобрали нескольких живых. Нас стало пятеро. Мы очень долго плыли к берегам Камчатки. Потом

нас подобрали рыбаки и доставили на берег, привезли в

Пароход «Войков». 1943

Петропавловск».

Трагедия произошла в Корейском проливе.

Во Владивостоке меня вызвал капитан Гордиенко и сообщил о моем направлении старшим помощником на танкер «Донбасс». Я сказала: «Мне обещали отпуск, раз не пускают в отпуск – не пойду». Капитан сообщил, что на «Донбассе» капитаном плавает мой земляк Гогинов. «Вы попросите, и, возможно, он поможет с отпуском».

Гогинов плавал капитаном еще на старом «Донбассе», который немцы торпедировали и потопили. Но до этого его оставили представителем в США, а на танкер послали капитаном другого. Гогинов в США получил новый танкер «Донбасс», который тоже погиб, но команда спаслась. Мой земляк получил еще один танкер «Донбасс», третий по счету, который прибыл во Владивосток.

Когда я пришла на корабль, у капитана был гость – капитан порта Батуми, мой хороший приятель и сосед Климентий Каранадзе. Он воевал на Черном море, а потом – на Дальнем Востоке. Так я была рада, когда его увидела! Но пойти на танкер «Донбасс» старшим помощником капитана отказалась. Вместе с Гогиновым пошла к начальнику пароходства и попросила отпустить меня в отпуск домой, наша семья очень нуждалась, старший брат погиб на фронте, младший служил в армии. Но меня не захотели и слушать. Я отказалась идти в рейс на «Донбассе», отпуск не получила и осталась на пароходе «Войков», мне объявили выговор за непослушание.

19 декабря 1945 года «Донбасс» взял у нас горючее и ушел в рейс. Я попрощалась со своим земляком. Он сказал, что я очень нехорошо поступила.

Потом мы ходили на «Войкове» в Китай, Корею, возили грузы и продукты.

И вот мы в Желтом море. На мостик поднимаются капитан, радист, старший помощник капитана и поздравляют меня с тем, что я осталась жива. Оказалось, что у берегов США во время сильного шторма затонул «Донбасс». Я потеряла сознание после услышанного.

Когда «Войков» пришел во Владивосток, всему экипажу объявили благодарность, с меня сняли выговор и отпустили в

Ю.Пайлодзе

отпуск. Потом по моему заявлению откомандировали в Одесское пароходство, в распоряжение «Совтанкера». В 1948 году, в феврале, вышел приказ правительства освободить женщин от службы на флоте.

С 14 апреля 1949 года я работаю в Батумском мореходном училище, которое окончила накануне войны.

Я слушал рассказ Юлии Пайлодзе и думал, сколько испытаний выпало на долю этой немолодой библиотечарши, в облике которой тщетно искал черты героические. Вспомнился Копенгаген, город Ханса Кристиана Андерсена, его

сказочной Русалочки, в чью честь ровно семьдесят лет назад Эдвард Эриксен создал знаменитую скульптуру на набережной Лангелинье этого приморского города. А тут в Батуми – четыре отважные и прекрасные девушки не из сказки, наяву оказались сильнее смерти, но поставить им памятник не спешат. А ведь были в их жизни подвиги и не один! И я в который раз уважительно разглядываю боевые награды Юлии Александровны – медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Японией».

НАША ОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Я родился в 1940 году, поэтому о Великой Отечественной войне знаю только по рассказам отца. Горжусь своим отцом – он был скромным, всеми уважаемым человеком. Георгий Кавтарадзе написал книгу «Записки солдата» – это документальная повесть о грузинском военнопленном. Идея книги: не все немцы были фашистами. По этой причине издание «Записок» задержали, буквально набросились на Симона Чиковани, который тогда был главным редактором журнала «Мнатоби» и печатал главы из повести.

Многим кажется невероятным, что я, ребенок, запомнил, как отец уходил на войну. Он держал в руках кожаную портупею, планшет, на нем была пилотка...

Грузинские ветераны не принимают участия в Параде Победы, что совершенно неправильно. Ведь это – общее. Наша общая история, общая судьба, общая трагедия. Джон Кеннеди был горд тем, что воевал против фашизма в подразделениях Военно-Морского флота. Все европейцы гордятся своим участием в борьбе против коричневой чумы. А мы снова выдумываем велосипед, вместо того, чтобы сохранять для молодого поколения славное прошлое их прадедов... Какая крепкая дружба между ветеранами! Они не теряют друг друга, дорожат своим прошлым, переписываются.

Гоги КАВТАРАДЗЕ,
режиссер, народный артист Грузии
председатель Театрального
общества Грузии

В СТЕПИ ПОД РОСТОВОМ

Танки появились внезапно, словно выросли в степи. Они двигались прямо на батарею, спеша сравнять ее с землей. Силы были неравными – около пятидесяти машин со зловещей свастикой на башне против 16 артиллеристов.

Несколько часов вели неравный бой артиллеристы батареи лейтенанта Оганова. Уже догорали бензиновыми кострами шесть немецких машин. Враг заметался, уходя от ураганного огня батарейцев.

Короткая передышка, и снова неприятель предпринимает штурм кургана, за которым находилась огневая позиция горсточки защитников. И эта атака захлебнулась. Скоро степь была усеяна покореженными остовами сожженных машин. Комсомольская батарея была грозой для врага. Командование части доверяло ей оборону самых важных рубежей. Вот и сейчас они должны преградить путь танкам на важном участке, за которым открывался путь к Ростову.

Неся большие потери, враги отходят. Но надолго ли? Командир уверен – скоро вернутся. Он рассматривает в бинокль расстилающуюся перед ними долину и видит – из-за дальнего леса выползают новые танки.

В эти напряженные минуты берет слово комсорг Федор Балеста: «Комсомольцы, ко мне! Комсомольское собрание

Ш. Туманишвили

объявляю открытым. Может быть, мы все погибнем сейчас, но отсюда не уйдем. Враг не пройдет. Дадим клятву...»

Девять танков шли на них.

О чем думал в свой смертный час двадцатилетний командир батареи? Может быть, он вспомнил оставшихся в Тбилиси родных и близких, мирный покой которых, как и миллионов других советских людей, он и его друзья защищали вот здесь, на противотанковом опорном участке, в степи под Ростовом. Или вспомнил февраль 1940 года, когда учеником девятого класса поступил в Тбилисское артиллерийское училище.

Тревожное утро 22 июня 1941 года внесло свои коррективы в жизнь училища. Группа курсантов, досрочно окончив учебу, направляется на передовую. Двадцатилетний Сергей Оганов назначается командиром батареи.

В.Гваришвили

Перед глазами промелькнули события последнего дня. Он вспомнил, как на рассвете 18 ноября 1941 года его вызвали в штаб полка. И здесь он узнал, какие планы гитлеровцы вынашивали с захватом ключевых позиций, защищать которые поручалось артиллеристам.

Три друга стояли возле орудий – командир Сергей Оганов, политрук Сергей Вавилов, комсорг Федор Балеста полны решимости дорого отдать свои жизни.

Началась третья атака. Горстка артиллеристов выдвинула орудия на открытую позицию, чтобы удобнее громить врага. «Скоро подойдет к нам подкрепление, – говорит Оганов своим боевым друзьям. – Будем держаться!»

Когда танки приблизились, грянули орудийные выстрелы. Еще два вражеских танка остановились, как вкопанные. Остальные продолжали продвигаться вперед, неся пламя и смерть.

Прямо на Сергея шли три машины. Вот одна завертелась на месте, подорвавшись на mine. Командир посылал снаряд за снарядом в цель. Он не отошел от раскаленного орудия, пока разорвавшийся у ног вражеский снаряд не оборвал его жизнь.

Командование батареей принял лейтенант Василий Пузырев, уроженец Смоленщины и заместитель командира, который, как и его друг, окончил ТАУ. А когда смертью храбрых пал Пузырев, на его место стал комсорг Балеста. Убиты Шахвалиев и еще несколько бойцов. Возле пушек остался один истекающий кровью Балеста, а потом и его не стало.

Подошла пехота и заняла рубеж, который в неравном бою защищала комсомольская батарея.

16 солдат и офицеров-артиллеристов лежали навзничь,

бездыханные, в ростовской степи, а вокруг догорали 30 немецких танков, которые они ценой своей жизни сожгли. Назовем их поименно, склонив голову перед их светлой памятью: командир батареи лейтенант Сергей Оганов, заместитель командира лейтенант Василий Пузырев, комсорг - старший сержант Федор Балеста, комиссар - младший политрук Сергей Вавилов, командир орудия Стефан Лазарев, правильный Мовсес Гулян, наводчик Фазлы Ахмедов, ездовой Шахвалиев, на-

Н.Каландадзе

водчик сержант Григорий Корсунов, ездовой первого орудия Василий Ткаченко, разведчик батареи Аслан Велиев, наводчик сержант Денис Бахисhev, разведчик батареи Сурен Арутюнов, наводчик Федор Абраменко, заряжающий Исмаил Мамедов...

23 февраля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР Сергею Оганову, Сергею Вавилову и Федору Балеста присвоил звание Героев Советского Союза посмертно.

15 октября 1966 года в три часа дня я был в клубе Тбилисского Краснознаменного артиллерийского училища имени 26 комиссаров, где собрались курсанты, преподаватели, командиры, политработники. На сцене – знамя училища и стенд с документами о подвиге батареи Сергея Оганова. Среди них есть и приказ министра обороны СССР Маршала Советского Союза Родиона Малиновского о зачислении навечно в списки училища бывшего его воспитанника Героя Советского Союза лейтенанта Оганова.

Митинг открывает секретарь парткома училища полковник В. Солошенко. Он рассказывает курсантам о неравной схватке в районе кургана Бербер-оба близ села Большие Салы Ростовской области. Исполняющий обязанности начальника училища подполковник В. Мурадов вручает грамоту Президиума Верховного Совета СССР Героя Советского Союза командиру подразделения, в списки которого навечно занесен отважный воин. Принимая дорожную реликвию, капитан В. Кулик говорит, что передаст грамоту в комнату истории и боевого пути училища, курсанты которого будут преданными Родине, как и расчеты героической батареи.

БУРКА, НОВЫЕ САПОГИ - ФРОНТУ

Детские годы Нодара Думбадзе были омрачены полити-

ческими событиями 1930-х, затем - войной. Родители были арестованы в 1937 (отец был секретарем райкома), и для маленького мальчика началась тяжелая жизнь сына «врагов народа» (родители были реабилитированы лишь в 1956 году). Рос в Западной Грузии, в селе Хидистави, у родственников. Закончив чохатаурскую среднюю школу, поступил на экономический факультет Тбилисского государственного университета, который окончил в 1950 году. С 1957-го полностью переключился на литературную деятельность.

В 1961 году вышла в свет повесть «Я, бабушка, Илико и Илларион». Успех книги был шумный и всеобщий.

Действие ограничено околлицей гурийского села (и лишь ненадолго перенесено в Тбилиси), где в годы Великой Отечественной войны остались одни старики и дети. Живущий с бабушкой осиротевший мальчик Зурикела растет под присмотром стариков-соседей, добровольно взявших на себя радость и ответственность по воспитанию и формированию мальчика. История одной деревушки стала историей целого народа. Грузинское село военных времен мало чем отличалось от других сел, не оккупированных немцами, но сполна несших на себе все тяготы лихолетья – старики и дети, оставшиеся без отцов, скудная пища, невосполнимые потери и твердая вера в светлое будущее. А еще – яркий местный колорит, обостренное чувство чести, тепло человеческих отношений и, конечно, гурийский юмор – характерный, легкий, искрящийся...

Повесть Нодара Думбадзе прочитал в свое время весь Советский Союз. Пьеса, написанная на основе повести самим Н.Думбадзе и режиссером Гигой Лордкипанидзе, обошла едва ли не все театральные подмостки страны, а фильм Тенгиза Абу-

ладзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» имел огромный успех как в СССР, так и за его пределами..

«С удовольствием вспоминаю спектакли «Я, бабушка, Илико и Илларион», которые я поставил и в театре имени Марджанишвили в Тбилиси, и в московском ТЮЗе. Могу похвастаться, что в московской постановке я открыл замечательную актрису Лию Ахеджакову. Она играла роль бабушки, хотя ей тогда было чуть больше двадцати лет. В Тбилиси эту роль исполняла великая грузинская актриса Сесилия Такашвили», - вспоминал народный артист СССР, заслуженный деятель искусств Грузии

Гига ЛОРДКИП-
НИДЗЕ.

Г.Кавтарадзе

- Ольга! - донеслось с балкона.

- Кто там? Входи!
В комнату вошел наш сельский агитатор Ва-
шакидзе.

- Извините, что так поздно, но, понимаете, дело у меня неотложное!

- Привет агитатору!
- Илико налил водку. -
А ну, бери стакан!

- Пожалуйста, к огню! - пригласила ба-
бушка.

- Ну, что скажешь нового, агитатор? Как идут дела на фронте? - спросил Илларион.

- Дела на фронтах Великой Отечественной войны идут неплохо. Наступление противника приостановлено. Гитлеровский план молниеносной войны потерпел крах! - выпалил агитатор.

- Погоди, погоди... Об этом мы читали в газетах месяц тому назад... Ты что-нибудь новое скажи!

- Новое? Дело у меня к вам серьезное. Слушайте!

- Начинай! - скомандовал Илларион. Агитатор встал, кашлянул и начал так, словно выступал на многотысячном митинге:

- Товарищи! Социалистическое Отечество в опасности! Вероломный враг стремится своими кровавыми лапами задуть нашу свободу и независимость! Доблестная Красная Армия наносит фашистским захватчикам сокрушительные

удары!..

- Что ты заладил, чудак, по-газетному! - прервал агитатора вышедший из терпения Илико. - Скажи прямо, в чем дело? Агитатор смутился.

- Ну, говори, говори, что тебе нужно? - подбодрил его Илларион. - Да вот, подарки для красноармейцев собираем... Может, и вы чем-нибудь поможете... - сказал агитатор и облегченно вздохнул.

- Так бы и сказал, сынок, а то начал с Адама и Евы... - улыбнулась бабушка.

- А какие нужны подарки? - спросил Илико.

- Всякие: фрукты, чурчелы, теплая одежда, варежки, носки теплые... Сегодня четверг, в понедельник от имени нашего села на фронт отправится вагон подарков... Если что надумаете, несите сюда, к Ольге. Завтра зайдут наши ребята, заберут.

Агитатор попрощался и ушел. Мы долго сидели молча и думали - что бы такое подарить красноармейцам... Тишину первым нарушил Илико:

- Какие у меня есть сокровища? Одна бурка, и та вон торчит за дверью... Встань, Зурикела, тащи ее сюда! Я удивленно взглянул на Илико.

- Что ты вылупил глаза? Мир провалится, что ли, если такой

С.Оганов

старый хрыч, как я, не будет бурку носить? ! Все равно уже весна скоро! Неси сюда бурку! Я вышел на балкон и тотчас же вернулся с буркой - черной, почти новой буркой Илико, той самой, которой он укрывался, которую берег как зеницу ока и которую не одалживал даже Иллариону.

- Принес? Клади ее в угол... Придут ребята - отдайте, - сказал Илико, не глядя на бурку.

- Позор этому старому дураку - господу богу, что тебя одноглазым сделал! Я-то знал, что у тебя золотое сердце, но, честно говоря, не думал, что в такой высохшей груди лежит целый самородок, - сказал Илларион и почесал за ухом. Потом он беспокойно заерзал на стуле и вдруг сорвался и выскочил из комнаты.

- А я знаю, куда помчался носатый! - ухмыльнулся Илико.

- Куда? - спросила бабушка.

- Домой! Ты что, нрава его не знаешь? Теперь он мне назло перевернет весь дом! Да много ли у него добра, у голодранца! Не прошло и пяти минут, как вернулся Илларион и молча

поставил рядом с буркой Илико свои единственные новые сапоги.

- С ума сошел, несчастный?! - вскочил Илико.

- Вставай, старик. Поздно уже, ты что, ночевать тут собираешься? – сказал Илларион и направился к двери...

«Я. бабушка, Илико и Илларион»

Силы небесные, творец, ниспошли моему народу, моей Родине счастливый Новый год! Избавь их от всякой болезни и напасти! Одари их силой, здоровьем, талантом и бессмертием твоим! Да ослепнет глаз, взирающий на них с завистью! Да оглохнет ухо, жаждущее услышать дурное слово про них! Да отсохнет рука, поднявшаяся на древо жизни моего народа! Одари счастьем колыбель и кормящую грудь народа моего! Да будут полны солнцем и теплом жилища тружеников наших, хлебом – амбары наши, вином – погреба наши, скотом – коровники и хлева наши, добром и любовью – сердца наши! Да не умолкнет в наших дворах гомон детей, внуков, правнуков наших и их детей! Теки неиссякаемой рекой, счастье наше! И да умножатся в моей стране люди умные и сведущие, пастыри добрые республики своей! И пусть каждый труженик, проснувшись утром Нового года, найдет у изголовья чудодейственный талисман, дабы пожелать добра и бессмертия своей Родине!

Прими, земля моя, это мое благословение!

«За бессмертие Родины»

Нодар ДУМБАДЗЕ,
писатель,
лауреат Ленинской премии

«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР

Леван Гудушаури в 1941 году закончил с отличием институт по специальности «инженер-архитектор» и с первых

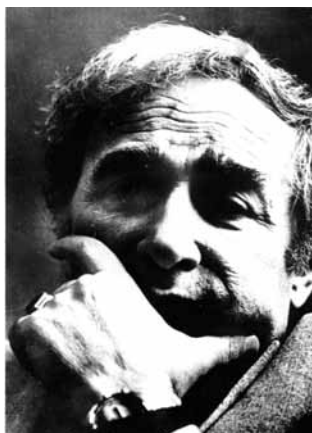
дней войны оказался в действующей армии, в маскировочной роте – на подступах к Москве маскировали окопы и траншеи. Находил минуты для кратких записей в дневнике. Вот одна из них. «С часа ночи до пяти утра продолжали маскировку окопов. В 5.30 – завтрак. Никогда прежде не испытывал такой сладости от сна». «24 августа. Впервые испытал такой мороз за время службы в армии. Всю ночь простоял на посту под проливным дождем. Сменил мокрую одежду и тотчас отправился в палатку спать. Вошел в палатку и что я вижу: и моя постель была мокрой. В конце концов пришлось лечь в мокрой одежде. В два часа ночи из-за невыносимого холода вынужден был встать. Вышел в поле и до утра провел время в беге и быстрой ходьбе». «16 сентября. В семь утра проходили практические занятия по маскировке». Руководитель разбил слушателей на группы и фамилию каждого записал в книжечку. Когда подошла очередь Левана, спросил: «Боксер Гудушаури не родственником вам приходится?» Леван засмеялся и ответил: «Так точно родственник» – «Почему смеетесь?» – «Он самый и есть», – вмешался в разговор Гиви Чачхиани. «Неужели? Вы ведь чемпион. Я видел ваш бой с Беляевым. Молодец!»

Вечером сидели в палатке курсанты-защитники Москвы Шалико Жоржолиани, Бокучава, Шарашенидзе, Ираклий Цицишвили (тот самый, будущий Герой Советского Союза), Гиви Чачхиани... И негромко пели «Цицинатела», «Сулико». Шел мимо комбат Гончаров, замедлил шаг – очень пришлось по душе ему песня грузин. Через пару часов вызывает к себе одного из «артистов». Удивились курсанты и ничего хорошего не ожидали от этого вызова. Строг был майор, одно его имя вызывало трепет. Но делать нечего, пришел Леван к командиру и докладывает: «Курсант Гудушаури по вашему вызову прибыл». И узнал, что ему поручается подготовить грузинский хор к концерту художественной самодеятельности. Приказ в армии не обсуждается – стали выполнять. Собрали после занятий двадцать земляков, тех, у кого был голос и у кого его не было. Нашлись и хорошие танцоры Гугули Мгалоблишвили, Миша Натидзе. Леван составил программу. Из Москвы привезли грузинские национальные костюмы и приступили к репетициям.

Через три дня вечер-концерт. Принимали их горячо, в зале немало грузин из числа курсантов и преподаватели Во-

енно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Еще одно отделение отвели под выступления спортсменов, в том числе боксеров. Руководил боксерами чемпион Саратова Маслов. Объявили две пары, а для Маслова пары не нашли. Как узнали об этом земляки, стали уговаривать Левана выступить. Подошел Маслов и спрашивает: «Ты знаком с боксом?» – «Нет, занимался когда-то, а товарищи решили, что я боксер». Маслов говорит: «Не беда. Если хоть немного умеешь – выходи. Обещаю сильно не бить». После этих слов Леван просто не мог не выступить. Гиви Чачхиани сбежал в палатку за спортивной формой и перевязочными бинтами, помог плотно бинтовать кисти рук. Через несколько минут боксеры были готовы к бою. Судья объявил: «На ринге многократный чемпион Грузии и Закавказья, чемпион СССР 1940 года по второй группе Гудушаури и чемпион Саратова Маслов». Услышал объявление Маслов – смутился, но с ринга не сбежишь. Начался бой. Маслов бегаёт по рингу, на сближение не идет. Потом осмелел – провел несколько серий ударов по перчаткам и получил встречный прямой. Маслов на полу. Поднялся и пропустил новый сильный удар. Снова полужел из-под ног. В это время в зале раздался истошный женский крик: «Не бей его так сильно!» Зрители засмеялись, а судья

Н.Думбадзе

вызвал боксеров на середину ринга и сказал: «Товарищи, вы видите преимущество Гудушаури, его опыт и мастерство, поэтому я останавливаю бой и объявляю его победу ввиду явного преимущества». Ребята бросились поздравлять Левана, со смехом вспоминают слова Маслова: «Обещаю сильно не бить».

Вот так, в прифронтовой полосе Москвы, довелось Левану снова надеть боевые боксерские перчатки, вспомнить этот вид спорта настоящих мужчин, что вошел в его плоть и кровь, определил место в жизни.

Родился он в 1912 году в селе Сно Казбегского района, в семье крестьянина-бедняка. Трудное было время, голодное. Первая мировая война, революция в России, гражданская война...

Уже в тридцатом году посещавший секцию бокса товарищ привел Левана в спортзал на крыше Дома профсоюзом, что размещался в гостинице «Тбилиси». Увидев его, тренер велел немедленно одеть тренировочные перчатки

Г.Лордкипанидзе

Играет вместе с Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджелавя, Гвачи Джорбенадзе, Како Каличава, Арчилом Кикнадзе...

Но выбор сделан – в пользу бокса. Отменные физические данные, упорный труд в зале, шлифовка механики движения, доведенная до автоматизма, поставленный нокаутирующий удар очень скоро выдвигают Левана Гудушаури в ряд самых популярных спортсменов Грузии. Его манера боя больше тяготеет к американскому стилю – атлетическому, атакующему, темповому. Грузинский Джек Дэмпси? К сравнению с абсолютным чемпионом мира 20-х годов, лестному для молодого боксера, все чаще прибегают специалисты.

В первенстве страны 1938 года Леван выступил в новой для него категории «линкоров», в тяжелом весе. Вместе с другом Андро Навасардовым. И первая же встреча – серьезнейшее испытание. Недавний «крейсер» дерется с флагманом отечественного бокса Николаем Королевым. В первом раунде Левану удается провести сильнейший удар. Двукратный абсолютный чемпион страны в «грогги». Первый раунд за Гудушаури. Ему удалось потрясти самого Королева и вызвать овацию зала. Просто сильный уступил более сильному. В итоге он третий призер в тяжелом весе, после Королева и Навасардова.

Второй бой с великим Королевым состоялся в сорок третьем, за звание абсолютного чемпиона страны. Старший лейтенант Гудушаури с самого начала перешел к атакующим действиям. Излишняя вера в собственные силы обернулась его поражением в первом раунде. Королев дарит ему свою фотографию с памятной надписью: «Дважды пострадавшему и очень хорошему человеку и настойчивому спортсмену. 2 сентября 1943 года». Во втором бою Леван одержал важную

и, как говорят боксеры, поработать с товарищем. Так состоялось знакомство с его первым наставником Гургеном Гаспаряном, ставшим другом на всю жизнь. Через два месяца Леван Гудушаури выиграл первенство Тбилиси. Видевший его в матче боксеров Грузия-Армения Георгий Эгнаташвили посоветовал поступить в Закавказский индустриальный институт имени Кирова. Леван – студент строительного факультета по специальности архитектура. И не последняя фигура в вузовской футбольной команде, сильнейшей в Закавказье.

победу над чемпионом страны в полутяжелом весе Виктором Степановым, показав большую силу своих ударов и решительность в атаке, как отмечал в «Красном спорте» заслуженный мастер спорта Константин Градополов, к слову сказать, первый тренер Николая Королева.

Сорок пятый, последний год войны, принес Гудушаури сразу два диплома чемпиона страны. В апреле, когда советские войска вели бои на подступах Берлина, в составе сборной Тбилиси (старший тренер – заслуженный мастер спорта Александр Гольдштейн) он победил в команде, за которую также выступали Борис Каладзе, Габриел Ханукашвили, Георгий Вартанов, Эдуард Аристакесян, Шалва Горгаслидзе, Борис Меладзе, Шалва Двали, Андро Навасардов – созвездье чемпионов, сплав опыта и молодости.

В личном первенстве Гудушаури стал первой перчаткой в полутяжелом весе, победив в финале эстонского чемпиона Салонга.

В 1948 году 36-летний Гудушаури выиграл Спартакиаду республик Закавказья, блеснув неувядаемым мастерством.

В его боевом списке – 137 встреч на ринге и только девять поражений. Заслуженный мастер спорта, судья всесоюзной категории возглавляет городскую и республиканскую федерации бокса, готовит сборную Грузии к ответственным соревнованиям, он директор созданной по его инициативе Гданской спортшколы-интерната.

Вклад Левана Гудушаури в дело воспитания молодого поколения отмечен званием заслуженного педагога.

ЛИЧНО ИЗВЕСТЕН

Сцена из спектакля театра им К.Марджанишвили

Короткое затишье перед съемкой, как перед боем. Расплавленный августовский день за окном номера тбилисской гостиницы «Иверия», тесного для его крупной фигуры атлета, популярного киноактера, народного артиста Армянской ССР и Якутской АССР. «От А до Я», как шутят коллеги-друзья. На столе - толстенная книга на немецком языке, которую отложил после моего прихода. Говорит он неторопливо, просто, мысленно перенесясь на Руставскую дорогу, где через два часа предстоит ему скакать во главе гремящей кавалькады...

– С вашего позволения, Гурген Оганесович, начнем с конца. Продолжаете работу над образом, который давно стал визитной карточкой для вас, сыгравшего 48 ролей в кино и свыше семидесяти – в театре?

– В эти дни мы завершаем съемку фильма о последнем подвиге Камо, выступающего по заданию наркома Дзержинского в новом для себя качестве разведчика. После выхода фильмов «Лично известен» и «Чрезвычайное поручение» на киностудию пришли десятки тысяч зрителей с просьбой продолжить рассказ о человеке, в жизни которого всегда было место подвигу. Его шесть раз арестовывали, четыре раза приговаривали к смертной казни (из них последний приговор был заменен 20-летней каторгой). Трижды он бежал из тюрьмы. Его побег из Метехского замка в Тбилиси, по отвесной скале, Горький назвал фантастическим фокусом. Камо пять раз был тяжело ранен и более двух лет провел в психиатрической клинике в Берлине, где, скрываясь от полиции, гениально выдавал себя за сумасшедшего. Мы уже сняли большинство эпизодов в Москве, Ереване, Баку.

Я родился в Тбилиси, на улице Камо, в год его смерти, в 1922-м, недалеко от дома, в котором он жил. В детстве мы играли в Камо, как в России играют в Чапаева. Видимо, уже тогда этот образ как бы вошел в мою плоть и кровь. И вот я снова в городе, не похожем ни на один другой, где у меня столько друзей на киностудии «Грузия-фильм», да и не только там. В Тбилиси живет моя «мать» – выдающаяся грузинская актриса Верико Анджапаридзе, сыном которой непродолжительное время я был в фильме «Можно ли его простить?» А в снимающемся фильме моими партнерами выступают Гурам Сагарадзе и Бадри Кобахидзе.

– После Камо вы получили приглашения и снялись в рока фильмах. В подавляющем большинстве то были роли людей мужественных, сильных. Видимо, выбор в известной степени был продиктован и тем обстоятельством, что вы человек военный, удостоенный 11 боевых правительственных наград, чувствовали себя в родной стихии, попадая по воле

сценариста в самые невероятные переплеты?

– С детства я мечтал о море. После окончания мореходки участвовал в походе по спасению «Седова» из ледового плена. В первый день войны ушел добровольцем на фронт. На борту легендарного ледокольного парохода «Дежнев» с четырьмя орудиями и несколькими пулеметами 27 августа 1942 года вместе с другими отражал нападение фашистского тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», оснащенном 70 орудиями, на порт Диксон – один из важных опорных пунктов Северного морского пути. Это был неравный бой. Фашисты пытались высадить десант. Мы поставили дымовую завесу, и дальше все шло, как на сцене. Завеса – занавес, наш пароходишко, вошедший в историю ВОВ как сторожевой катер-19, выскакивал, стрелял и снова исчезал в дыму. Неожиданно нас поддержала береговая батарея, чьи 150-миллиметровые орудия, уже подготовленные к отправке и незакрепленные, стояли на причале. Командовал батареей лейтенант Корняков. Два точных попадания в носовую часть и пожар на корме заставили фашистский крейсер выйти из боя. Вначале я стрелял из крупнокалиберного пулемета. Потом увидел, что из орудийного расчета остались только двое. Стал помогать им. Ранило меня в ноги и спину, подносил снаряды уже ползком... Потом врачи удалили около тридцати осколков, а всего – мелких тогда не считали – их во мне было до двухсот.

Л.Гудушаури

Выписался я из госпиталя, признали негодным к строевой службе, инвалидом второй группы. Время было, сами понимаете, горячее. А на фронт не пускают. Все же своего я добился. Был назначен в разведку в отдельный гвардейский мотоциклетный полк прорыва, которым командовал Герой Советского Союза полковник П. Белик. Наш полк, как правило, действовал на переднем крае и даже за ним. Так, в Бухаресте мы были на три дня раньше основных сил. Вот где, в разведке, пригодились мое знание немецкого языка и регулярные занятия спортом. В довоенные годы я мечтал о лаврах Николая Королева, выступал в соревнованиях по боксу в чемпионатах Москвы и профсоюзов.

– Тогда, во время войны, вы, очевидно, были далеки от мысли о театре?

– Времени для него не оставалось. Под Будапештом был тяжело ранен в четвертый раз и уже списан вчистую... Надо было думать, как жить дальше гвардии лейтенанту. Подал заявление на режиссерский факультет ВГИКа и был принят

в мастерскую одного из пионеров советского кинематографа Льва Кулешова. А потом был заснеженный городок Кустанай, на сцене драматического театра которого я сыграл немало ролей - Фердинанда в «Коварстве и любви», кардинала Монтанелли в «Оводе», Паншина в «Дворянском гнезде», Кнурова в «Бесприданнице», сэра Тоби в «Двенадцатой ночи». Еще в Кустанае узнаю, что режиссеры, ныне народные артисты СССР Степан Кеворков и Эразм Карамян, собираются снимать фильм о Камо - профессиональном революционере Симоне Тер-Петросяне, о котором я еще в детстве был слышан от своего отца, коммуниста с 1914 года. Сделал несколько фотографий и послал на «Мосфильм». Жду. Нет ответа. Шел 1956 год. Вскоре я смог вернуться в Москву. Устроился ассистентом режиссера у Александра Довженко на фильм «Поэма о море». Случайно узнаю, что актера на роль Камо еще не нашли. Иду в киностудию, а там удивляются: «Что? Эти ужасные, полубоготворческие фотографии ваши? Немедленно сниматься!» А дальше вы уже знаете. Кстати, не все складывалось гладко. Положение осложнялось тем, что внешне я абсолютно не был похож на Камо. Когда сестра Камо, Джаваир, консультировавшая фильм, увидела пробы, то резко запротестовала против того, чтобы я создавал на экране образ ее брата. Но все обошлось. Именно она после премьеры фильма одной из первых поздравила меня с успехом, и, плача от нахлынувших воспоминаний, говорила: «Вы вылитый Камо!»

– Ваша последняя работа расскажет о деятельности Камо после Октябрьской революции, его женитьбе и трагической гибели. Означает ли это, что тема исчерпана до конца?

– Сейчас я заканчиваю сценарий фильма в четырех частях, возможно, для Центрального телевидения. Он расскажет о боевой группе Камо в глубоком тылу деникинской армии. Мне удалось обнаружить архивные документы и воспоминания бойцов этой интернациональной группы. Их было 17, в том числе четыре девушки. Русский, грузин, армянин, украинец, латыш, мордвин... Все коммунисты, выпускники пулеметных курсов. В тревожное для молодой республики время, когда партия бросила клич: «Все на борьбу с Деникиным!», боевая группа действовала по заданию Ленина. На счету группы хищение секретных документов белогвардейцев, разгром Алексеевского полка, взрыв неприятельского штаба, доставка оружия и боеприпасов рабочим Северного Кавказа. Надеюсь поставить фильм самостоятельно, попробовать свои силы в режиссуре. Но это потом, а пока съемки, съемки... Закончив их, хочу отдохнуть. Просто трудно вспомнить, когда в последний раз воспользовался отпуском.

Прощаясь, мой собеседник берет книгу Виля Орджоникидзе о Камо «Тифлисский рассвет» и подписывает: «Арсену Левоновичу от лично известного. Желаю попутного ветра во

Москва военной поры

всех начинаниях! Народный артист Армении Гурген Тонунц. 25 августа 1973 года».

СВЕТЛОЕ ИМЯ

Он шел к помосту спокойный и сосредоточенный, не глядя в темноту парижского Паласа де Шайо, – не то театра, не то спортивного зала. В те мгновения весь мир для него сузился, оставив наедине со стальным снарядом, с одной единственной мыслью: «Вес должен быть наверху!»

Владимир Светилко помнил слова друга, Георгия Попова: «Ну что, Кириллыч, дадим бой союзничку?»

Попов – заслуженный мастер спорта, некоронованный чемпион мира довоенной поры, из его же, Светилко, поколения, за которым страшная война, голод, холод, тяжелые ранения и даже концлагерь. В Париже Попов выступал в легком весе, и главный их соперник на помосте Стэнли Станчик, американец польского происхождения, из команды тренера и мецената Боба Гоффмана, которая для многих была темной лошадкой, до выхода на сцену. Куда выше расценивались шансы ниспровергателей мировых рекордов египтян и первого из них – Кадара эль-Туни, олимпийского чемпиона в Берлине 1936 года, которого на родине встречали артиллерийским салютом.

Американцы, как и египтяне, прибыли в Париж неделей раньше и вели себя как дома, успели войти в лучшую спортивную форму и не скрывали своих планов выиграть все золото мира. А перелет наших от Москвы до Парижа занял двенадцать часов, потеряны дни из-за волокиты с визами, а потом нервотрепка, часы ожидания и сомнения в отеле: примут ли

их страну в Международную федерацию тяжелой атлетики? В три часа руководители сборной отправились на заседание конгресса. Наконец, в половине седьмого вечера звонок: «Мы приняты, танцуйте, ребята...»

Как выяснилось, решающим оказался голос египтянина Саида Носсеира, чемпиона Олимпиады в Амстердаме 1928 года, который в послевоенном Париже выступал в составе судейского корпуса и, в частности, судил выход Григория Новака.

Нашу дружину кое-кто из официальных лиц на конгрессе обвинил в профессионализме и «красной пропаганде». Таинственную команду из России, как писали французские газеты, состоящую из грузчиков и бурлаков, которые на себе таскают мешки и переносят пианино. И как бы подводя черту под заочным спором штангистов, приходили к заключению: «Советский килограмм равен семистам французским граммам».

Благожелательнее высказался мэр Парижа на приеме, данном в честь открытия чемпионата мира: «Мы ждали! Вы действуете в духе вашей победоносной армии: советский десант высадился, когда его уже почти не ждали».

Через полчаса после завершения работы конгресса все десять «десантников» стояли на огромной сцене дворца Шайо – в красной спортивной форме с гербом Советского Союза на груди. Против них, в самом деле, немало факторов – незнание сил противника, непривычная организация соревнований, новая сигнализация, а главное – позади каждого война, которая выкосила немало чемпионов. Предстояло растопить лед настороженности, и лучше всех сумел это сделать Григорий Новак, которого действительно белоручкой не назовешь. Сын извозчика из села Чернобыль, что неподалеку от Киева (печальную известность он приобрел после страшной аварии на АЭС), Новак работал грабарем – возил многопудовые тачки с песком, щебнем, цементом на стройках Белоруссии, Кавказа, Сибири, накапливая богатырскую силу и готовя себя к схваткам с металлом, которые на берегах Сены принесли ему титул первого советского чемпиона мира. Под стать ему сражались товарищи.

Светилко легко поднял штангу: принимай, Париж, подарок «бурлака». Долго держал тяжелый вес над головой, не замечая, как судья второй раз давал команду опустить. И только когда покоренный им зал заплодировал, позволил себе отдых. Он выжал сто килограммов, а во втором подходе

прибавил еще пять. Большого не смог сделать американец Станчик, которому лучше удались рывок и толчок.

На пьедестале победителей Светилко стоял на второй ступеньке, на третьей – Георгий Попов, для ветерана парижский выход в свет оказался лебединой песней.

Дебют Светилко, ставшего чемпионом Европы, расценили как блестящий.

«На вес золота была серебряная медаль Владимира Светилко», – вспоминал Новак. Из Парижа сам Григорий уезжал в ранге рекордсмена мира в троеборье для атлетов полутяжелого веса, как и его товарищи – тяжеловесы киевлянин Яков Куценко (в толчке) и ереванец Серго Амбарцумян (в рывке левой), доказав, как вынуждены были признать газеты, что «русский килограмм весит ровно тысячу французских граммов».

Бойцов неукротимого духа ковали в динамовском зале на тбилисской улице Бесики.

Владимир Светилко ко второму для себя чемпионату мира подошел в идеальной форме, имея личный рекорд в троеборье 360 кг. Но уже в Париже травмировался, по недосмотру врачей заболел воспалением легких, но на помосте его все же увидели. Он стал на этот раз бронзовым призером. Увлекся единоборством с обладателем большой серебряной медали Лондонской олимпиады-48 Аттия Хамидой из Египта. Оба упустили рывок в чемпионы американца Джорджа Питмэна, который в сумме троеборья набрал 352,5 кг.

В Париже Владимир Кириллович во второй раз стал чемпионом Европы. А также в командном зачете, как и вся наша сборная – Рафаэл Чимишкян, Евгений Лопатин, Владимир Пушкарев, Аркадий Воробьев, Яков Куценко.

Любопытно, что Светилко впервые выиграл первенство Европы, не будучи чемпионом страны. Через два года, в сорок восьмом, ликвидировал этот пробел. Всего же четырежды удостоивался золотой медали чемпиона СССР по штанге. Впервые им стал в далеком тридцать восьмом, соревнуясь в многоборье ГТО. «Ну и диапазон у Светилко, – шутили друзья, – не знаешь, где его искать: то ли в десятке пловцов, то ли в пятерке штангистов». К тому времени Владимир был

Г.Тонунц

разносторонним спортсменом, мастером спорта по плаванию, стрельбе и гимнастике. Его, родившегося в Батуми, плавать и нырять научил отец, матрос Кирилл Светилко, – и учил по-флотски: плавать там, где глубоко. И еще побеждать там, где трудно. Этот отцовский наказ он пронес через всю жизнь. В сороковом впервые выполнил мастерскую норму в тяжелой атлетике, вошел в десятку сильнейших штангистов страны, но война заставила надолго забыть о рекордах в железной игре, этом спорте настоящих мужчин. Добровольцем записался в отряд торпедных катеров. Не единожды участвовал в высадке десантов. Боевой путь лейтенанта Светилко прошел через Керчь, Новороссийск, Одессу, Констанцу, Бургас.

Вот один, на первый взгляд, рядовой фронтовой случай лета сорок третьего.

...Проведя инструктаж, командир с официального, ла-

Камо-Г.Тонунц

коничного языка перешел на «домашний» тон, вспоминая Светилко, а это означало, что задача поставлена важная. Командир: «Справишься? Пойми, задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Торпедные катера должны скрывать крупные силы противника, и от того как скоро вы будете действовать, зависит успех крупной операции... Ну, вперед, сынок!» И он обнял Владимира по-отечески на прощание.

Всю ночь в боксах кипела работа. Водители, хотя им полагалось отдыхать перед рейсом, не отходили от машин. Утром отправленные «под пробку» бензовозы разверну-

лись в походную колонну. Светилко еще раз проинструктировал воинов и только после этого дал команду «по машинам». Головная плавно взяла с места, за ней ушли в путь еще одиннадцать тяжелых бензовозов. Тень от увязавшегося за колонной «мессера» первым заметил водитель головной машины. «Выследил, гад, – проговорил сквозь зубы водитель. – Теперь жди гостей – бомбардировщиков». Пилот самолета-разведчика не отказал себе в удовольствии полоснуть очередь, другой по беззащитным машинам. Пули застучали по дороге, подымающая столбики пыли. На их счастье, дорога дальше шла через горный участок, и немец не имел возможности спикировать над колонной и вести прицельный огонь. Но было очевидно – разведчик сообщил на базу район продвижения колонны,

и самое страшное их ждало впереди – бомбардировщики.

Колонна подошла к цели. Маленькая бухта «фальшивого Геленджика», место их встречи с торпедными катерами. Понтонный мост уходил в море на несколько десятков метров. Задача колонны – подогнать машину к подошедшему катеру и за считанные минуты заправить его топливом. Укрыв бензовозы в лесу, Светилко дал сигнал о начале операции торпедным катерам, рассредоточенным в открытом море вблизи бухты. И вот пошел к пирсу первый катер. Водитель бензовоза бросил шланг на борт катера и начал подавать топливо. Уже были заправлены несколько катеров, когда слышался гул тяжелых бомбардировщиков. Заговорила наша береговая зенитная артиллерия. Свист летящих бомб, грохот взрывов, приглушенных морскими волнами, рев двигателей сливались в кромешный ад, но операция продолжалась. Единственный осколок мог поднять в воздух бензовоз, а с ним и катер с торпедами на борту. Вот и действовали краснофлотцы на волосок от смерти. Очередная машина, объезжая воронки, въехала на понтон. И вновь налетели воздушные разбойники, в очередной раз отсекали их наши зенитчики. Бомбы упали в море и разорвались совсем рядом. Взрывной волной опрокинуло бензовоз. Секундное замешательство, но к машине бросился боец, схватил шланг, из которого хлестало топливо, перекрыл кран и передал конец на катер, сам прыгнул на помощь товарищу, который из последних сил держался на плаву...

Свой первый боевой орден Красной Звезды Владимир Кириллович получил в керченском аду.

Вышел из военного лихолетья с незаживающей раной в душе, после того, как в сорок четвертом во дворе сева­стопольского дома погиб от взрыва мины его пятилетний сын Борька вместе с двумя соседскими ребятами. Эта трагедия во многом определила биографию подполковника пограничных войск, который до 1960 года не снимал военную форму, считая своим долгом защиту границы, охрану ее тишины.

Поженились они с Валентиной Гурской, красавицей гимнасткой из Кутаиси, в 1938-м и жили дружно и счастливо, когда бы не война...

В пятьдесят восьмом тревожный случай заставил поднять заставу в ружье и забыть спортивные подвиги Владимира Светилко. Двенадцать суток продолжался поиск по обнаружению и задержанию двух агентов иностранных разведок. «Зеленые фуражки» двигались по сильно пересеченной местности, днем и ночью, но никто не жаловался на усталость и голод, на изнурительную жару. Начальник заставы Светилко возглавил одну из поисковых групп и первым шагнул к матерому врагу...

В 1960 году подполковник в отставке ушел на пенсию, еще двумя годами раньше закончил выступать на тяжелоатлетическом помосте, но остался в спорте, передавая молодежи свой

огромный опыт и обучая умению побеждать. Сложив с себя полномочия начальника физподготовки и спорта Краснознаменного Закавказского пограничного округа, был директором Республиканской школы совершенствования мастерства тяжелой атлетики и фехтования. С 1980 года Светилко – главный тренер Спорткомитета Грузии по тяжелой атлетике...

Свет жизни этого сильного и красивого человека еще долго будет светить людям.

НАМ ТАНКОВ НЕ ДАВАЛИ

Слушая рассказы ветеранов, я вспоминаю моего друга журналиста Семена Свердлина, любившего повторять, что получил престижное образование. До войны он окончил стекольный техникум в Ленинграде. Это ему не мешало писать лучшие в нашей газете очерки и фельетоны. За внешней строгостью и колкостью мастера скрывалась легкоранимая душа ребенка, благодарно отзываясь на малейшее проявление добра, на наш пароль из симоновской «Корреспондентской застольной»: «Там, где мы бывали, нам танков не давали, репортер погибнет – не беда».

В крутогрудой гостинице «Тбилиси» у знакомого буфетчика можно было взять бутылку – другую «Оджалеши». Неспешно потягивая терпкое вино, Семен вспоминал, как нес пшено матери в блокадный Ленинград, как проскочил по льду Ладоги в кузове попутной машины ЗИС-5, устроившись на снаряжных ящиках. Волоча простреленную, плохо залеченную ногу, шел темными, пустынными улицами вдоль заснеженных трамвайных путей – трамваи не ходили, – стараясь не замечать зыбкие тени, трудно волокущие непослушные салазки, и

торопясь домой, где в ледяной кухне, у стынущей буржуйки, ждала его мать. Редкие прохожие безошибочным взглядом голодного человека угадывали, что он несет съестное в заплечном мешке, предлагали меняться или продать.

Не зря спешил домой солдат, разведав обстановку, мигом слетал в соседний разбомбленный дом, разжился щепками. И пшено оказалось как нельзя кстати в бедном хозяйстве, заалела крепкими боками печка-спасительница, поспело горячее варено, и смерть, близкая как Пулковские высоты, отступила перед долгожданной встречей матери с сыном, поверив, что голыми руками нас не возьмешь.

Герой очаровательной повести Генрика Сенкевича – молодой художник и светский лев, никак не решит, кому из трех юных кандидаток вручит свое сердце. Вечером он оказался на берегу Вислы и видит, как у самой его кромки опрокинулась еврейская лодка с яблоками. Все семейство в сборе. Взрослые и молодые девушки, дети растерянно метались на берегу, не в силах чем-либо помочь. Полноводная река, без раскаяния за содеянное, хладнокровно катила темные воды. Пунцовые в лучах заката яблоки кувыркались на легкой волне, и такое безысходное отчаяние было на лицах потерпевших кораблекрушение, что художник отчетливо увидел картину – Евреи на реках Вавилона. «Там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе». Выставленная в варшавском салоне, картина обеспечила ему известность и успех, особенно у прекрасного пола.

В. Светилко. 1938

Остряки уверяли, что из десяти заповедей он облюбовал одну: не желай себе жены ближнего твоего. Но это будет много позже, а пока, наскоро поговорив с евреями, он начал писать картину прямо на берегу, но скоро остановился, заметив перемену в настроении своих натурщиков: они улыбались сквозь слезы. «Евреи, горюйте!», – крикнул он нетерпеливо. «А отчего нам горевать? – сказал живописный старик с библейской бородой. – Пусть горюют те, у кого нет работы, а пан художник обещал нам хорошо заплатить».

Увлеченные разговором, мы не сразу замечаем, как к нашему столу подошел гигант в просторной светлой дубленке и с интересом хмельного человека разглядывал бутылку с любимым вином Сталина. Он оказался польским кинорежиссером и пребывал в Тбилиси проездом из Армении. В городских

кинотеатрах «Спартак», «Руставели» и «Люксембург» триумфально, как подобает шедевру, шел «Пепел и алмаз» - фильм о трагедии Варшавского восстания. Парень из предместья Мацек Хелмицкий, в темной рубашке и джинсах, в темных очках, со спортивной сумкой за спиной, поступает не по совести – в последний день войны выполняет нелепый приказ и убивает, а в финале картины бьется в предсмертной агонии на городской свалке. Лучшая актерская работа Збигнева Цибульского.

Мы поделились своими впечатлениями с поляком и услышали обескураживающее: «Анджей Вайда псих». Словно пытаясь сгладить резкий отзыв, гигант пояснил: только документальное кино вправе претендовать на истину.

Этот вечер был щедрым на сюрпризы.

Наш поляк совсем сдал. Мы проводили его до гостиничного номера, помогли стащить дубленку с плеч. В ту же минуту нас окружили молодые люди в одинаковых черных костюмах и вежливо, но требовательно посоветовали доверить гостя их заботам. Утром из интервью в нашей газете мы узнали имя вчерашнего незнакомца. Он в самом деле оказался выдающимся польским кинорежиссером-документалистом.

С годами разошлись наши с Семеном Владимировичем стежки-дорожки. Меня сманили в республиканскую газету «Заря Востока», он трудился этажом выше – в Грузинском информационном агентстве. Общались урывками на нейтральной площадке третьего этажа, больше занятые своими служебными делами.

«Мы солдаты», – вспомнилась оценка коллеги нашего каторжного газетного труда. Так оно и было. До генеральских погон мы с моим старшим товарищем не дослужились, хотя в окопах не отсиживались, верой и правдой служа Отечеству. Но начальство далеко и высоко –

ему видней.

А он болел, неделями не ходил на работу. В нашу последнюю встречу меня не узнал, спросил отчужденно-растерянно: «Мы разве знакомы?»

Будучи увезен семьей на историческую родину, тихо угас на руках дочери.

Остались мне от Семена Свердлина две его книги – «И смех и грех» и «Капитан не спускает флаг» с трогательным обращением: «Дорогому другу, близкому и сердечному, в знак глубокого уважения и благодарности за все что было. А счет

будущего откроется надеждами на новые книги – Ваши и мои».
Ушел, оставив надежду – одну на двоих.

МАТЬ СОЛДАТА

И тогда, спустя очень много лет, она помнила письмо сына, оставшегося там, за огненным валом. Арчил писал из Белоруссии, просил о нем не тревожиться, а сына, родившегося в первый день войны, назвать именем друга-однополчанина.

То письмо было последним. И мать знала, почему избегает ее взгляда девушка-почтальон. Знала и все же надеялась, ждала.

Большая беда пришла в дома кахетинского села Тобаани. Скоро в горнило жестокой схватки вступил и второй сын Елены Натрошвили – Михаил. Она не отправилась, как ее земляк – отец солдата Георгий Махарашвили, искать сына на опаленных дорогах войны, не пережила, подобно этому пожилому виноградарю, радость и боль встречи, короткой, как оборвавшийся крик. Линия фронта пролегла и через ее Сигнахский район. И здесь шел поединок с врагом, жестокий и непримиримый. Словно песчинка, затерялось на карте необъятной родины грузинское село Тобаани, но ее сыны и дочери не жалели сил, чтобы приблизить час победы.

С первого дня войны Елена Натрошвили села за руль трактора. Это не было чем-то необычным. Советские женщины и до нее водили тракторы, поднимали в небо тяжелые самолеты, громили врага в воздухе, но вскоре о Елене Натрошвили узнала вся страна. А тогда ее поступок остался почти незамеченным. Сорокалетняя женщина стала трактористкой. Справится ли? Многие сомневались, хватит ли сил у Елены, добровольно взвалившей на свои плечи не женскую ношу. Она сумела.

Родилась Елена в крестьянской семье. С детства познала труд, на всю жизнь сохранила уважение к людям труда. Елена Натрошвили стала одной из первых активисток колхозного строительства в Тобаани. Земляки избрали ее в правление колхоза, депутатом сельского совета и потом много лет подряд оказывали ей это высокое доверие.

Нелегко был труд рано овдовевшей женщины, матери трех детей. Но жизненные невзгоды только закаляют сильные души. Из года в год руководимое Натрошвили звено оставалось лучшим в колхозе, выращивало высокие урожаи. Незадолго до войны она завоевала право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Казалось, ничто не сможет омрачить день родной страны. Вышло иначе. Очень скоро война отняла у хозяйств сильные руки мужчин, места ушедших на фронт заняли женщины. Тогда и окрепло решение Елены Моисеевны стать механизатором.

Когда стальные лемехи плуга поднимали свежие пласты пашни, она ощущала свою слитность с трактором, этой умной машиной, совершающей круг за кругом. Дорожила каждой рабочей минутой, забывая о краюхе хлеба, который уносила обратно домой детям. По две-три нормы выполняла тибанская трактористка. Работой на совесть снискала себе авторитет. Появились у Елены и свои последовательницы. Мать солдата с каждым годом добивалась новых рекордов, внося свой скромный вклад в разгром врага. Чтобы почерпнуть новые силы, вступила в партию. Так и написала в своем заявлении.

И вот настал долгожданный День Победы. Вернулся в село Михаил. Снова, как и прежде, дом Натрошвили наполнился детскими голосами. Разгладились вроде морщинки на лице Елены Натрошвили. И только сильнее была горечь утраты второго сына, невернувшегося.

Двадцать лет проработала она на тракторе. Не каждый мужчина способен на это.

Ее трижды избирали депутатом Верховного Совета Грузии.

Заслуженный механизатор республики, кавалер ордена Ленина находилась на заслуженном отдыхе, когда в марте семьдесят первого мы с фотокорреспондентом Михаилом Квирикашвили посетили ее дом.

Семидесятью весну встретила Елена Натрошвили. Весны были разные, каждая из них, обновляющих землю, оставила свой след в судьбе этой женщины, внешне мало чем отличающейся от сотен других кахетинских колхозниц. Умные, приветливые глаза. Руки матери, умеющие растить детей и печь хлеб. Эти руки держали штурвал стальной машины, когда она шла в золотом море пшеницы «долиспури».

Мать... С этим дорогим именем обращались к ней молодые, да и люди постарше. Как и много лет назад, шли к ней за советом, поверяли самое сокровенное. Елена Моисеевна была в курсе всех дел и свершений родного колхоза, у колыбели которого стояла.

РИО РИТА

Начало войны для меня, тогда ребенка, связано с отцом. Он уезжал на фронт. За плечами – вещмешок. Помню его товарищей, патефон, фокстрот «Рио Рита». Грустное случилось расставание. 22 июня сорок первого я пел и декламировал: «Если завтра война...» А война стояла на пороге. Отец уехал воевать под Новороссийск, а бабушка потом собирала письма-треугольники с фронта от сыновей – моего отца и его младшего брата Михаила, от племянников. Я, пятилетний, жил у дедушки в доме в районе Исани.

Наш дедушка, Семен Георгиевич, был замечательный

человек. Старый артиллерист, участник трех войн – русско-японской 1904–1905 гг., Первой мировой, сражался на Кавказском фронте. Я слушал его рассказы – Порт-Артур, прорыв Брусилова... Потом военные специалисты приглашали его на консультации, прислушивались к его мнению. Мы с дедушкой дружили, отслеживали вместе военные события по большой карте, которая висела у нас на стене, передвигали флажки вслед за продвижением наших войск на запад. Помню общую радость: Одессу освободили!

В 80-х годах я преподавал студентам-первокурсникам в Грузинском театральном институте и вспомнил эту давнюю историю, когда отец с друзьями танцевал «Рио Рита», уходя на фронт. В моей группе была Нана Дарчиашвили, она сейчас артистка Грибоедовского театра. Наш этуод военной поры мы назвали тогда «Рио Рита».

А еще помню 1947 год. Живу у дедушки. Утром стук в дверь, в комнату входит незнакомый мужчина. Разбудил я деда. Он смотрит на гостя, не узнавая племянника Шалву, которого считали погибшим. Незнакомец спрашивает у меня: «Ты Гурам?» И заплакал. Это был мой дядя. Он воевал в Севастополе.

«Ах, война, что ж ты сделала подлая...»

Гурам ЧЕРКЕЗИШВИЛИ,
актер, режиссер, заслуженный
деятель искусств Чечено-Ингушской АССР

ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

Волгу проходили на бреющем полете. За бортом самолета угадывалась близкая вода: поведи рукой и зачерпнешь полной пригоршней. Холодом тянуло от воды снизу, и пилот зябко повел плечами, вспомнив какая глубина под ними. А тут еще «Мессершмитт» увязался с Астрахани. Пилот покосился на пулемет, на безмятежные лица ничего не подозревавших пассажиров и сказал, как отрезал: «Маслопомпа дала течь. Будем садиться в степи».

Потом они стояли на твердой земле, с наслаждением слушая тишину. Четверо в бескрайней степи, по которой скользнула тень одураченного «Мессера». Скоро тяжелый транспортный самолет поднялся в воздух и взял курс на Москву. На антифашистский митинг советских спортсменов спешили лучшие из лучших Александр Джорджадзе, Вагар-

шак Мачкалян, Андро Навасардов, Борис Пайчадзе...

Вечером он остался в гостиничном номере. Наедине со своими мыслями. Отогнув край шторы, смотрел на затемненную столицу, на исполосованное бледными руками прожекторов небо. Завтра бой с Королевым. Не за чемпионский титул – показательный. Две тренировки – это очень мало. Но бой должен убедить, что жизнь продолжается. И спортивная тоже. Крепки наши люди, как гвозди. И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, Москва. Всем гостям митинга нашлось занятие по душе. Джорджадзе поспорит с гимнастами, Мачкалян – с абсолютным чемпионом страны в классической борьбе Иоханнесом Коткасом. Пайчадзе встретится с друзьями у кромки футбольного поля, на этот раз без мяча.

Футбол и борьба – любимые народом виды спорта. Недаром их любят вожди, знают и привечают чемпионов капризной любовью, ждут, когда они оступятся. Навасардову это известно лучше других.

За невской водой

В 1940-м приехал он в Москву оспаривать абсолютное первенство страны. Начал с победы, потом – вторая. Повержены Александровский и Линнамяги. В финале его ждал пятикратный чемпион в полусреднем и среднем весах москвич Иван Ганыкин. К вечеру заполнился многолюдный овал цирка. Ждали выхода своих любимцев на залитый светом квадрат ринга. А его вторые сутки температурило от ангины. К вечеру – под сорок градусов. Андро вышел из гостиницы «Националь», попробовал прогуляться, не помогло, да и настроение не

боевое. Звание чемпиона в том году осталось не разыгранным.

Ближе к полуночи телефонный звонок из НКВД. К десяти утра ждут Навасардова в доме на Лубянке. Это тебе не свидание под колоннами Большого театра. Попробуй послушаться. Пришел в урочный час. Не спеша поднимается из-за письменного стола всесильный начальник автотранспорта наркомата Семен Мильштейн, знакомый по Тбилиси. Начинает разговор издалека: «Ты, видно, живешь в плохих условиях». Говорит предположительно, зная наверняка. «Потому и болеешь. Пиши заявление о переводе в Москву и на дотацию. Лаврентий Павлович Берия мне сказал, что ты должен стать

Ликующий Ленинград после снятия блокады

абсолютным чемпионом». Говорит доверительно, как другу. А у друга от услышанного озноб усилился. Как тут не вспомнишь реплику Лизы из грибоедовской комедии: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Сам не зная почему, не дал себя уговорить Семену Рафаэловичу. «Постарайся», – сказал коротко и аккуратно прикрыл за собой тяжелую дверь, понимая, только что он отправил в нокаут всесильного наркомвнудела, никому обиды не прощающего.

Андро поздно, в двадцать лет пришел в свой супермужской вид спорта. До этого три года занимался борьбой, пробуя в ней свою недюжинную силу, унаследованную от деда, Егора Навасардова, известного кулачного бойца в Сигнахи. Вошел даже в сборную команду Грузии, прежде чем убедился, что природой предназначен для бокса. Его вечный соперник Николай Королев в восемнадцать лет стал чемпионом страны, через год – абсолютным. Андро стал тенью москвича на ринге. Их многолетнее соперничество подариле поединки с захватывающим сюжетом. Особенно запомнился финал чемпионата страны 1946 года. Стадион «Динамо» в Петровском парке. Прямо против ринга – правительственная ложа. Андро два раунда атаковал абсолютного чемпиона страны. «Лаврентий, – спрашивает удивленный Сталин, – кто такой Навасардов?» Берия ответил: «Это наш тбилисский армянин с Авлабара». Этот разговор слышал находившийся в ложе генерал-полковник авиации Василий Сталин и рассказал старшему тренеру футбольной команды ВВС Гайозу Джеджелаву, а он через двадцать лет – Андро.

В тот день на северной трибуне стадиона находился малоизвестный студент из Каунаса Альгирдас Шоцикас, будущий чемпион и гроза чемпионов. В квадрате ринга он скоро убедился: бокс учит мужчину по паспорту стать мужчиной по

факту. Для Шоцикаса Навасардов был не просто противником, а человеком, которым он с той минуты не переставал восхищаться, которому хотел подражать и с которым в глубине души мечтал когда-нибудь встретиться.

Такая возможность представилась через год на чемпионате страны в Риге. И оба поединка боксерам первой тройки – Навасардову и Королеву – он проиграл, получив жестокий урок и убедившись в необходимости учиться в первую очередь у своих учителей.

В бою с Королевым шесть раз брезентовый пол вздыбился под ногами Шоцикаса и вставал поперек после страшных встречных ударов москвича. Бокс – это искусство. Бой должен быть продуман, прежде всего продуман. Не драка, а тактически умный бой на ринге, столь любимый Навасардовым. Это желание подчинить своей воле волю противника. Самое важное в боксе – голова. Не кулаки с пивную кружку, не грубая физическая сила, а голова. Нужно найти слабые места, отыскать трещину в цельнометаллической тренировке противника и потом уже весь бой, по точному слову слесаря Королева, студента тренерского факультета ордена Ленина Института физической культуры имени Сталина, эту трещину расклепывать и расширять.

Вот в чем заключался секрет мастерства учителей, за чьим поединком Шоцикас следил с трибуны динамовского стадиона.

Десять поединков провел Андро с Королевым. И все прошли в упорной борьбе. Три из них выиграл тяжеловес из Грузии. Смело неся свой подбородок, широкий, как сцена Большого театра, шутил его друг Георгий Вартанов, трехкратный чемпион страны конца 30-х годов. И противостоял ему великий боксер, одаренный всеми качествами чемпиона мира. Самая большая победа над Королевым добыта Андро в первенстве страны 1944 года, когда, непрерывно наступая, действуя уверенно, технически разнообразно, он взял верх над своим извечным соперником. Все решилось в матче четверки сильнейших. Королев победил эстонца Мартина Линнамяги и Николая Юрченко. На ринге последняя пара Навасардов-Юрченко. В случае успеха москвича чемпионом оказывался Королев. Андро выиграл этот бой и завоевал золотую медаль чемпиона в наипрестижной тяжелой весовой категории.

В 1951 году он в шестнадцатый раз подряд (с 1936-го!) удостоивается звания чемпиона Грузии. Ветерана бокса увидели среди участников очередного первенства страны в городе Сталино. Королев вспоминал, как крепко пожал руку своему товарищу и давнему сопернику. Подумал о том, что вот сейчас, когда раздастся гонг, они начнут бой. Вероятно, он будет суровым. Но то, что бой будет абсолютно товарищеским, что даже в самый напряженный момент встречи, взглянув в глаза Андро, он не увидит там и тени злобы, неприязни – в этом не было никакого сомнения. По отзывам специалистов, все в этой встрече восхищало: разнообразие атак, быстрые серии ударов,

рациональная защита, продуманные тактические замыслы.

Это последние бои выдающегося боксера. Боевой список закрыт. Сто двадцать восемь боев на ринге, два десятка поражений, в остальных – победы. Заслуженный мастер спорта, многократный чемпион Закавказья и ЦС «Динамо», в чемпионатах страны дважды побеждал, шесть раз занимал второе место, три раза – третье. Трижды выходил в финалы абсолютного первенства. Почетному судье всесоюзной категории доверяли судейство самых важных боев боксеров-тяжеловесов. В 1952 году он ушел на тренерскую работу и оставался на ней сорок лет!

Когда я спросил 83-летнего патриарха отечественного бокса, смог бы он выступить против абсолютного чемпиона мира Джо Луиса, он ответил: «Выступил бы, не моргнув глазом, против этого настоящего короля ринга, но победа, думаю, досталась бы Джо Луису. В те годы техника американских боксеров была очень высокой».

В этом ответе весь Андро Георгиевич, бесстрашный и скромный. С портретом «коричневого бомбардира» он не расставался до последних дней. Многие их все-таки роднило – и удивительные природные данные, и легендарная слава.

Е.Натрошвили

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

Нас, братьев, в крестьянской семье, было шестеро. Перед войной мы получили письмо старшего брата, который проходил срочную службу в армии и должен был уволиться. Трифон писал, что спешит приехать домой, в Сачхерский район, увидеться, пока меня не призвали в армию. Но мы с братом так и не встретились – Трифон погиб в самом начале войны, а потом и другой брат – Василий.

С началом войны мы всем классом пошли в военкомат записываться добровольцами, но нам посоветовали немного подрасти и дожидаться повестки. Забегая вперед, скажу, что из двенадцати моих школьных товарищей с войны вернулись только четверо.

Осенью нашу группу призывников из Грузии послали на фронт на Московское направление. Позже наше подраз-

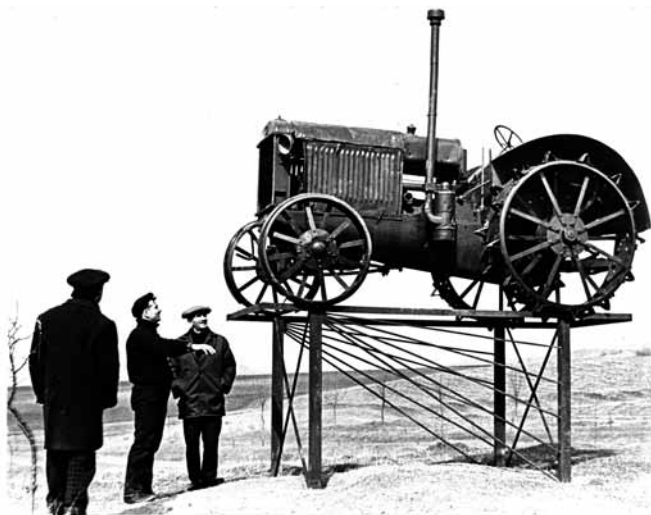

А.Мыльников. Прощание. 1941 год

деление влилось в 21-ю гвардейскую дивизию, которая вела бои под Наро-Фоминском и на Волоколамском направлении.

Довелось мне воевать и на Северо-Кавказском фронте. Прошли с боями от Беслана до Ростова, освобождали Нальчик, Минеральные Воды, Георгиевск, Новороссийск. На Кавказе вместе со мной воевали 14 москвичей, с которыми я подружился еще под Волоколамском. Они погибли в один день, похоронены вместе в Кабардино-Балкарии. Много ужаса мы навидались. Под Нальчиком, казалось, не выдержим ожесточенного натиска врага. Наши силы удваивала ненависть к фашистам. Особенно ожесточились, когда переправились через Майкопский перевал, увидели немецкие машины-душегубки, в которых эти изверги умертвляли людей выхлопными газами. После освобождения Карачаевской области на берегу реки наши бойцы обнаружили заживо захороненных детей – пациентов санатория для туберкулезных. Можно ли было такое простить?! Жажда мести вела нас в бой, страшный и непримиримый. При освобождении Нальчика, когда нашу часть в спешном порядке перебазировали из Беслана, из 2900 бойцов бригады в живых осталось 14 человек. Потом узнали: не удержи мы тогда плацдарм под Нальчиком – в окружение попали бы несколько наших дивизий.

В сентябре 1943 года меня ранило в четвертый раз. После госпитала в Махачкале для меня, заместителя командира дивизиона по политической части, кавалера ордена Отечественной войны I степени, война закончилась – из-за ранения мне была присвоена вторая группа инвалидности.

Памятник трактору в Сигнахском районе

Сегодня я занят в ветеранском движении – заместитель председателя Тбилисского городского совета ветеранов войны и вооруженных сил.

Давид ЯКОБАШВИЛИ,
ветеран войны

ЧУДО-ХИРУРГ

Она шла по коридору, здороваясь с бойцами. Вчера, во время утреннего обхода, обратила внимание на подавленное настроение раненого из 22-й палаты. Рослый, широкоплечий лейтенант лежал с осколочным ранением локтевого сустава и сейчас скептически разглядывал перевязанную правую руку. Дело шло на поправку, но что тогда огорчало бойца?

– А что, Юлия Николаевна, если это ранение навсегда закроет для меня двери спортивных залов? До войны я был гимнастом.

Он был гимнастом! Если б он знал, что у военного хирурга, склонившегося перед ним, над госпитальной койкой, с этим спортом связаны незабываемые события.

Москва 1933 года. Среди участников всесоюзного первен-

ства и она, Юлия Николаевна Парешашвили – миловидная стройная девушка. Она подходит к снаряду и выполняет сложнейшее упражнение на перекладине. Сильнейшая гимнастка Грузии и Закавказья. Звание чемпионки Закавказья Юлия сохранила до 1940 года. Очень скоро сказались результаты усиленных тренировок, студентка третьего курса Тбилисского медицинского института одной из первых в стране гимнасток удостоивается звания мастера спорта СССР.

В 1935 году Парешашвили работает врачом-ординатором

Г.Черкезишвили

в клинике госпитальной хирургии академика Г.М.Мухадзе. Григорий Михайлович, замечательный хирург и опытный педагог, обратил внимание на незаурядные способности молодого врача, на склонность Юлии к научной работе и ходатайствовал о ее принятии в клинику. Потом – аспирантура, работа над диссертационной темой.

Диссертация была почти завершена, когда война прервала ее мирную работу.

С первого дня Юлия была мобилизована в качестве военврача.

Она избрала трудный профиль работы – лечение огнестрельных переломов бедра и крупных суставов.

С большим мастерством проводила кожно-пластические операции.

Во втором хирургическом отделении, которым руководила Юлия Парешашвили, помещались самые тяжелые больные. Кто точно определит, сколько человеческих жизней спасла в военные годы эта с виду хрупкая женщина, вернула в строй, возвратила улыбку на лица, обожженные войной...

Она прошла по коридору, вспомнив, что так и не удалось отлучиться домой, к сыну, который в сорок первом только начал говорить. И как мучительно хочется отдохнуть!..

Республиканская газета «Заря Востока» 8 марта 1945 года писала: «Где только не лечили красноармейца Никиту Белобородко. Сломанная голенная кость срослась, но огромная изъязвленная рана не поддавалась лечению. Никиту доставили в один из тбилисских госпиталей, где парня осмотрела заведующая хирургическим отделением Юлия Николаевна Парешашвили. По ее мнению, обычным хирургическим вмешательством тут было не обойтись. Врач решила сделать пластическую операцию: на ране в 35 сантиметров длиной и 5 сантиметров шириной насадить кожу. Через пару недель рана полностью заросла и дело пошло на поправку.

Благодаря высокому профессионализму хирурга, сотни бойцов и офицеров вернулись в строй. Только в 1944 году

Юлия Николаевна сделала около четырехсот сложных операций.

Ей много пишут с фронта, благодарят за заботу. К примеру, боец Шкилев пишет: «Я подолгу рассказываю родным о своей фронтовой жизни, о госпитале и о вас. Спасибо, большое спасибо воина, которому вы вернули здоровье».

Спустя многие годы после окончания войны Юлия Николаевна Парешашвили продолжала получать письма от тех, кому спасла руку, ногу, вернула трудоспособность. Отвечала на сотни корреспонденций, давала советы, интересовалась личной жизнью своих далеких друзей, которых свела с ней война.

Сама Юлия после расформирования госпиталя работала старшим научным сотрудником отделения экспериментальной хирургии тбилисского НИИ травматологии и ортопедии. Вернулась к диссертации, о которой не забывала в годы войны.

В 1950 году Ю. Парешашвили была присвоена ученая степень кандидата медицинских наук. Кожной пластике различного происхождения посвящалась и докторская диссертация бывшего военврача, удостоенной высшей награды - вернуть людям право на радость.

ГВОЗДИ Б ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

Олимпийский чемпион стоял на высшей ступеньке пьедестала почета в высокогорном Мехико и вспоминал свой первый приход в борцовский зал. Вместе с другом он, новичок, находился на балконе и смотрел вниз – на тренировку грузинской сборной. Их горящие восторгом глаза заметил седой человек в тренировочном костюме, засмеялся. Седоволосый командовал: «Спускайтесь в зал!» Так состоялась их первая встреча. Через два года, по окончании чемпионата Грузии, этот человек Нерсес Акопов сказал: «Отрежьте мне голову, если Роман Руруа лет через пять-шесть не станет чемпионом мира». Разве мог он допустить, чтобы его дорогой тренер лишился головы? Срок истекал, и в 1966-м в американском городе Толидо он им стал, а потом еще выиграл три «мира» в Бухаресте, Мар-дель-Плата и Эдмонтоне, его избрали капитаном советской сборной, единогласно и надолго.

Это было признание заслуг великого борца и его велико-

А.Навасардов

го тренера, который семнадцатилетним пареньком пешком пришел в Тбилиси, начал работать грузчиком. Судьба не раз гнула его, испытывала на прочность, а он все выдержал и победил. Родился в 1903 году в большой семье сельского кузнеца Григория. Двенадцать сыновей и четыре дочки. Накормить столько ртов дело нешуточное. Отец трудился от первых лучей солнца до глубокой ночи – с тяжелым молотом управлялся играючи, как часовщик с миниатюрным молоточком. Когда время не ждало, а срочная работа на селе не убавлялась, бил по наковальне одновременно двумя молотами, удивляя односельчан богатырской силой. А надо сказать, дивились они не однажды. Любил кузнец в редкие минуты отдыха помериться силой в армянской борьбе кох. Борьбе, которая потом подарила спорту олимпийских чемпионов и чемпионов мира. А тогда самые сильные люди планеты официальных игр не проводили. Но силачи попадались не в пример нынешним по силе и сноровке. С отцом решался бороться разве что его младший брат Аракел – он даже был сильнее, и бороться не очень любил, боялся случайно покалечить. «Отец и дядя были нашими первыми тренерами, – вспоминал наставник олимпийского чемпиона, одиннадцатый сын кузнеца Нерсес. – Акоповы могли выставить свою сборную команду. За поражение отца нашему дяде пришлось мне отыгрываться, в схватке с двоюродным братом Саркисом. Силен был от природы, весь в отца Аракела. В своих сапогах дошагал до самого Берлина, вернулся в орденах, израненный, от военных ран умер уже в мирное время».

Надо сказать, сам Нерсес Григорьевич не бежал от войны. К началу ее он, уже известный в спорте человек, работал тренером по борьбе в районном имени 26 комиссаров комитете физкультуры и спорта. Бронь имел – освобождение от призыва. И работа была сугубо военная, обучал бойцов искусству рукопашного боя. А все же не вынесла душа, не к лицу было сыну молотобойца отсиживаться дома.

Пришел к начальству проситься на фронт. Начальник пришел в ярость, кричит: «А здесь для тебя не фронт? Кто молодых солдат учить будет?» – «Как это учить, – отвечал Нерсес, – немец Минск взял, воевать надо!» Так и покричали друг на друга, обиделись, а ни о чем не договорились.

Решил тогда Акопов действовать с другого конца. Пришел в военкомат, к человеку со шпалой в петлице, изложил свою великую просьбу. Командир спрашивает: «Бронь есть?» – «Откуда я ее тебе возьму, – отвечает доброволец, – что я начальник какой?» Смотрит, вроде сошла ему с рук хитрость. Вышел из военкомата Нерсес, бумажку с бронью к тому времени он порвал и прямехонько махнул на фронт. На работе сбились с ног, его разыскивая, выговор за прогулы объявили в приказе, а он далеко – комиссар стрелкового батальона 256 полка Первой гвардейской армии воюет с фашистами, с боями освобождает

А.Шоцикас и Н.Королев

Украину, Польшу, Чехословакию. Дошел до Праги. И на японском фронте успел повоевать, в Манчжурии. Домой вернулся в сорок шестом, нагруженный боевыми наградами – двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, 15 медалями. Был тяжело ранен, но сумел обмануть смерть.

Тбилиси – какой город? Все друг друга знают. Встретил Нерсес Григорьевич на улице своего бывшего начальника. Начальник говорит: «Тебя, Нерсес, фашисты не убили, потому что я тебя крепко ругал. Когда человека ругают, ему везет». Начальник, получается, правильно его ругал. Нашел, кстати, тот знаменитый приказ с выговором, подарил на память. «С тебя причитается...», – сказал не держа обиды на «провинившегося».

Акопов вернулся в большой спорт, к которому прикипел всей душой еще в двадцатые годы, стал десятикратным чемпионом Грузии по борьбе, абсолютным чемпионом Закавказья. Посещал занятия в любительской секции по французской борьбе, которую создал Георгий Чикваидзе. А секцией гимнастики в том же подвале школы руководил Георгий Эгнаташвили. «Какие ребята занимались в нашей секции, – вспоминал уже седоголовый Нерсес Григорьевич, – братья Петр и Василий Денисовы, Григорий Пыльнов, Ерванд Мартиросян, Леонид Дзеконский, Михаил Тиканадзе, Давид Джапаридзе... Многократные чемпионы Грузии, Закавказья, победители всесоюзных чемпионатов.

Свыше 60-ти лет Акопов отдал тренерской работе, руководил секцией классической и вольной борьбы в Доме офицеров ЗакВО, в ДСО «Спартак», в системе ТОНО десятки лет был занят подготовкой олимпийского резерва, подготовил около пятидесяти мастеров спорта. У него занимались бронзовые призер Мельбурнской олимпиады 1956 года Роман Дзнецладзе, чемпион мира по самбо Гурам Черткоев, чемпион СССР 1957

года по вольной борьбе Заур Мchedlishvili, двухкратный чемпион СССР Тамаз Мачавариани. Он приложил руку к росту мастерства таких виртуозов ковра, как серебряный призер Олимпиады-52 в полутяжелом весе Шалва Чихладзе, Георгий Термолаев, чемпион СССР 1946 года по вольной борьбе, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Арташес Назарян. Потом они сами стали выдающимися тренерами, воспитали чемпионов.

Почетных званий и регалий у Нерсеса Григорьевича вагон с тележкой: заслуженный тренер Грузии и СССР по классической борьбе, заслуженный работник народного образования Грузии, ветеран спорта, судья республиканской и всесоюзной категории, почетный судья всесоюзной категории, ветеран войны и труда, персональный пенсионер...

Ходил в своем неизменном ратиновом пальто с меховым воротником, уже непонятного цвета. Роман Руруа не раз пытался справиться ему обнору, на что пожилой Нерсес отвечал: «Пальто почти новое, сейчас такой ратин не делают, так не шьют! До смерти буду его носить!»

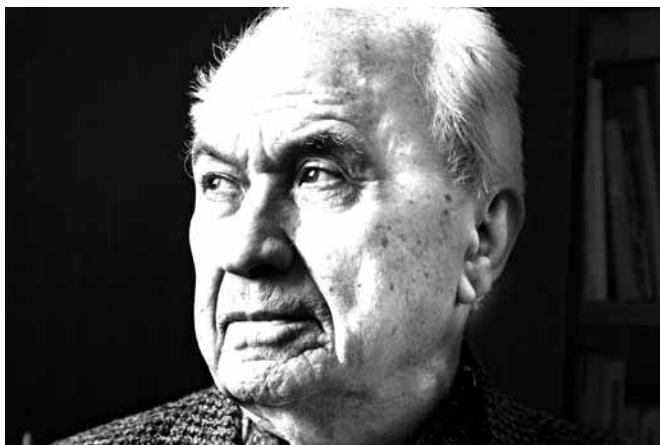
Поздравить Нерсеса с 80-летием пришли в Парк Победы 400 человек – вся борцовская элита.

84-летнего Акопова спросили: «Не трудно ли работать?» Он ответил: «А как же без работы?» И в средней школе, где работал педагогом физкультуры, создал секцию борьбы – уговорил директора, от желающих заниматься отбоя не было. Сам считал: «В Грузии талантливые борцы никогда не иссякнут, борьба у грузина в крови, он рождается борцом. Просто их надо искать и находить».

Вершиной достижений заслуженного тренера СССР Нерсеса Акопова все же остается пример Романа Руруа, которого тренер называл самым любимым борцовским сыном. Их трогательная дружба началась в 50-х, когда из села Мухурча приехал паренек, крепкий как молодой дубок. Отработав на заводе смену, шел на занятия в вечернюю школу, тренировался семь дней в неделю, по две тренировки в день. У них с самого начала установились, как вспоминал Акопов, настоящие отношения. И не только на ковре. Бывало придет Роман на тренировку, Нерсес Григорьевич спрашивает: «Обедал сегодня?» – «Обедал», – отвечает Роман. – «Врешь, небось» – «Вру», – соглашается ученик. – «Прекрасно, – говорит тренер, – сегодня кутим у меня дома». Кутежом Нерсес Григорьевич называл скромный обед из трех блюд, которого его будущий знаменитый чемпион был лишен в пору своей свирепой бедности. И Роман не имел секретов от любимого наставника, закаляя тело и душу, уже тогда поставив перед собой самые великие цели.

Когда я вспоминаю эту удивительную пару – патриарха-наставника и его любимого ученика, на память приходит стих известного поэта: «Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей». На что не менее известный писатель мудроотреагировал: «Люди не материал истории, а творцы ее».

Умер знаменитый тренер в 1990 году. Ехал после трени-

ровки в борцовском зале, в трамвае задремал и не проснулся. Такая вот легкая смерть. Древние греки считали, что легкой смертью боги награждают своих любимцев.

МЫ СОРОК ТРЕТЬЕЙ ВСЕ КОГОРТЫ

«Сумароков на война, Одишария больна, на телефоне Сара».

Как часто вспоминалась из школьного фольклора сорок третьей эта фраза уборщицы в гулкой немоте учительской. Сумарокова в школе мы не застали, он, будучи отозван с фронта, начальствовал в Тбилисской спецшколе ВВС, удостоился звания майора, но уровень учебного процесса, поднятого им на небывалую высоту, долго оставался образцовым.

В круговерти годов и событий стерлись в памяти подробности, и не легко ответить на вопросы шутливой викторины выпускников знаменитой тбилисской школы: вспомнить имя и внешность старика, сололакского жителя, - он имел собственное знамя и за умеренную плату шел с ним во главе похоронной процессии, - и как звали, к примеру, чистильщика обуви на улице Кирова.

Одно из самых ярких впечатлений – подготовка к парадам и демонстрациям народного ликования. Гордость школы духовой оркестр, обязанный своим рождением маэстро Николаю Чичинадзе, могучим легким двух дюжин ребят, положенным в общий котел нашим кровным десяткам, становится впереди школьной колонны, которая строевым маршем стекает вниз

по улице. Охрипший от команд, физрук Шота Павлович забегает вперед, припадая на правую ногу. Гремит медь оркестра, мельтешат голые коленки, сотни ног печатают на асфальте четкий шаг. Нежный, как девушка, запевала из нашего класса заводит песню: «Летят перелетные птицы».

Д.Якобашвили

Теперь мимо моего дома топаем вдоль по набережной, чтобы надолго застрять в районе Госцирка, всецело завися от сценария распорядителей праздника. Если повезет – школа, гремя агапкинским маршем «Прощание славянки», идет мимо правительственной трибуны – угрюмо-равнодушных лиц с нахлобученными на уши шляпами, но чаще музыкантов забирали в сводный оркестр, сводя дело к обычной уравниловке. Последние сотни метров

проходим по Пушкинской улице. На Колхозной площади ненужные знамена летят в раскрытые чрева грузовиков.

Жизнь оказалась много сложнее нескольких стаканчиков, пропущенных в винном погребе на Майдане, где у дяди Сандро всегда имелось неразбавленное саперави. Крайне редко шел я на традиционные встречи, на апрельские торжества, к чему нас обязывает школьный устав. Но всегда волнуясь, оказавшись волею судеб возле трехэтажного здания с высокими окнами, со следами на фронте былой надписи: «Манташевская торговая школа», вспоминая, какими мы уже не будем.

Наша первая учительница Елена Георгиевна, урожденная княжна Туманова, приобщила к книге не одно поколение лауреатов и генералов, профессоров, агрономов, авиаконструк-

торов, писателей, журналистов, юристов, врачей, музыкантов, художников... Это Елена Георгиевна изготовила фотостенд о своих учениках: с черной обугленной доски, с опаленных огнем листков бумаги смотрят мальчики, кто навечно остались семнадцати-восемнадцати лет, сторев в самолетах и танках в первые дни войны, и среди них неожиданно – лицо нашего первого завуча Нины Антоновны Добрыни фотографией ее сына.

В 1941 году ученики 11-го класса добровольцами ушли на фронт. Один из них, летчик Георгий Самарчян, сражался в Белоруссии, сбил девять вражеских самолетов. Весной 1944 года в бою над деревней Боровики его самолет загорелся. Летчик до последнего пытался спасти машину, но до земли не дотянул...

Отважному герою в тот день исполнилось 22 года.

«Дорогие родители Георгия! Гоги был честный и добрый товарищ. Мы потеряли настоящего друга. Мы отомстим за то горе, которое принесли фашисты нашему народу», - писали боевые друзья Георгия.

«Сумароков на война, Одишария больна, на телефоне

После выздоровления

Сара».

Для кого-то это смешная история из школьного фольклора, несвязный разговор бедной уборщицы, вынужденной отвечать на телефонные звонки в опустелой учительской далекой военной поры, а я вижу ее как живую.

В войну мы приносили из дома по квадраттику детской хлебной карточки, за него в школьном буфете выдавали маленькую булочку землистого цвета. В тот день случилось ужасное: я потерял хлебный квадратик, право на дневной

паяк, и тогда Сара, чей единственный сын так и не вернулся с войны, наша малограмотная Сара, над кем до сих пор незлобно подшучивают, дала мне булочку, свой пайковый хлеб, собственно говоря, незнакомому мальчику, так просто решив для себя государственную задачу: все лучшее детям.

СТАРШИНА С АДМИРАЛЬСКОЙ ФАМИЛИЕЙ

Война началась для него неожиданно – с обстрела улицы, на которой жил Ваня Ушаков, только закрывший первый курс трамвайно-троллейбусного техникума. С первых дней войны он пошел работать по специальности в трамвайный парк, на нужды фронта. Вытачивал на токарном станке снарядные крышки, не сторонился слесарного дела, не лишние его руки и в кузнечном

Г.Шегаль. Медсестра.

цехе, и получаемая 125-граммовая хлебная карточка была очень кстати в семье, которая, как и все ленинградцы, стала испытывать первый натиск голода.

Потом их, ленинградских детей, везли по Дороге жизни, по тонкому льду Ладоги в кузовах тяжелых ЗИСов, подальше от города, вокруг которого все теснее стягивалось кольцо блокады, а потом – в двух эшелонах, уходя от войны, бежавшей за ними по шпалам. И эти две недели на колесах мало отличались от фронтовых будней, холодных, вечно голодных, когда верхом желания была

хлебная корочка.

Как у героев повести «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина – Кольки и Сашки Кузьминых, увозимых в сиротских вагонах в волшебную страну Кавказ, где, верилось им, не рвались бомбы. А поезд увозил их все дальше к берегам Волги, делая короткие остановки, на которых детей кормили, следя, чтоб не передали, что было смерти подобно.

Кузьменьшам было легче – их двое. А Ушаковых у матери, Лукерьи Никифоровны, кроме старшего Вани, еще сын Виктор двенадцати лет и дочь Оля – десяти. И еще тревога за их отца. Семен Константинович, работник железнодорожного цеха Кировского завода, оставлен в городе на казарменном положении.

В марте сорок второго они в Пятигорске, где соседи, будто

сговорились, подкармливали ленинградских детей.

Для 16-летнего Вани детство окончилось призывом в действующую армию, в пограничные войска. Нес ратную службу в Новороссийске и Тамани, многое повидал и вынес, в феврале сорок пятого даже принял участие в охране Ялтинской конференции глав правительств союзных держав.

Вспоминая довоенные мечты, думал, закончит школу, пойдет работать, накопит денег и поедет в теплый город Сочи.

Встреча с курортом отодвинулась на годы, стала возможна, когда его, бегуна-стайера, привлекли на учебно-тренировочные сборы. Не было еще красавца стадиона на Курортной улице, и сам Ваня продолжал мерить по старым, военным меркам, когда в начале пятидесятых встретил в Сочи четырехкратного олимпийского чемпиона в беге на 5000 и 10000 метров и марафоне чеха Эмиля Затопека. Герой Олимпиад в Лондоне и Хельсинки к тому времени имел открытый счет и мог себе ни в чем не отказывать. Ушаков вспоминал: «На завтрак Эмиль Затопек тратил сто рублей, а мы – только три».

Я смотрел на него, пытаюсь понять, в шутку он говорит или всерьез. Но в этой шутке угадывалась сладость хлебной корочки военной поры, ее сытный запах. И уже с иной меркой оценива-

есть возможности этого известного спортсмена, внешне мало похожего на атлета, солдата спорта, которыми он силен и велик.

В жизни каждого человека бывают переломные моменты, круто меняющие его судьбу. Такой случай представился Ване в Новороссийске после знакомства с младшим сержантом Сергеем Синцовым, предложившим вместе готовиться к армейским соревнованиям. После старта на 1000 метров Ушаков даже не помнил, как бежал. Первым вперед ушел Сергей и до финиша не уступил никому лидерства. Ваня был третьим. На следующий день – бег на 5000 м. Для выхода в следующий этап соревнований ему надо быть вторым. Бежали в скверную погоду: знаменитый норд-ост сносил с дистанции, но он все же пришел первым, опередив своего первого учителя техники бега. И еще долго оттачивал ее, соревнуясь в солдатских сапогах, просивших каши.

1945 год. Окружные соревнования в Батуми. На стадионе – плакат «Смерть немецким оккупантам!»

Ушаков улучшает личные результаты в беге на 1000 и 5000 метров, а через год на всегрузинских соревнованиях выигрывает звание чемпиона на 5000 м и побивает рекорд республики в часовом беге, установленный в 1938 году.

Н.Акопов

В конце 1949-го сержанта Ушакова переводят на службу в Закавказский пограничный округ. В Тбилиси он женился на студентке физкультурного техникума, вместе с Валентиной Михайловной создал семью. Их сыновья – радиофизик Юрий и инженер-транспортник Виталий – живут в Москве и Санкт-Петербурге – сами родители и также дружны со спортом.

Закончив службу в армии, Иван Семенович поступил в Грузинский институт физкультуры и окончил его с отличием.

К тому времени мать с меньшими детьми вернулась в Ленинград, к отцу. А он остался жить в Грузии, прикипел душой к этому теплому краю, несмотря на приглашения в столицу, хотя отлично понимал, что тренироваться и бегать длинные дистанции в условиях высокогорья куда труднее, чем на равнине. И результаты, естественно, будут скромнее. И все же...

Иван Семенович скромно, но с чувством собственного достоинства вспоминал 1952 год – сезон дебюта советских спортсменов на Олимпийских играх в Хельсинки, когда его результаты на длинных дистанциях были лучше времени бегунов, привлеченных в сборную страны. Потом эти счастливичики, понятно, намного улучшали свою спортивную форму, а один из

Н.Акопов и олимпийский чемпион Р.Руруа

них – Александр Ануфриев даже удостоился бронзовой олимпийской медали в беге на 10000 метров.

Попробовал я разобраться во всех дипломах и грамотах этого, без преувеличения, легендарного спортсмена и сбился со счета. Только в 1946-1957гг. Ушаков 17 раз становился чемпионом Грузии в беге на 5 000 и 10 000 м и 3 000 м с препятствиями. Борясь за выносливость и скорость, освоил все средние и длинные дистанции, бегал марафон и стипль-чез, участник шести чемпионатов СССР по легкой атлетике. В Днепропетровске, Харькове, Москве, Ленинграде, Киеве, Минске вместе с ним соревновались заслуженные мастера спорта Владимир Куц, Петр Болотников, Владимир Казанцев, Федосий Ванин и другие великие стайеры.

Иван Ушаков с бронзовым призером Хельсинкской олимпиады заслуженным мастером спорта Леваном Санадзе и многократным чемпионом республики в беге на средние дистанции Валерием Вашакидзе делит 4-6 места по количеству установленных рекордов Грузии. Их у них по 14.

С 1952 по 1990 год Иван Семенович работал тренером в обществе «Динамо». Имел репутацию одного из лучших судей в отечественной легкой атлетике. И еще одно рекордное достижение: он 44 года преподавал физическое воспитание в тбилисской 64-й средней школе, приобщая тысячи девочек и мальчишек к занятиям спортом. Многие из них впоследствии стали известными спортсменами, помнят уроки физкультуры и нравственности Ивана Семеновича, его фотографию на школьном стенде участников ВОВ «Они ковали победу».

Его 65-летней давности рекорд Грузии в часовом беге не побит до сих пор!

ПУШКИ БОЛЬШЕ НЕ СТРЕЛЯЮТ

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!

Шли к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед.

И вот он, вот этот день: Берлин в дымке. Машины проходят под вздвинутой нашими бойцами аркой победы. Над ней гордо развеваются три флага и надпись: «Красной Армии – слава!»

Вот наконец Карлсхорст. Карлсхорст – это берлинский пригород – сегодня на наших глазах вошел в историю. Здесь могила гитлеровской Германии, здесь конец войне. Все здесь принадлежит истории. И это здание бывшего немецкого военно-инженерного училища, в котором состоялось подписание акта капитуляции. И этот зал офицерской столовой, и все минуты короткого, но преисполненного глубокого волнения и смысла заседания...

В зал входят главы и члены советской, американской, английской и французской делегаций.

Историческое заседание начинается. Оно очень недолго продолжалось, немного людей присутствуют в зале, немного слов произносится. Но за ними долгие годы войны. В зал входят немецкие генералы. Впереди – генерал фельдмаршал Кейтель.

На его лице багровые пятна, глаза слезятся. Он садится за стол и подписывает акт о капитуляции. Кейтель подписывает все экземпляры акта. Это длится несколько минут. Все молчат, только трещат киноаппараты.

Сейчас в этом зале гитлеровцев поставили на колени. Это победитель диктует свою волю побежденному. Это человечество разоружает зверя.

Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют.

Борис ГОРБАТОВ
Мартын МЕРЖАНОВ
«Правда», 9 мая 1945 г.

ОБРАЩЕНИЕ тов. И. В. СТАЛИНА
К НАРОДУ
9 мая 1945 года

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная вольную повадку немецких заправил, считающих договор и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это – действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, – не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей не-

зависимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!
Слава нашему великому народу, народу-победителю!
Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим
свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

ВЫ СПАСЛИ НАШЕ БУДУЩЕЕ

С первых часов пребывания на московской земле Серго Мирзоян с товарищами попал «в окружение» незнакомых людей, которые узнавали их на улицах, с улыбками приветствовали, терпеливо дожидались на ближних к Красной площади улицах, пока огромная страна, их общая родина, частью ее они все были, чествовала в торжественно-строгом параде гостей праздника 65-й годовщины Победы, которые приближали как могли этот светлый и радостный день.

«Вы защитили Родину и спасли наше будущее», – эти слова генерал-майор в отставке Серго Гургенович и его боевые друзья Шота Буадзе, Лили Романова, Давид Якобашвили, Рэм Дарсадзе не раз слушали со слезами на глазах в ходе многочисленных встреч, в школах и на предприятиях. Среди участников было больше молодежи, и посланцы ветеранского движения военнослужащих из Грузии не раз возвращались к воспоминаниям о событиях, которых забыть нельзя, о которых красноречиво говорили ордена и медали – знаки их воинской доблести.

Для Серго война началась, как и для миллионов его сограждан, громом среди ясного неба, в летний день, постучалась повестками военкомата в окна их двора.

«Если завтра война...» – эти слова из очень известной в довоенные годы песни, которую знал наизубок и стар и млад, стали реальностью в июне сорок первого и звали к боевым действиям, которые, они были уверены, помогут разгромить, уничтожить врага.

Взрослые уже воевали, когда Серго и его друзья безуспешно обивали пороги военкоматов, но их встречали отказом, советом подрасти. А пока они делали свою простую, но такую нужную работу – собирали металлолом, который потом переплавлялся на танки и пушки, а также теплые вещи для фронтовиков, навещали раненных воинов в госпиталях, которые размещались в помещениях тбилисских школ, рыли бомбоубежище на территории парка имени Горького на Пехановском проспекте, получая за этот не детский труд дополнительный довесок к скромной по-военному хлебной норме.

Война, казалось, такая далекая от их теплого южного города, ежечасно напоминала о себе своими приметам, письмами с фронта, приносящими одни боль и страдания.

Серго в первые военные годы работал учеником

Тбилисская 43-я школа

электромонтера в русском драматическом театре имени А.С.Грибоедова, где трудился его отец, Гурген Мирзоян, получал хлебную карточку служащего, имея возможность со своего рабочего места видеть спектакли с участием мастеров сцены - грибоедовцев.

В сорок третьем пошел учеником слесаря-сборщика на 31-й авиационный завод имени Димитрова, где изготовляли не мирные «игрушки» для фронта, куда в ноябре того же года рвался восьмиклассник средней школы Сережа.

Ему только пятнадцать лет, но как рано выросли мальчишки его поколения, и скоро он среди слушателей курсов связи в Москве. Радуетя каждой весточке из Тбилиси. В начале февраля 1944-го мать сообщила в письме, что его старшая сестра вышла замуж, брат зятя - Ашот Хачатуров - находится под Москвой и скоро подлежит отправке на фронт. Серго добивается увольнительной в город и спешит встретиться с новым родственником - в доме знакомой семьи Хуциевых, в которой рос будущий кинорежиссер. Расставаясь, земляки договорились о новой встрече. Через несколько дней Серго пришел в условленное место, но друга так и не дождался. Позже узнал, что Ашот Хачатуров погиб в бою.

В мае сорок четвертого младший техник-лейтенант Мирзоян подает рапорт руководству спецшколы о направлении

Выпускники 43-й школы 1954 года

его добровольцем в действующую армию. Просьбу одного из лучших выпускников школы удовлетворили, и вот молодой связист в пути, едет по опаленной земле Смоленщины, освобожденной советскими войсками.

«Ты, помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» – эти симоновские слова, обращенные к боевому другу и коллеге, знакомы Серге не по книжкам, их он видел наяву – сожженные врагом города и села, лежащий в руинах город Смоленск. После Смоленска началась для него новая, фронтовая жизнь.

Война бросила молоденького паренька в пекло сражений. Серге днем и ночью на прямой линии спецсвязи высшего командования, соединяющей командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии Черняховского с командующим 50-й армией генерал-лейтенантом Озеровым. Надо ли было доказывать вчерашнему мальчишке, который мужал не по дням, а по часам, как важна для управления войсками эта линия, к которой устремлены вражьи помыслы, как к ней он стремится подключиться. Тут уже не до обрывов, хоть зубами держи провод, и Серге, идя в ногу с войсками, не разлучен со своими аппаратами на выдавшей виды полуторке. Вместе со старшим

техником Сергеем Китеровым из Кисловодска, весельчаком, любившим повторять тезке: «Мы кавказской не забудем чести и до самой смерти будем вместе». Вместе воевали, поочередно ходили с котелками к полевой кухне, пробираясь по траншее. Но песня подвела – смерть их разлучила, ушел по траншее выполнять задание и не вернулся Сережа из Кисловодска, погиб от прямого попадания снаряда недалеко от их объекта связи. Неделю Серго работал без напарника, пока прислали замену.

И сам не уберется – в сорок четвертом в боях под Кенигсбергом был ранен в голову, забинтованный, бледный от большой потери крови, в полевой госпиталь не ушел, остался на боевом посту, действуя быстро и четко, обеспечивал связью командующих, развивающих наступательные операции. Вот тогда, под Кенигсбергом нашла его первая боевая награда – орден Красной Звезды.

По окончании войны, после демобилизации лейтенант Мирзоян вернулся в родной город с пятью правительственными наградами, а вскоре пришли в его родной дом еще три. С ними на груди не по годам бывалый воин (было ему тогда чуть больше семнадцати лет) предстал перед своими сверстниками, к которым тотчас подключился, завершил среднее образование, а потом получил и высшее юридическое.

Все эти годы учился и работал.

Там, где было всего трудней и опасней, в органах государственной безопасности, обеспечивал охрану особо важных объектов и персон, в системе МВД Грузии, в уголовном розыске – Серго Мирзоян не спешил закрывать свой личный счет в борьбе с бандитской нечистью, участвовал в раскрытии нескольких опасных преступлений.

Жизнь тбилисского парня, добровольцем ушедшего в самое пекло кровопролитной войны, как и всего его поколения, богата событиями, которых с лихвой хватило бы не на одну книгу.

Судьба наносила ему удары, один другого страшнее, а он не сломался, выстоял, как в те огненные годы: отдает свои силы и знания большому и нужному делу ветеранского движения. Готов часами рассказывать о сильных духом и красивых в поступках людях, однополчанах, сынах большой интернациональной семьи, которая все выдержала и победила, как

И. Ушаков

Дома и стены помогают

в стихах его фронтового друга, старшего по званию офицера Владимира Петрова: «Победным маршем, двигаясь вперед, мы уничтожили фашистский сброд...»

Эти бесхитростные, но крепкие по-солдатски, фронтовые стихи лучше иной поэмы связали дружбой москвича и тбилисца.

Где же вы теперь, друзья-однополчане? Иных уж нет, и рассказывая о них, Серго Гургенович горестно задумывается, вспоминая, как терял одного за другим – кого в боях, кого на мирной работе, от полученных в сороковых годах ран: Валерия Лекишвили, Николая Громова, Ашота Хачатурова...

А жизнь продолжается, с другими однополчанами Серго Мирзоян встречался на празднике Победы в Москве, откуда уходил на фронт в далеком сорок четвертом. И еще собирается встретиться.

Сколько дорог вместе пройдено, сколько еще предстоит пройти!

Карлсхорст. 9 мая 1945 г. 0 час. 43 мин.

Победа!

Потсдамская конференция. Июль 1945 г.

Грузинская делегация ветеранов войны. Москва. 2010

С. Мирзоян. 1944

Арсен ЕРЕМЯН. Стихи о войне

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Он олимпийский чемпион,
но не научен громкой речи,
и славой, давящей на плечи,
не удивлен и не смущен.

При встрече любит повторять,
как это звание навечно.
И чемпионской силы стать
не обещает близкий вечер.

А два юнца в сквозном дворе
престижного большого дома
не видели его в игре,
накоротке с ним не знакомы.

Не знают, кто был их сосед,
ни имени его, ни званий.
Ну, а на нет и суда нет,
и как бы там его ни звали.

Мы в бой идем не славы ради
и на пределе наших сил.
Так в сорок первом на параде
мороз виски нам серебрил.

ОБЕЛИСК

Г. Поженяну

Боксер и воин, бард-поэт,
Он пел про круг и место в шлюпке.
Измене в дружбе места нет,
Как трусу в командирской рубке.

Швыряет вал за валом море.
Ну что с того, что ты на суше.
Со шкипером любым поспорим,
И годы голос не заглушат.

Вы вытянули злой билет,
Держа удар, как Сегалович,
Жизни неполных двадцать лет
Ради других отдать готовы.

Как было страшно на войне –
В снегах, десантах и на море.
Вас извещеньем слишком скоро
В Сухом Лимане зря хоронят.

Но в минных погребках своих
Память востребует безусых
Ребят, чью жизнь продолжит стих,
Кто в бой ушел и не вернулся.

Десант сражается – он жив,
И отражаясь в обелиске,
Нам завещал достойно жить,
Гореть стожарами неблизкими.

МОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.

К. Симонов

Ради нескольких строчек в газете
Вы мотались на передовой
И единственной в целом свете
Наказали ждать живой.

Жизнь как ожидание встречи.
И она для вас важна,
И хочет быть вашей женщиной
На лугу, где грохочет война.

И не просто новая аура,
Которую себе приметил,
Поверив в Петрарки Лауру
И не веря в приметы.

Ради нескольких строчек в газете,
За которые ни гроша,
Я плюю на условности эти
И не сдерживаю шаг.

Не слушай меня с испугом,
Редкая, как корень женьшеня.
Снова стала планета лугом
С конями и женщинами.

КЕРЧЬ

А. Галустову

Приказ был прорываться к морю
И как всегда не обсужден.
Но каждый среди вас, героев,
Уже заране обречен.

Ты ездовой, но пушка ваша –
Песчинка в этом море зла.
И даже думать было страшно,
Что пуля-дура цель нашла.

И сгнули куда-то кони,
Лишь облака, как табуны.
Тебе из крымского далека
Родные горы не видны.

Вокруг тебя орлы-подранки
И падают в гвардейский рост,
И смерть их носит спозаранку
На кровью залитый погост.

А уступать никто не хочет,
И ты кричишь: «Сынок, пригнись!»
И догоняешь что есть мочи,
И через силу тянешь вниз.

И вплоть до дальнего лимана
Идет стеной кровавый смерч.
Здесь вся земля сплошная рана,
И жертвы требует с вас Керчь.

КИНОТЕАТР В СУХУМИ

Д. Шелия

Ни одного билета в кассе.
Мужчина: «Да, но я герой...»
А в зале скоро свет погасят,
И вспыхнет на экране бой.

Горел он ярче всех закатов.
Сосед танкистом, видно, был.
Ловил он жадно кадр за кадром
И все на свете позабыл.

До Прохоровки снова близко,
И на груди горит звезда.
Какою страшною пропиской
Вошла война в нас навсегда.

Горели танки, словно свечи.
Рулил механик в озерцо.
Охваченный огнем по плечи,
Спешил он уберечь лицо.

Пропитанный до пят бензином,
Комбинезон ловушкой стал.
И легким был тебе и зимним,
Когда ты плакал и мужал.

А озерцо, что твоя лужа –
Притягивает, как магнит.
И танк твой снова будет нужен,
И вот поодаль «Тигр» горит.

В бою трофеев мы не брали,
И танк на танк упрямо лез,
Как на слонику слон взобрался
И не спешит оттуда слезть.

И снова ужас наважденья,
И не отпускает боль.

ПАМЯТЬ

Брату Шуре

Ты ребенком от ножей
Под тахтою схоронился.
По раскладу ворожей
Жить тебе и веселиться.

Лихо знал ты не по книжке,
Виноватый без вины,
Испытал судьбу парнишкой
С первых месяцев войны.

Смерть настигла возле Курска.
В братской ты лежишь могиле
Иль на дне в окопе узком,
Старикам не сообщили.

Службы ратной срок короткий,
А потом покой и тишь.
На меня из-под пилотки
С фотографии глядишь.

Ал.Еремян. 1941

СТАРАЯ КНИГА

Семье Мовсесян-Ширванзаде

Милой жемчужине Армении —
Вы книгу надписали той,
Кто Маргаритой от рождения
Была не книжной, а живой.

Росла сама в семье писателя,
Отца вознес роман «Хаос».
Война ослушалась Писания —
Несла убийства и хаос.

Песню в полях сменили стоны.
О, Маргарита, где твой Фауст?
Вместо лютни фаустпатроны
Играют смерть, не зная пауз.

Нас память детства не подводит,
Воспоминаниям не рады:
Под бомбами горят подводы,
И танки лезут к Сталинграду.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД

Нас не призвали в ту войну –
По возрасту не подлежали.
Мы не оправдывали с жаром
Свою невольную вину.

Прокладывая к знаниям тропки,
С чьей-то светлой головы,
Мы, новобранцы-одногодки,
Сдавали краткий курс войны.

Макета театр военных действий,
И как всамделишный в огне –
К нам возвращался ужас детства
Тарелкой черной на стене.

Полковник помнил академии,
А первую – прошел в войну,
Рейхстага комнаты в сраженьях
Он брал, как бюргера жену.

В спортивном зале Эвридика
Училась оседлать бревно.
И нам сначала было дико
Освоить то, что не дано.

Не повторяя путь Орфея,
В плену сонетов и баллад,
От перегрузки сатанея,
Готовы в свой спуститься ад.

В. Гроссман в Сталинграде. 1942

ЗАВЕЩАНИЕ ГРОССМАНА

Утром их не накормили, вытолкали прикладами автоматов на аппельплац и, наскоро пересчитав, погнали в ближний лес. Конвоиры незлобно покрикивали на овчарок. Собаки заливались лаем, бесновались от барачного духа колонны, настороженно слушали паровозные гудки. Лес насквозь прошил железнодорожными строчками, бегут к славутскому лагерю невольничьи поезда. Спешат мордастые конвоиры – сотня качающихся от слабости людей подлежит немедленной ликвидации.

Обреченная колонна бредет осенним лесом, шаркает опухшими ногами по мокрому листьям. Каждый занят невеселыми мыслями и мало похож на Гензеля и Гретель, не теряющихся детей бедного дровосека, заведенных судьбой-мачехой в лесную чащобу, откуда не выбраться. А жизнь страшнее этой свирепой немецкой сказочки. От белых камешков их избавили сразу по приезде в лагерь, теперь в карманах ограбленных людей не найти и хлебных крошек, которыми они могли отметить свой крестный путь.

Она шла вместе со всеми, не спеша и не отставая, ранним сиротством, несвободным бытом за проволокой наученная, что смерть приходит, не спросясь. Мобилизованная с третьего курса на второй день войны, привычно работала медсестрой – вытаскивала раненых из-под огня, перевязывала в пещерах и блиндажах на прибрежных керченских откосах; после майской трагедии, когда их стрелковая часть попала в окружение и земля горела от зажигательных бомб, была брошена в лагерь, на допросах подвергалась пыткам и унижениям, бита смертным боем в карцере, но не смирилась, продолжала лечить лекарственными

травмами – это умение унаследовала от отца врача, – обратила на себя внимание подпольщика, заведующего райздравотделом Ковальчука; через местную жительницу Софью Василевскую, партизанскую связную, переправляла в лес медикаменты и перевязочные материалы; узнавала местонахождение складов боеприпасов и продовольствия, время прохождения воинских эшелонов, национальность охранников на караульных постах – немцев, мадьяр, румын. За каждую переданную на лесную базу записку и выход из зоны по фальшивому аусвайсу грозила пуля, но Бог миловал – в лагере ее ни в чем не подозревали. Только сейчас она в одной колонне с евреями, куда попала из-за цвета волос. И это озарение пришло к ней, прежде чем пригнали их к проклятым рвам, вырыли их несколькими днями раньше такие же заключенные.

Поняв это, ее тридцать молодых лет громко возопили против чудовищной несправедливости, присвоенного одними людьми права пролить кровь других, из ее груди вырвался крик: «Ва ворек уриа до мушени око домхригат» (Не еврейка я, и почему меня должны расстрелять? – мингр.)

Столько боли и молодой силы, бездумно убиваемой, было в этом вопле загравленного существа, что ее услышали все евреи в мертвом лесу – бедные дети Израиля. Перед каждым разверзлась бездна, и ангел смерти Малэхамовес, с огненным мечом и тысячью глаз, довольно рассмеялся им в лицо. Они поняли, что уже никогда не родят младенца, не прижмут к материнской груди, защищая от множества бед, которые ему грозят со дня рождения, не дождутся внуков, не посмотрят в их чистые глаза, не поглядят шелковые волосы, не откроют священные книги, не будут соблюдать субботу покоя, не наденут все новое к празднику Песах, не возьмут в умелые руки портняжную иглу и чаровницу скрипку Гварнери, не сыграют свою «бессмертную» шахматную партию в старом, добром стиле романтиков прошлого века, не будут давать уроки французского и немецкого своим и соседским детям, не пропишут нужного лекарства в аптеке, не помогут страждущим, обратившимся к ним за помощью, потому что обращаться будет не к кому. И зная, что сейчас их станут убивать, эти пасынки истории, сыны и дочери богоизбранного народа, сошедшего с пути назначенной ему миссии дать спасение всему миру, не принявшего Христа и взявшего на себя ответственность за кровь его, внушающего мистический страх малокультурным людям от низменных, чудовищных мифов, эти праведники проявили редкую силу духа, презрев собственную гибель, вспомнили в смертный час завещанное на века указание Талмуда: спасающий одну жизнь – спасает целый мир, и, рискуя получить пулю в лицо, – сколько Аманов может иметь один народ! – потребовали от своих убийц: «Освободите эту женщину, она не еврейка».

И случилось чудо. Нелюди, для кого чужая жизнь всего ничего, капля в море слез, в решающий миг poznali справед-

ливость высшего принципа гуманности. Чья-то сильная рука вырвала ее из толпы и отшвырнула далеко в сторону. Теряя сознание от удара об землю, она продолжала слышать плач и рыдания и автоматные очереди иродова дела.

Потом стало тихо в лесу. До ее затуманенного рассудка доносился шум крови, этой души всякого тела, потоками вытекающей из расстрелянных в еще одной безымянной еврейской могиле.

От безумия ее спас доктор Ковальчук. В декабре его самого схватили и повесили как партизана и долго не разрешали вынуть из петли, в назидание и устрашение других.

Рассказывая, Гулико Манткава плачет, через полвека заново переживая убийство однополчан и мирных жителей,

Г.Манткава

породненных общей бедой. Как мало героического в облике этой седой фронтовички. Само участие в войне противоречило ее женскому естеству, когда она в составе санитарной роты высадилась с десантной группой на Керченский полуостров, выжила в двух лагерях, вышла неопалимая из барачков, подожженных гитлеровцами вместе с холерным блоком. Партизанское соединение, куда она пробралась через линию фронта, скоро влилось в краснознаменную бронетанковую дивизию 3-го Белорусского фронта. И Гулико наградили орденом боевого

Красного Знамени, к которому сегодня мало почтения у тех, кто разъезжает в перегнанных из Германии заносчивых мерседесах, лакает баночное пиво, не зная вселенского ужаса, когда нацисты выбирали живой мишенью людей.

От горящих барачков проволока на бетонных столбах ограждения накалилась и легко отгибалась. Многие пленные тогда бежали.

Места вокруг Ровно безлесные. Гулико пряталась в высоких неубранных хлебных полях, кормилась колосьями и травами. На десятый день услышала шорох раздвигаемой травы и окрик: «Руки вверх!» Перед ней стоял темноволосый мужчина с черным немецким автоматом наперевес. Он спросил на армянском языке, кто она, куда идет и как здесь оказалась, а у нее был один выход – смерть или уход в Украину. Незнакомец предложил обменяться адресами, записал ее – тбилисский. С наступлением темноты бывший военнопленный Гурген Галоян тайно провел ее на станцию и спрятал в товарном вагоне, в угольной куче, посигналил электрическим фонариком, что путь безопасен. В восьми километрах от станции она спрыгнула с поезда и ушла в лес.

Гурген Григорьевич слово сдержал. В начале семидесятых приехал с женой из Сумгаита, который строила вся страна, называла великой стройкой и городом интернациональной дружбы. Ничто тогда не предвещало погромы по пятому пункту – Содом и Гоморру перестройки, звериный оскал фашиствующих уголовников, методику хладнокровного убийства беззащитных стариков, женщин, детей.

22 августа тридцать девятого года, за неделю до вторжения в Польшу, на совещании лидеров фашистской военщины в Оберзальцберге Гитлер вещал: «Я приказал своим смертоносным отрядам безжалостно уничтожать детей, женщин и мужчин польского племени и говорящих на этом языке. Только таким образом мы можем приобрести необходимое нам жизненное пространство. Кто сегодня помнит об уничтожении армян?»

Так цинично сановным палачом рейха утверждалась старая незабытая разбойничья идея: нет народа – нет вопроса. История повторилась и, вопреки известной сентении, дважды трагедией, одной из крупнейших катастроф века. Массовые убийства евреев варшавского и лодзинского гетто во многом развивались по сценарию кровопролитных драм в раскаленной месопотамской пустыне Дер-Зор, где даже солнце усердствовало в роли палача тысяч армян.

Развивая технику обезлюдения – Гитлер понимал его как устранение целых расовых единиц – фашизм сплел в Европе чудовищную паутину лагерей индустрии смерти.

В одном из самых зловещих – в Трелинке, маленькой захолустной станции в шестидесяти километрах от Варшавы, в начале сентября сорок четвертого побывал подполковник в изношенной армейской шинели. Для него это не рядовая поездка, за которую следует отписаться в газете. Военкор «Красной звезды» Василий Гроссман близорукими синими глазами за железной оправой очков увидел многое, что пытались спрятать с концами строители конвейерной плахи.

Он начинает рассказ негромким, ровным голосом много повидавшего на своем веку человека, но спокойствие это только кажущееся. Скоро мы узнаем, что Трелинка состояла из двух лагерей. В первый – за незначительные проступки заключали поляков. Этот трудовой лагерь, уменьшенная копия Майданека, стоял в лужах крови, и могло показаться, что нет ничего страшнее в мире. Но его узники знали, добавляет писатель-фронтовик, что есть нечто ужаснее, во сто раз страшней, чем их лагерь. В трех километрах дымит еврейский комбинат плахи, выбрасывая облака огня и пепла.

Он говорит о бутафорской станции Обер-Майдан – с касками, камерой хранения, стрелками мифических маршрутов, за чьей платформой растет желтая трава и обрываются рельсы надежды, видит вахманов в черных мундирах, эсэсовских унтер-офицеров на вокзальной площади, вытоптанной миллионами пар ног. Их смешит, что крикливые мамы отчитывали

детей, отбежавших на несколько шагов, одергивали на них матросские курточки, мужчины вытирали лица носовыми платками и закуривали сигареты, заневолившиеся девушки опраивляли растрепанные волосы, испуганно придерживали трепетные юбки от порывов нескромного ветра, уверенные в надежде, что их везут в нейтральную страну, где не стреляют.

Он вглядывается в прибывших обреченным эшелон, в их прекрасные лица, и в логове волчьем ему открывается рафаэлевская истина о высоте и неистребимой силе человеческого в человеке. Он видит, как босоногая Сикстинская Мадонна пошла в газовню, понесла на руках сына по колкому песку троблинской земли, содрогавшейся от скрежета огромных экскаваторов-могильщиков. Ему и страшно, и стыдно, и больно за эту ужасную жизнь, за упоенное властью самодовольной насилие, и он честно спрашивает: нет ли в этом и его вины и почему мы живы. Ужасный, тяжелый вопрос, признается себе писатель. Задать его живым впрямь только мертвые, но они молчат.

Грозный судья, он берется за непосильную задачу – пройти путь этих живых мертвецов и вернуться, чтобы поведать правду потрясенному человечеству. Он пройдет с ними мимо высокой, в три человеческих роста, колючей проволоки, противотанкового рва, лагерных вышек с пристрелянными крупнокалиберными пулеметами – до самого порога красивого каменного здания, украшенного деревом. Снаружи оно напоминало античный храм – самовлюбленный фашизм искал аналогии с блеском и роскошью древнего Рима. Но за широкой стальной дверью скрыто десять газовых камер. Усаженная елками и цветами, дорога без возвращения хранила на песке трудноразличимые следы босых ног: маленьких – женских, совсем маленьких – детских, тяжелых старческих ступней. И память о высокой девушке. Прекрасная в гнев, как Немезида, она выхватила карабин из рук глазеющего на их наготу садиста и вела короткий, неравный бой с десятками профессиональных убийц, пока не упала навзничь, как подстреленная белая птица.

Гроссман шаг за шагом прошел по кругам троблинского ада, и безобидной, пустой игрой сатаны показался ему Дантов ад. Тут не отвернешься, не пройдешь мимо, не оскорбив память погибших. Он встречался со свидетелями – с крестьянами соседней деревни Вульке, с арестованными эсэсовцами из концлагеря. Увиденное и услышанное позволяет ему задать грозный вопрос: «Каин, где все те, кого ты привез сюда?»

Он собирает факты, письменные показания, сталкивает их и завершает расследование математически точно выверенной цифрой, от которой порядочного человека берет оторопь. Троблинка за десять месяцев убила три миллиона людей – больше, чем все моря и океаны за время существования рода человеческого.

Невозможно без сердечной боли читать о страшном

конец смертников, когда за считанные секунды низвергались в пучину небытия большие сильные умы, честные души, славные детские глаза, милые старушечьи лица, гордые красотой девичьи головы, над созданием которых веками трудилась природа. От них остался черный пепел, вывозимый пудами на мобилизованных крестьянских подводах, лопатами разбрасываемый заключенными детьми на черной дороге меж двух лагерей. Напрягая зрение, можно увидеть в этой траурной ленте горящие медью волнистые густые женские волосы, втоптаннные в землю тонкие, легкие девичьи локоны из не вывезенного в Германию мешка – страшное сырье людоедки-войны.

Черный пепел стучал в сердце русского писателя Василия Гроссмана. Изданный отдельной брошюрой «Треблинский ад» лег на стол Нюрнбергского трибунала весомым обвинением Холокоста. В сентябре сорок четвертого он писал: «Сегодня мало говорить об ответственности Германии за то, что произошло, нужно говорить об ответственности всех народов и каждого гражданина мира за будущее, разобраться в природе расизма, в том, что нужно, чтобы нацизм, гитлеризм не воскрес никогда, во веки веков ни по эту, ни по ту сторону океана». Как актуальны эти слова писателя-гуманиста в наши дни, когда в киосках бывшей «Союзпечати», в стране, потерявшей на войне и без нее десятки миллионов человек, продается «Майн кампф», запрещенная в покаявшейся Германии безумная книжка. Как не прислушаться к завещанию–предостережению: мы должны помнить, что расизм, фашизм вынесет из этой войны не только горечь поражения, но и сладостные воспоминания о легкости массового убийства.

Треблинка была прологом к главной книге Гроссмана. Еще в фронтовом очерке он отмечает железную логику войны: офицер с зеленой ленточкой сталинградской медали записывает показания лагерных палачей, победоносная сталинградская армия освободила многострадальную треблинскую землю. Роман-эпопею о Сталинграде он посвятил матери – Екатерине Гроссман, старой учительнице, замученной в бердичевском гетто. «Когда я умру, ты будешь жить в книге... судьба которой схожа с твоей судьбой». Ей продолжал писать письма, прося совета у мертвой, до последних своих дней, так нещедро отпущенных ему судьбой. Гроссман приводит в романе скорбные строки последнего письма Екатерины Савельевны сыну, с удивительным рефреном материнской любви: «Живи, живи, живи вечно...» Даваясь от слез, его перечитывает ученый физик Виктор Штрум.

Остается загадкой, как типичный русский интеллигент, читающий в подлиннике Мопассана и Доде, зная с десятков слов на идиш, с такой пронзительной силой написал о трагедии еврейского народа, и многие страницы его романа о Сталинграде – несмолкаемый реквием по шести миллионам замученных душ. Он опрокидывает все мыслимые представления о человеческих пределах творческого процесса, вводя действия романа в белые

бетонные стены газовой камеры, куда вопреки физическому закону Авогадро втиснуты немолодая доктор Софья Левинтон и ее непривычно молчаливые попутчики по арестантской теплушке, беспомощные, задыхающиеся, раздавленные ужасом. Близок конец... темнеет в глазах, гулко пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу... Слепнущая от удушья Софья Осиповна ощутила, как осело в ее руках невесомое тело бездомного мальчика Давида, которого она обнимала из последних сил, пытаясь спасти и защитить в бетонной могиле. «Я стала матерью», - подумала никогда не рожавшая женщина и умерла.

Война грохочет на Волге, ломая людские судьбы, пожирая новые жертвы. Жена Штрума – Людмила Шапошникова без вещей и продуктов ночью плывет пароходом в саратовский госпиталь, куда с тяжелыми ранами помещен сын, беззвучно шепча непослушными губами заклинание: «Пусть Толя останется жив!». Больше мать ничего не просила у неба, но земной путь молодого лейтенанта-артиллериста оборвался. Свежий могильный холмик сохранил для нее на фанерной табличке имя и воинское звание сына. Она наконец нашла Толю на последнем страшном мальчишнике – однообразии и густоте фанерок вокруг напомнили строй щедро взошедших на поле зерновых. Ночью она осталась одна на военном кладбище, как безумная говорила с сыном, прикрывла полый пальто босые толины ноги, сняла с головы пуховый платок и укрыла его плечи в легкой бязевой рубашке. Людмилу Николаевну поразила мысль о вечности ее горя: умрет муж, умрут внуки ее дочери, а она все будет горевать.

На форзаце одной из немногих книг о жизни и судьбе Гроссмана недавно обнаруживаю редкую фотографию. Гроссман похож на Михаила Ботвинника и на Исера Купермана. Задумчивый и грустноглазый, сидит на большом камне, просветленный, как Он в пустыне, прости, Господи, на полотне Крамского в Третьяковской галерее. Классик, не удостоенный издания собрания сочинений. Черное демисезонное москешвеевское пальто, теплое и надежное, как он сам, толстый шерстяной шарф, белая сорочка, крупный узел темного галстука. Устало опущены сильные плечи. За ним громоздится девятый вал каменного моря, кажется, сейчас накатит на этот естественный подиум. Что-то знакомое в рыжих скалах, аскетически строгих, без единого клочка травы, в развалинах языческого храма, которому две тысячи лет.

Гарни, древняя летняя резиденция армянских царей.

Среди старых бумаг нахожу свою фотографию, как две капли воды похожую. Та же каменная плита стилобат – основание ионической колонны. И снято, возможно, в один и тот же ноябрьский день. Сохранился и групповой снимок. На фотографии я дальше и выше других, сижу на краю пропасти с речкой-змейкой Азаг на далеком дне. Снова слышу слова нашего спутника, обладателя белой красавицы «Волги»: осто-

рожно, не скатись вниз! – и с запоздалым благоразумием не спеша слезаю с предательски неустойчивой каменной глыбы.

Гроссман приехал в Армению, когда жить ему оставалось неполных три года. Эту малую толику времени он проживет несчастливо и с достоинством. Великан, опутанный лилипутами тысячами нитей. Арестована главная книга, и судьба рукописи долго будет волновать не покинувших его друзей. Лишенный обычного заработка писателя, он надевает хомут ремесла, соглашается на постылую поденщину, в Армении занимается авторизованным переводом военного романа Рачия Кочара, да так неистово, что к вечеру лицо и лоб покрываются фиолетовыми пятнами, и еще собирает материал для последней книги, условно названной «Путевые заметки пожилого человека». Она не избежала судьбы его книг-страдалиц.

Писатель, чей роман он переводил, пригласил его на свадьбу племянника. Гроссман едет в бедную деревню на южном склоне Арагаца, к выходцам из далекого Сасуна, с невероятным трудом вырубавшим хлеб из базальта, к землякам Давида Сасунского и генерала Андраника.

Суровые груды голых камней, синее небо, сахарные головы Арарата, на который смотрели писавшие Библию люди, живо заряжают его писательское воображение. Он не просто гость, кого не замечают на улице ереванские коллеги, подверженные знакомой по Москве эпидемии неузнавания, когда в квартире сутками молчит телефон. Он участник народного веселья в сельском клубе, пьет с мужиками крепкую виноградную водку, заедает огненно-режущим зеленым помидором. Он работает – его пытливый взгляд замечает, как потрескивают тоненькие восковые свечи, кажется, это глаза людей светятся мягким огнем; и очень милостивая невеста, молоденькая продавщица из сельмага, танцует, боится, как бы расплавленный воск не попал на ее новое, светло-голубое пальто; у некоторых танцоров в руках блестят трофейные немецкие кортики и кинжалы с насаженными на острие яблоками.

В разгар веселья к нему обращается седой мужчина в застиранной добела солдатской гимнастерке. Колхозный плотник говорил о евреях. В немецком плену он видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных – так были убиты его товарищи. Он говорил о своем сочувствии и любви к погибшим в газовнях Освенцима еврейским женщинам и детям, сказал, что читал военные статьи гостя, где он описывает армян, и подумал, что вот о нас написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий, ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа.

Я слышу этот удивительный тост старого колхозного плотника, с суровым каменным лицом; вижу Гроссмана, вытирающего платком не видящие от слез глаза. В книге об Армении он сказал о переполняющих его чувствах, низко кланялся армянским крестьянам, которые во время свадебного веселья

всенародно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о нацистских лагерях смерти, низко кланялся всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи, за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовнях и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза человеконенавистники бросали слова презрения и ненависти: «Жалко Гитлер всех вас не прикончил», давая клятву до конца жизни помнить услышанные в сельском клубе речи крестьян.

Это к нам, живущим, обратился он в повести «Добро вам!» Добро вам, армяне и не армяне, люди планеты Земля!

Умирал Гроссман трудно. Лежал притихший, на узкой больничной койке, прислушиваясь к боли, ненасытным пламенем лизавшей внутренности, его окровавленные легкие. Мысленно он далеко, в городе Садко, который его не любил и нелюбовью своей навлек столько бед. Он снова вел бой за сталинградский вокзал, где оставлен биться до последнего патрона батальон старшего лейтенанта Филяшкина, и, не дождавшись подкрепления, в кольце окружения погибал вместе с ним, теряя командира за командиром, бойца за бойцом, как терял свои арестованные книги, уже не надеясь подняться, как Виктор Некрасов, к знаменитым бакам на Мамаевом кургане, войти в стреляющие цеха Тракторного, встретить среди развалин фронтовых знакомых - Новикова, Грекова, Березкина, Вавилова, Ершова...

В кровавом от рвущихся снарядов мареве дрожит странное видение – высокий мужчина в красном камзоле, в островерхой шляпе набекрень, в широченных штанах, в чулках, заправленных в башмаки с бантами, пучеглазый и большеротый. Колдун из старого Гаммельна, спасший город от нашествия несметных полчищ крыс.

Нет уже сил вспомнить, откуда этот навязчивый образ средневекового крысолова.

Играя на бронзовой флейте, незнакомец привычно шел к морю, вошел в воду. За ним, повинувшись диковинной колдовской мелодии, послушно следовали погромщики, насильники, убийцы всего живого на голубой планете, такой малой, беззащитной. Они шли, как сомнамбулы, не видя ничего вокруг, сваливая и топчя друг друга, тяжелыми комьями падали с крутого берега. Волны смывали горляющую пеструю ленту и не было ей конца.

В.Гроссман в Армении. 1961

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Свентицкий. ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ</i>	5
НАЧАЛО ВОЙНЫ	6
РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!	9
ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!	11
ЭТОТ СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»	14
СУЛИКО	26
У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО	31
СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЬЖАХ	32
«ПИШИТЕ СВОИ ПОВЕСТКИ САМИ»	37
НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ!	38
А ВОЙНА ВСЕ ШЛА	40
ПЕПЕЛ СЕВАСТОПОЛЯ СТУЧАЛ В ЕГО СЕРДЦЕ	44
МАХАРАШВИЛИ ПРИЕХАЛ!	49
ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ	51
«В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ..»	53
ГЕРОЙ ПУЛАВСКОГО ПЛАЦДАРМА	57
ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА... ..	59
ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ И МОРЕ	61
НАША ОБЩАЯ ИСТОРИЯ	67
В СТЕПИ ПОД РОСТОВОМ	68
БУРКА, САПОГИ-ФРОНТУ	71
«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР	75
ЛИЧНО ИЗВЕСТЕН	79
СВЕТЛОЕ ИМЯ	83
НАМ ТАНКОВ НЕ ДАВАЛИ	88
МАТЬ СОЛДАТА	91
РИО РИТА	94
ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ	95
НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ	99
ЧУДО-ХИРУРГ	101
ГВОЗДИ Б ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ	104
МЫ СОРОК ТРЕТЬЕЙ ВСЕ КОГОРТЫ	108
СТАРШИНА С АДМИРАЛЬСКОЙ ФАМИЛИЕЙ	111
ПУШКИ БОЛЬШЕ НЕ СТРЕЛЯЮТ	115
ОБРАЩЕНИЕ тов. И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ	
9 мая 1945 года	117
ВЫ СПАСЛИ НАШЕ БУДУЩЕЕ	120
<i>А. Еремян. СТИХИ О ВОЙНЕ</i>	124
ЗАВЕЩАНИЕ ГРОССМАНА	132

რეზიუმე

მხატვრულ-დოკუმენტური სამხედრო მოთხრობების კრებული “22 ივნისი” ეძღვნება დიდი სამამულო ომის დაწყების ხსოვნისა და მწუხარების დღეს.

წიგნი საქართველოს დამსახურებული ჟურნალისტის, ლიტერატორის და ფილოლოგის არსენ ერემიანის საავტორო პროექტია.

კრებულში შესულია მოთხრობები, ნარკვევები და ლექსები ომის მიერ დაღდასმული ადამიანების ათობით რეალურ ბედზე, ფრონტისა და ზურგის გმირებზე და თავმდაბალ მებრძოლებზე, ყოველდღე რომ იბრძოდნენ სიცოცხლისა და გამარჯვებისათვის.

SUMMARY

The collection of military fiction-documentary stories “the 22nd of June” is dedicated to the tragical day of the beginning of the Great Patriotic War, to the Day of memory and grief.

The book is the project of the author, the honoured journalist, the literary man, the philologist Arsen Yeremian.

In the collection, there are stories, essays, verses about scores of real people’s fate, broken by the war – about nationwide famous heroes and modest soldiers of the front and rear of the battle, who fought in the name of life, in the name of the Victory.

Арсен Еремян – филолог, литератор, редактор. Закончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Работал в редакциях газет «Заря Востока» («Свободная Грузия»), «Вечерний Тбилиси», «Грузия-Спектр» и на партийной работе. Заслуженный журналист Грузии. Заместитель главного редактора журнала «Русский клуб». Книги А.Еремяна издавались в Тбилиси и Москве на русском и грузинском языках, в т.ч. сборники художественно-документальных рассказов «Гром победы» (2002), избранной лирики «Автограф» (2007) и «Высота» (2011), рассказов и стихотворений «Робинзоны в городе» (2009).

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»**

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»
и **ВТБ**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

Арсен Левонович Еремян
22 ИЮНЯ

Редактор

Н. Зардалишвили

Дизайн

А.Еремян

Д.Элбакидзе-Мачавариани

Технический редактор

Э. Ахсахалян

Компьютерный набор

Н. Зардалишвили

Е.Галашевская

А.Еремян

Компьютерная верстка

Д.Элбакидзе-Мачавариани

Перевод

Э.Квитаишвили

Х.Элбакидзе-Мачавариани

არსენ ლევონის ძე ერემიანი
22 ივნისი
(რუსულ ენაზე)

Еремян А.Л.
22 ИЮНЯ –
Тб., 2011. - 148 с.

На форзацах – Мемориал Славы (скульптор Э.Амашукели). Поти;
Мемориал Славы. Сигнахи

Отпечатано в типографии ООО «Мтигнобари».
Тбилиси, пр. Д.Агмашенебели, 40

